

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 12.

ЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). И. Корсуноваго	769—790
Латиняне въ іерусалимскомъ патріархатѣ въ ХІІ вѣкѣ. А. Рождественна	791—817
Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи Петра Цвѣткова	818—826

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Киевской духовной академіи П. Липицкаго	563—584
Онтологія или метафизическое ученіе о бытіи вообще. (По В. Вольфу) (продолженіе). Архимандрита Борнса	585—605
Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ. I. Т.	608—621

III. ЛИСТОВЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Мисіонерскаго Общества.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи за 1887/88 учебный годъ.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за тотъ-же годъ.—Списокъ воспитанницъ IV и V классовъ того-же училища за тотъ-же годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, нѣмецкая, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πότεν νοβδμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Іюня 30 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Московскій періодъ (1821 — 1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

4. Въ 1865 году, въ виду прискорбнаго положенія вещей во многихъ отрасляхъ государственной и церковной жизни за то время, приближавшійся къ могилѣ старецъ, великій святитель московскій Филаретъ, писалъ А. Н. Муравьеву между прочимъ слѣдующее: „когда великая война возбудила религіозный и патріотическій духъ; когда императоръ Александръ Благословенный, по окончаніи ея, возвратился въ отечество исполненный религіознаго чувства и вѣры во всеуправляющее Провидѣніе Божіе: я сказалъ владыкѣ Амвросію ¹⁾: кажется, настаетъ время благоприятное для Церкви, также какъ и для отечества. Онъ отвѣчалъ мнѣ: ты еще не опытенъ; подожди и посмотри, что далѣе будетъ. Увы! Владыка былъ опытенъ, и прозрѣвалъ въ несвѣтлую даль“ ²⁾. Немного радостнаго, а больше печальнаго нашли мы въ личной жизни и отношеніяхъ святителя московскаго; много больше перваго, нежели послѣдняго, нашли мы также во внѣшнихъ дѣлахъ и во внутренней жизни Россіи за рассматриваемое время. Едва-ли болѣе радостнаго найдемъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 10.

¹⁾ Подобѣлову, митрополиту Новгородскому, скончавшемуся въ 1818 году.

²⁾ Письма Филар. къ А. Н. Муравьеву, стр. 628. Кіевъ, 1869.

и въ жизни Церкви русской и московской епархіи собственно за то же время. Не задолго до вступленія Филарета на кафедру московскую скончавшійся первенствующій членъ св. Синода всероссійскія Церкви, знаменитый іерархъ и проповѣдникъ митрополитъ Михаилъ предъ смертію своею недаромъ жаловался государю императору на стѣсненіе правильнаго хода дѣлъ и жизни Церкви русской, зависѣвшее отъ „слѣпотствующаго“, но всеильнаго за то время „министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“ кн. А. Н. Голицына, о чемъ мы отчасти знаемъ уже изъ предшествующаго ¹⁾. Откуда же мы знаемъ однако и то, что этотъ министръ, несмотря на протестъ столь уважаемаго и вліятельнаго лица, какъ митрополитъ Михаилъ, оставался во власти и въ полной силѣ до половины мая 1824 года. А затѣмъ настали времена для Церкви, съ другой стороны, какъ мы видѣли, представлявшія еще менѣе утѣшительнаго. Само собою разумѣется, мы не будемъ представлять здѣсь полнаго изображенія состоянія Церкви русской за рассматриваемое время ²⁾. Мы коснемся только важнѣйшихъ моментовъ ея исторіи и особенно того, чего касается Филаретъ въ своей проповѣди. И это какъ относительно исторіи Церкви русской вообще, такъ и московской епархіи въ частности.

Можно смѣло сказать, что все печальное въ исторіи русской Церкви за рассматриваемое время зависѣло отъ крайностей увлеченія мистицизмомъ до половины мая 1824 года и отъ крайностей же противодѣйствія ему послѣ майской перемѣны 1824 года, равно какъ и наоборотъ все доброе въ ней за то же время совершалось благодаря усиліямъ благонамѣренныхъ представителей Церкви быть въ сторонѣ отъ этихъ крайностей: такъ широко и неотразимо было вліяніе мистицизма за то время. Учрежденное въ 1817 году и существовавши до самой половины мая 1824 года министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, во главѣ

¹⁾ См. ж. *Вѣра и Разумъ* 1886 г. т. 2, отд. Церк. стр. 22.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ изслѣдованіи проф. П. В. Знаменскаго въ *Правосл. Собес.* за 1885 годъ.

котораго поставленъ былъ завзятый мистикъ кн. А. Н. Голицынъ, вполне единомысленный съ императоромъ, также погружавшимся въ сѣмъ существомъ своимъ въ глубины мистицизма, и потому, понятно, покровительствуемый имъ и поддерживаемый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, было такою великою правительственною силою, предъ которою должны были умолкнуть всѣ попытки къ ослабленію этого вліянія. Подъ вліяніемъ началъ мистицизма, къ сожалѣнію, самимъ министромъ, не обладавшимъ твердостью разсудка и устойчивостью понятій, не всегда и не во всемъ вѣрно понимаемаго и правильно примѣняемаго, совершалось едва ли не все, что касалось Церкви. Вызовъ въ составъ членовъ св. Синода, перемѣны въ іерархіи, церковное законодательство того времени относительно тѣхъ или другихъ сторонъ жизни и дѣятельности духовенства и общества, церковныя учрежденія, постановленія касательно ересей, раскола и различныхъ сектъ и т. д. и т. д. — все это окрашивалось въ той или другой степени оттѣнкомъ вліянія мистицизма: до майской перемѣны 1824 года и наоборотъ — оттѣнкомъ до крайности усиленнаго противодѣйствія ему послѣ означенной перемѣны. Для примѣра мы укажемъ, съ одной стороны, на засѣдавшихъ долго въ Синодѣ ревностныхъ сторонниковъ мистицизма: Іону Павинскаго архіепископа Тверскаго и Дмитрія Судиму, архіепископа Кишиневскаго, а съ другой — на вызваннаго, вмѣсто нихъ, съ началомъ 1825 года, митрополита Киевскаго Евгенія Болховитина, всегдашняго противника мистицизма. Затѣмъ, не даромъ, конечно, питомцы прежняго „Дружескаго Общества“ Михаилъ Деоничій и Серафимъ Глаголевскій послѣдовательно назначаемы были въ первенствующіе члены Синода (Михаилъ съ 1818 по 1821 г., а Серафимъ съ 1821 года) и наоборотъ, предшественникъ Михаила епископъ Амвросій Подобѣдовъ едва только сталъ было болѣе или менѣе настойчиво высказываться противъ мистицизма, какъ былъ удаленъ на покой; а съ другой стороны митрополитъ Серафимъ, послѣ майской перемѣны министерства, долженъ былъ, даже и при значительно измѣнившемся не въ пользу

мистицизма образъ мыслей своихъ, выдержать весьма упорный натискъ двухъ генераловъ—адмирала Шишкова и генерала отъ артиллеріи Аракчеева прежде нежели окончательно не сдался имъ на капитуляцію. Не забыли мы, конечно, и судьбы Филарета при прежнемъ и новомъ министерствѣ. Изъ учрежденій церковнаго характера намъ извѣстно уже Библейское Общество съ его судьбою до и послѣ 1824 года. Духовная литература, церковная проповѣдь того времени и т. д. также стояли подъ связаннымъ вліяніемъ. Не только *Сіонскій Вѣстникъ* Лавина, возобновившійся въ 1818 году, но и *Христіанское Чтеніе* за первые два—три (1821—1823) г. своего изданія также держалось мистическаго направленія и наоборотъ, съ майской перемѣны 1824 года во всей духовной литературѣ послѣдовалъ замѣтный, а иногда и прямо крутой поворотъ въ противоположную мистицизму сторону. Тоже и въ проповѣди. Не говоря о мистическихъ (хотя и православно-мистическихъ) проповѣдяхъ митрополита Михаила скончавшагося въ 1821 году, даже и послѣ него извѣстный мистикъ священникъ Маловъ, славившійся какъ проповѣдникъ, имѣлъ возможность издать свои проповѣди въ 1822—1824 годахъ; тогда какъ, напротивъ, послѣ 1824 г. проповѣдь мистиковъ умошгаетъ совсѣмъ. Обратимъ-ли вниманіе на самое состояніе религіи,—и здѣсь видимъ то же. Подъ вліяніемъ мистицизма и его сильною властію сторонниковъ религія стала даже оффиціально объявляться, какъ нѣчто универсальное, свободное отъ вѣроисповѣдныхъ разностей, а стало быть не ограничивающееся и рамками строгаго православія, исчезавшаго такимъ образомъ во мракѣ этой космополитической религіи. Такъ заявлялось во всеуслышаніе до мая 1824 года. И только изрѣдка слышались отрезвляющіе голоса со стороны тѣхъ или другихъ, болѣе мужественныхъ представителей русской церковной іерархіи. Но вотъ съ 1824 года ревностный, но не всегда и во всемъ благоразумный защитникъ православія Шишковъ, нападая на все прежнее, не разбираетъ того, что заявлялось до него и добраго въ отношеніи къ религіи, всѣ прежнія религіозныя воззрѣнія топчетъ въ грязь, мало понимая въ бого-

словія, касается и этого послѣдняго, смѣшиваетъ предметы и понятія въ церковно-богословской области и влеймить укоризною въ неправославіи такія вещи, какъ катихизисы Филарета, его проповѣдь на Благовѣщеніе и т. п., православіе которыхъ утверждено на незыблемомъ основаніи.

Однако долго было-бы перечислять всѣ случаи, которые могутъ служить доказательствомъ высказанной нами выше мысли о центральномъ, такъ сказать, положеніи мистицизма въ состояніи русской Церкви за рассматриваемое время ¹⁾. Обратимся къ тому собственно въ этомъ отношеніи, чего касается Филаретъ въ своихъ проповѣдяхъ. Мы выше говорили, насколько православнымъ, такъ сказать, мистикомъ является онъ въ своихъ проповѣдяхъ и за рассматриваемый, какъ и въ Петербургскій періодъ. Войдемъ теперь нѣсколько глубже въ эту сторону дѣла, рассматривая мистицизмъ уже не какъ политическое явленіе, а какъ одинъ изъ моментовъ религіознаго сознанія русскаго народа того времени. Съ самаго начала своего въ XVIII вѣкѣ мистицизмъ явился у насъ, какъ противовѣсъ, съ одной стороны, непомерно широкіи развитію порожденнаго Западомъ вольнодумства, основаннаго на сухомъ, хотя и нерѣдко саркастическомъ, но все-же чисто разсудочномъ отрицаніи всего сверхчувственнаго и всякой религіи, а съ другой—слишкомъ узкому, чувственно-обрядовому, формальному направленію религіозности; господствовавшему въ большинствѣ современнаго ему общества. Соотвѣтственно этому онъ поставилъ свою основную задачу, съ одной стороны устранить, въ дѣлѣ религіи, всякія мудрованія челоуѣческаго разума, направленные не только противъ, но и въ пользу ея и основать ее на одномъ откровеніи и вѣрѣ, а съ другой—показать истинную, возвышеннѣйшую сущность религіи, именно какъ религіи *внутренняго* откровенія и вѣры сердечной и указать также *внутренній* путь къ ней, какъ и путь развитія ея въ чело-

¹⁾ См. объ этомъ въ изслѣдованіи проф. П. В. Знаменскаго: „Чтенія изъ исторіи русской Церкви за время царствованія императора Александра I“, въ *Правосл. Собес.* за 1885 годъ.

вѣвѣ. Съ этою цѣлю мистицизмъ на всѣхъ ладахъ доказывалъ неудовлетворительность разума въ дѣлѣ религіи, сознавая еще со временъ Сократа и необходимость «откровенія, но не внѣшняго, а внутренняго, постигаемаго разумомъ духовнымъ», непосредственно обращеннымъ къ міру духовному, непосредственно созерцающимъ «незаходимый свѣтъ внутренній» и прямо отъ сего свѣта получающимъ свое озареніе. Этотъ разумъ заключается не въ холодномъ разсудкѣ, а въ сердцѣ человѣка, которое есть престолъ души и единственное вмѣстилище самооткрывающагося человеку Божества, внутренняго слова, храмъ Божій, жилище Духа Божія. Путь таковой религіи, и притомъ единственный, есть путь внутренняго возрожденія, средство—умная, внутренняя молитва, а цѣль ея—внутреннее же соединеніе съ Божествомъ. Христосъ Самъ совершаетъ это возрожденіе, Своею благодатію, какъ живущій въ насъ, и Самъ совершаетъ въ насъ добрая дѣла. Все *внѣшнее* само по себѣ ни къ чему не ведетъ. Въ этомъ состоитъ вся сущность истиннаго христіанства, по понятіямъ мистиковъ, а не въ томъ, въ чемъ находится все православная Церковь. Въ *Побѣдной повѣсти* Юнга Штилинга, которую зачитывались русскіе мистики, прямо говорится, что «свѣтильничья (самой греческой Церкви) уже сдвинуть съ мѣста за ея крайнее поврежденіе» и что свѣтъ истины мерцаетъ лишь въ христіанъ изъ меннонитовъ, піетистовъ, методистовъ, квакеровъ и гернгутеровъ. Тѣ же мысли проводилъ и *Сіонскій Впотникъ* Лабзина. Само собою разумѣется, что Филаретъ не могъ не видѣть и добрыхъ и худыхъ сторонъ въ этомъ ученіи современной ему мистики. Склонный въ ея пользу по самому славному своей природы и своего настроенія, а отчасти и подъ влияніемъ тѣхъ условій, въ которыя онъ поставленъ былъ въ самые же первые годы своего пресельничества въ Петербургѣ, онъ однакоже скоро острымъ умомъ своимъ прозрѣлъ ея крайности, ея слабыя стороны даже въ такихъ искусныхъ защитникахъ ея и представителяхъ, какъ Лабзинъ. Но послѣдній на замѣчанія Филарета по этому поводу обыкновенно отвѣчалъ: „Всякая птица своимъ голосомъ Бога хва-

литъ" ¹⁾. Однако то было въ Петербургѣ, гдѣ Филаретъ былъ лицомъ подчиненнымъ и неответственнымъ въ іерархическомъ отношеніи. А въ Москвѣ, гдѣ также было много лицъ, такъ или иначе относившихся къ мистикѣ и мистикамъ, ему, какъ архипастырю московскому, нужно было дѣйствовать въ этомъ отношеніи тверже и опредѣленнѣе, при томъ какъ вообще, такъ въ частности и въ проповѣди. И Филаретъ, какъ истинно-православный архипастырь—мистикъ, подлинно такъ дѣйствуетъ: не искореняя добраго въ мистикѣ, онъ крѣпко возстаетъ противъ крайностей ея. Въ этомъ смыслѣ онъ напр. не только не унижаетъ, не преслѣдуетъ, а и напротивъ, удостоиваетъ своего полного одобренія и внѣшнихъ почестей извѣстнаго сторонника Дружескаго Общества, глубокаго православнаго мистика, московскаго священника О. И. Соколова ²⁾. Въ этомъ же смыслѣ онъ проповѣдуетъ и съ церковной кафедрѣ. Такъ еще говоря при гробѣ преподобнаго Сергія о нетѣлннхъ мощей (25 сент. 1821 г.), онъ, между прочимъ, проповѣдуетъ: „*Иисусъ Христосъ вчера и днесь; Той-же и во вѣки*“ (Евр. 13, 8). Онъ яко Богъ *дѣйствуетъ вся во всѣхъ* (1 Кор. 12, 6), дѣйствуетъ и нынѣ, подобно какъ дѣйствовалъ отъ начала, и дѣйствовать будетъ до конца; дѣйствуетъ въ маломъ, равно какъ въ великомъ; дѣйствуетъ какъ во всей Церкви, которая есть тѣло Его, такъ и во всѣхъ вѣрующихъ, которые суть члены Его. Онъ *воображается въ нихъ* (Гал. 4, 19), *живетъ въ нихъ* (Гал. 2, 20), и какъ *въ Немъ Самомъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9), такъ, по нѣкоему образу сего Божественнаго таинства, и Онъ благоволяетъ жить въ избранныхъ своихъ даже тѣлеснѣ, поколику обрѣтаетъ ихъ способными къ внутреннему съ Нимъ общенію. Обрѣтаетъ-ли Онъ умъ, постоянно въ Нему обращаемый благоговѣніемъ и молитвою? Онъ *воображается* въ умъ, и исполняетъ его свѣтомъ Своимъ, истиною Своею, *безвѣстная и тайная пре-*

¹⁾ Сущкова, *Записки о жизни и врем. Филарета*, стр. 75 д. срав. *Приб. къ тв. со. Отц.* 1884: 34, 347.

²⁾ Сущкова, указ. соч. стр. 11 и дал.

мудрости своея являетъ ему (Псал. 50, 8). Обрѣтаетъ-ли сердце, отверстое предъ Нимъ покаяніемъ, вѣрою и любовію въ Нему? Онъ вселяется въ сердце (Ефес. 3, 17), и съ Собою вноситъ въ него новую жизнь, вмѣсто плотской духовную ¹⁾, вмѣсто земной небесную, преобразуетъ любовь человѣческую въ Божественную, и свойства человѣческія въ Ангельскія ²⁾. Эти слова охотно помѣстилъ-бы и Лабзинъ въ своемъ журналѣ: *Сіонскій Вѣстникъ*, посвященномъ, согласно обозначенію самого издателя, „Господу Іисусу Христу, вѣчному возродителю и обновителю всяческихъ“ ³⁾. Но онъ, безъ сомнѣнія, сразу преткнулся-бы, о слова, непосредственно за тѣми слѣдующія: „обрѣтаетъ-ли наконецъ и тѣло, въ сообразность съ душею, непрестанно очищаемое воздержаніемъ и подвигами, и потому способное принимать и сохранять въ себѣ какъ-бы нѣкіе отпечатки и слѣды внутреннихъ движеній благодатныхъ? И оно, нѣкоторымъ образомъ, и даже въ земной еще жизни, начинаетъ быть Богоноснымъ“. Не даромъ проповѣдникъ далѣе и раскрываетъ заключающуюся въ этихъ словахъ мысль съ такимъ приступомъ: „сколь-бы ни странно казалась для нѣкоторыхъ мысль о Богоносномъ тѣлѣ земнаго человѣка: я не раскаиваюсь, что произнесъ ее; ибо не догадкою и соображеніемъ ⁴⁾ составляю сей образъ, но обрѣтаю его на самомъ опытѣ, который представили еще Апостольскія времена, и о которомъ преданіе времена святыхъ благоговѣнно сохранили“. При этомъ онъ и сообщаетъ уже извѣстное намъ преданіе о буквенномъ изображеніи имени Іисуса Христа въ сердце св. Игнатія Богоносца ⁵⁾. Потомъ въ проповѣди на день архистратига Михаила 8 ноября того же 1821, года святитель московскій обстоятельно доказываетъ, вопреки вольнодумцамъ, бытіе Ангеловъ, находя „удивительнымъ“, что забвеніе о небесныхъ силахъ въ нѣкоторыхъ изъ христіанъ

¹⁾ Въ изд. 1821, 1822 и 1835 годовъ читаемъ: „новую жизнь, вмѣсто естественной благодатную, вмѣсто плотской духовную“.

²⁾ Сочин. Филар. 2, 19—20.

³⁾ Сіон. Вѣстн. 1817 г. кн. 9 и 1818 г. кн. 6.

⁴⁾ Въ собр. 1821, 1822 и 1835 годовъ: „воображеніемъ“.

⁵⁾ Сочин. Филар. 2, 20.

простирается до того, что сомнѣваются даже о существованіи невидимаго міра" ¹⁾. А въ проповѣди на Рождество Христово того-же года, говоря „о славѣ Божіей чрезъ воплощеніе Сына Божія“, между прочимъ учитъ: „слава есть откровеніе, явленіе, отраженіе, облаченіе внутренняго совершенства. Богъ олъ вѣчности открыть Самому Себѣ въ вѣчномъ рожденіи, едйносушнаго Сына Своего, и въ вѣчномъ исхожденіи едйносушнаго Духа Своего; и такимъ образомъ едйнство Его во Святой Троицѣ сіяетъ существенною, непреходящею и неизмѣняемою слагою. Богъ Отець есть *Отець славы* (Ефес. 1, 17); Сынъ Божій есть *сіяніе славы Его* (Евр. 1, 3) и Самъ имѣетъ у Отца Своего славу, прежде міръ не бытъ (Іоан. 17, 5); равнымъ образомъ Духъ Божій есть *Духъ славы* (1 Петр. 4, 14). Въ сей собственной, внутренней славѣ живетъ блаженный Богъ выше всякія славы) такъ что не требуетъ въ оной никакихъ свидѣтелей, и не можетъ имѣть никакихъ участннковъ. Но какъ, по безконечной благодн и любви Своей, Онъ желаетъ сообщить блаженство Свое, имѣть участннковъ славы Своея: то подвизаетъ Онъ Свои безконечныя совершенства, и онѣ открываются въ Его твореніяхъ; Его слава является небеснымъ силамъ, отражается въ челоѣвѣ, облачается въ благолѣшіе ²⁾ видимаго міра; она даруется отъ Него, пріемлется причастниками, возвращается къ Нему; и въ семъ такъ сказать, кругообращеніи славы Божіей, состоитъ блаженная жизнь въ благоднн тварей" ³⁾. Въ словѣ на день Благовѣщенія 1822 года нашъ проповѣдникъ, вопреки надмевавшимся разумомъ вольнодумцамъ и въ согласіи съ мистиками, говоритъ: „конецъ самодѣятельныхъ изысканій; по признанію безпристрастнѣйшаго изъ древнихъ мудрецовъ, есть открытіе того, что челоѣвъ самъ собою ничего не

¹⁾ Тамъ-же, стр. 25.

²⁾ Въ собр. 1822 года: „въ образъ“.

³⁾ Сочин. Филар. 2, 36—37. При этомъ, обращаясь собственно къ воплощенію Сына Божія, нашъ витія поучаетъ: „Христіаннн! здѣсь твоя чреда быть окомъ, и особенно *внутри уду*, стани добръ, и созерцай: здѣсь есть слава и тайна,—слава заключенная въ тайнѣ, тайна открытая въ славѣ“. Стр. 38.

знаеть“ 1). Равно также въ проповѣди на день св. Николая 9 мая того-же 1822 года говорить: „если умъ твой приима-
 зается въ наученія странна и различна (Евр. 13, 9), и не
 хочеть отдать себя въ свободный планъ и блаженное послу-
 шаніе вѣрѣ, то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого рев-
 ность святыхъ отцевъ, которые не силою вѣры низлагали взи-
 мавшіяся на разумъ Божій возношенія (2 Кор. 10, 5) гордаго
 разума, пересанцальниковъ“ 2); Или въ словѣ на день пре-
 подобнаго Сергія 25 сентября 1823 года: „Возставать про-
 тивъ небснаго ученія сомнѣніями и прекословіями, значить
 метать стрѣлы на небо; небо не страшитя отъ нихъ рѣнь,
 и не имѣеть нужды отражать оныхъ; онѣ опасны для тѣхъ
 самыхъ, которые пускаютъ ихъ надъ главами своими. Не
 испытаніемъ, и состязаніемъ, но вѣрою и послушаніемъ до-
 стигаются услѣхы въ небесномъ ученіи: *отруеши, и узриши*,
 таковъ порядокъ Божественнаго просвѣщенія!“ 3). Затѣмъ
 даже и въ проповѣдяхъ 1825 года, на примѣръ, при разсуж-
 деніи о томъ, отъ ограниченности ли происходятъ заблужде-
 нія: „Умъ двоякъ ограниченъ: по сей причинѣ удаленныють
 мысленныхъ взоровъ его предметы для него неувѣстны; или
 неовѣдны, и болѣе ничего. Но если въ умѣ твоёмъ оказы-
 ваются понятія, которыя противны естественному, и всеми
 здравомыслящими согласно примѣняемому и признаваемому
 порядку вещей, которыми ты думаешь всю вселенную обра-
 тить вверхъ дномъ, но вмѣсто того низвергаешь самъ себя
 въ нелѣпости: можно ли сіе изъяснить ограниченностію, ко-
 торая не есть начало дѣйствующее, и которая есть недоста-
 токъ, общій всемъ человѣкамъ? Не должно ли, напротивъ,
 по необходимости производить сіе отъ упоенія нечистымъ и
 бродящимъ виномъ, или подуряющимъ зелиемъ такой мудро-
 сти, которая хотя по области явленія ея называется земною
 и человѣческою, но которой источникъ хуже, нежели что
 нибудь просто земное, которой корень ниже человѣчества?“ 4)

1) Тамъ-же, стр. 66.

2) Стр. 87.

3) Стр. 284.

4) Стр. 287.

Подобно тому и о возможности чудесъ, находимъ въ проповѣди на день Знаменія Пресвятыя Богородицы за тотъ-же годъ¹⁾. Но уже въ 1822 году иванъ проповѣдникъ разъяснялъ, какова должна быть вѣра истиннаго христіанина; именно, что она должна быть дѣятельная²⁾; а не такая, (какою изображали ее мѣтѣки крайняго направленія, т. е. доходившая почти до квиетизма). Разсуждая о тѣсно связанной съ вѣрою преданности Богу, въ одной изъ проповѣдей того-же года, Филаретъ замѣчаетъ и говоритъ, что это значитъ (сказать навсегда) руки, съсѣчь, и ожидать своего спасенія. Совершеннолѣтъ! Если кто въ самомъ дѣлѣ такое составилъ себѣ понятіе о преданности Богу, и поступаетъ по сему понятію, тотъ въ заблужденіи; онъ предается не Богу, но шестности³⁾. И чтобы уничтожить всякое такое понятіе, повторяемъ квіетизмъ едическое, и онъ въ относящейся къ 1825 году бесѣдѣ о упокоеніи пруждающихся и обремененныхъ прямо говоритъ въ заключеніи, *Придемъ отнынѣ (къ Христу) ревностнымъ и неувклоннымъ послѣдованіемъ (Благоученію и жизни; и увидѣемъ покой. Кто отравивши вѣрою сердечною, живую и дѣятельною; предшествуемъе сущими отъ вѣка подвижниками вѣры и добродѣтели; истинными послѣдователями Иисуса Христа, отъ всякаго яга и бремени земнаго обрѣвши у Него покой небесный, къ которому и упасть стремимъ своимъ приимшиають; да купно съ ними главныи Единоглагоупоквителями Слова тѣла, а съ хъ и словъ тѣмъ, тамъ же съ пръмъ хъ и хъ и хъ*⁴⁾. Равно также и о внутреннемъ открытіи, озареніи (умѣ) нашъ проповѣдникъ обстоятельно и вполне православно разсуждаетъ въ своей проповѣди на день Пасхи 1825 года, произнесенной въ Успенскомъ соборѣ и сказанной на шекствіи *тогда отверже мѣ умъ* (Лук. 23, 45); но каковой проповѣди мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ⁵⁾. Теперь мы обратимъ вниманіе

1) Стр. 241—242.

2) Стр. 105.

3) Стр. 68.

4) Стр. 238.

5) Тамъ-же мы приводили и выдержку изъ другой проповѣди Филарета — о внутреннемъ храмѣ.

ніе еще на ту черту въ ученіи мистицизма, которая касается понятія о такъ называемомъ „внутреннемъ Словѣ“, вмѣстилищемъ котораго, по ученію мистиковъ, служитъ сердце человѣка. Сличая многія мѣста ученія мистиковъ разсматриваемаго времени, мы приходимъ къ заключенію, что они въ этомъ отношеніи давали весьма широкій объемъ указанному понятію. Внутреннее Слово у мистиковъ вообще постоянно отождествлялось съ Словомъ Божіимъ ипостаснымъ, то-есть Сыномъ Божіимъ, Иисусомъ Христомъ. Ему приписывалось поэтому троякое рожденіе: предвѣчное—отъ Бога Отца, временное единократное—отъ Дѣвы Маріи и временное-же, но постоянное—въ каждой христіанской душѣ. Процессъ послѣдняго рожденія тождественъ съ процессомъ перваго и составляетъ высшую форму, въ каковой Богъ является, открывается въ отдѣльной душѣ. Исторія рожденія и пребыванія внутренняго Слова въ душѣ у мистиковъ изображалась въ полной параллели съ исторіею Евангельскою¹⁾. Посмотримъ теперь, какъ учитъ объ этомъ нашъ мистикъ—витія въ своихъ проповѣдяхъ. Мы помнимъ, конечно, заключительныя выраженія рѣчей Филарета въ генеральныхъ собраніяхъ московскаго комитета Библейскаго Общества за 1822 и 1824 годы. А вотъ выдержки и изъ самыхъ проповѣдей его. Въ 1822 году, въ проповѣди на день св. Алексія 12 февраля, говоря объ отношеніяхъ между пастыремъ и пасомыми и именно объ отношеніи послѣднихъ въ пастырской проповѣди слова Божія, витія обращается къ слушателямъ съ такими словами: „подумайте, не для того-ли только собираетесь слушать исходящая изъ устъ Господнихъ, чтобы слышать и судить, какъ мы говоримъ, не заботясь о исполненіи того, что мы предлагаемъ? — Увы намъ, Слово Божій! то, чѣмъ Ты Себя именуешь, что Ты еси, чѣмъ сотворилъ Ты вселенную, чѣмъ возвеличилъ человѣка, чѣмъ является мудрость, чѣмъ подается жизнь,—слово, священное, Божественное слово, мы сдѣлали зрѣлищнымъ игралищемъ!“²⁾ Или вотъ выдержка изъ слова

¹⁾ См. упомянутую раньше статью проф. П. В. Знаменскаго въ *Правосл. Собес.* за 1885 г. ч. 3, стр. 93—94.

²⁾ *Сочин. Филар.* 2, 49.

на день Благовѣщенія 25 марта 1824 года: „ни въ какомъ случаѣ не расточай безрассудно слова, словесная тварь Слова Творческаго! Если Словомъ Богъ сотворилъ все; а человекъ сотворенъ по образу Божию: то какія величественныя дѣйствія надлежало-бы производить слову человека! Въ самомъ дѣлѣ, оно исцѣляло болящихъ, воскрешало мертвыхъ, низводило съ неба огонь, останавливало солнце и луну и, что всего важнѣе, содѣлавшись орудіемъ Воплощеннаго Слова Божія, оно претворяло и претворяетъ растлѣнныхъ грѣхомъ человекѣвъ въ новую тварь, чистую и святую! Такъ дѣйствуетъ слово человеческое, когда крѣпко бывъ заключено въ горнилы благоговѣйнаго молчанія, и разжигается тайною внутреннею молитвою, получаетъ свойственную ему чистоту и силу, или (лучше сказать, становится причастнымъ силы Слова Божія и Духа Святаго¹⁾). Отсюда ясно, что Филаретъ, говоря языкомъ мистиковъ, однако-же не допускаетъ ихъ крайностей въ смѣшеніи понятій о Словѣ ипостасномъ и словѣ Божіемъ въ человекѣ и для человека. Въстѣ съ тѣмъ онъ великое значеніе придаетъ и слову Божію, заключающемуся въ Св. Писаніи, каковое значеніе у мистиковъ падало до низшей степени, почти до ненужности послѣдняго²⁾. Въ тѣхъ-же выдержкахъ изъ проповѣдей Филарета, которыя мы сейчасъ сдѣлали, заключаются уже указанія и на иныя, дальнѣйшія черты ученія мистиковъ, именно о Возрѣжденіи и умной, внутренней молитвѣ. Вотъ болѣе обстоятельное изложеніе тѣхъ-же сторонъ ученія православной мистики въ проповѣдяхъ Филарета. Въ известной уже намъ проповѣди на день Благовѣщенія 25 марта 1822 года, рассуждая о преданности Богу, онъ между прочимъ говоритъ: „Начавъ предаваться Богу, человекъ встрѣчаетъ другіе опыты, совсѣмъ противоположныя тѣмъ, которые имѣлъ онъ, управляя самъ собою. Прежде собственные усилія познать истину едва производили въ немъ слабый, кратковременный свѣтъ,

¹⁾ Тамъ-же, стр. 155.

²⁾ См. указ. изслѣдованіе проф. Знаменскаго въ *Прав. Соб.* 1885: 3, 92. И напротивъ срав. *Сочин. Филар.* 2, 372—373.

оставляющій по себѣ сугубую тьму: теперь изъ самой тьмы, въ которой онъ повергается предъ Отцемъ свѣтовъ, рождается для него внезапный свѣтъ; а если остается ¹⁾ онъ иногда и во тьмѣ, то и въ ней познаетъ неостижимую близость Того, Который есть Свѣтъ превыше свѣта. Прежде усилія дѣлать добро или совѣмъ подавляемы были въ немъ злыми склонностями, или производили несовершенное дѣйствіе; теперь, когда онъ положилъ сердце свое въ силу Божію, въ самой немощи его начинается совершаться сила Божія, разрушающая зло и созидающая благо. Прежде наилучше обдуманная предначертанія его къ устроению своего благополучія или не исполнялись, или въ самомъ исполненіи оказывались неудовлетворительными: теперь онъ не дѣлаетъ никакихъ собственныхъ предначертаній, но со дня на день болѣе усматриваетъ великій чертежъ Провидѣнія, по которому, несмотря ни на какія препятствія, — кромѣ одного препятствія, которое полагало прежде его упорство и невѣріе, — постепенно устрояется его спасеніе. Прежде успѣхи надмевали его, неудачи довергали въ уныніе, прошедшее терзало раскаяніемъ, настоящее озабочивало, будущее устрашало: теперь и благопріятныя событія пріемлетъ онъ съ чистою радостію, потому что видитъ въ нихъ милость и даръ Божій; и неблагопріятныя съ надеждою, потому что усматриваетъ въ нихъ обличеніе своего недостойнства, наставленіе къ смиренію, очищеніе и приготовленіе къ лучшему; раскаяніе не есть уже огонь, пожирающій душу его; но тихій дождь, ее орошающій, потому что онъ погрузилъ грѣхи свои въ кровь и воду, истекшую изъ ребра Спасителя; нѣтъ для такового человѣка слишкомъ тяжелой заботы, потому что онъ всю печаль свою возвергъ на Господа; нѣтъ страха, потому что онъ живетъ подъ кровомъ Всемогущаго; прошедшее для него не потеряно, настоящее безопасно, будущее вѣрно, — въ рукахъ Вѣчнаго. Прежде въ самыхъ дѣлахъ благоугожденія Богу онъ суетился, подобно изображенной въ Евангеліи Марѣѣ, и производилъ много молвы, не при-

¹⁾ Въ собр. 1822, 1835 и 1844: „оставляется“.

обрѣтая тѣмъ совершеннаго благоволенія Божія: теперь, подобно Маріи, безмолвенъ и недвижимъ, пребываетъ онъ у ногъ своего Спасителя, и съ минуты на минуту наполняясь жизнію слова Его, во глубинѣ души своей обрѣтаетъ свидѣтельство, что онъ *избралъ благую часть, которая не будетъ отнята у него* (Лук. 10, 42). Такимъ образомъ преданность Богу, зачатая отъ убѣжденія ума, перерождается въ живое чувство сердца; вынужденная, такъ сказать, уступка того, чего не умѣли сберечь, превращается въ свободное даваніе того, что симъ единственно способомъ надѣются сохранить; человекъ повергаетъ себя невозвратно, какъ убогую лепту, въ сокровищницу Божества, не мечтая увеличить ея сокровище Божіе, но вѣруя и уповая, что тамъ она не будетъ потеряна, и, сколь ни малоцѣнна, употреблена будетъ, вмѣстѣ съ безчисленными талантами на созиданіе живаго храма живому Богу¹⁾. Подобное-же читаемъ и въ другихъ, позднѣйшихъ проповѣдяхъ нашего витіи²⁾. Кажется, что можетъ быть ближе этого изображенія состоянія возрождаемаго и возрожденнаго человека къ ученію записныхъ мистиковъ, въ родѣ Лабзина, Лопухина и другихъ? И однако тотчасъ-же за приведенными въ настоящій разъ словами такого изображенія и стоятъ у Филарета тѣ отрезвляющія крайнихъ мистиковъ слова, которыя мы привели раньше: и которыя возбуждаютъ въ тому, чтобы, не успокоиваясь на одномъ ожиданіи своего спасенія, дѣятельно пользоваться этимъ состояніемъ возрожденія, такъ какъ иначе человекъ обнаружитъ, что „онъ предается не Богу, а лѣности“³⁾. Подобнымъ-же образомъ Филаретъ учитъ и относительно молитвы. „Что есть начало въ небесному рожденію?“ — спрашиваетъ онъ въ одной изъ проповѣдей 1825 года. И отвѣчаетъ:— „Слово и духъ, и сила воскресшаго Христа, Который есть и наше воскресеніе и жизнь. Принимай сіе Божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любо-

¹⁾ Сочин. Филар. 2, 66—68.

²⁾ См. напр. стр. 192 д. 211 и д. 283 и др.

³⁾ Стр. 68.

вію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и Богомыслиемъ; питай или напой слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели“¹⁾). Такимъ образомъ уже прямо не одна молитва полагается въ числѣ средствъ усвоенія состоянія возрожденія, какъ учили крайніе мистики, а много и другихъ, смотря по степени этого усвоенія. Затѣмъ уже, и здѣсь можно видѣть, что нашъ витія не одну лишь „умную, внутреннюю молитву“ предлагаетъ, какъ таковое средство, а и наружную, ибо не даромъ различаетъ ее отъ „Богомыслия“. Но всего обстоятельнѣе онъ говоритъ о томъ въ своей проповѣди на день коронаціи 15 сентября 1823 года, сказанной на текстъ: *молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся чловѣчки, за царя и пр.* Не забудемъ того, что эта проповѣдь произнесена, съ одной стороны, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавняго пребыванія въ Москвѣ монарха, котораго въ той-же проповѣди витія и ставитъ слушателямъ въ „примѣръ въ дѣлѣ молитвы“²⁾, и мистическое настроеніе котораго безъизвѣстно, а съ другой—также подъ веостывшимъ еще впечатлѣніемъ составленнаго въ томъ-же году Филаретомъ православнаго катихизиса, въ которомъ ученіе о молитвѣ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. И что-же читаемъ мы въ этой проповѣди по интересующему насъ предмету? „Много дѣлъ благихъ,—читаемъ мы у проповѣдника,—которыхъ требуетъ отъ христіанина христіанство, и которыя оно въ немъ совершаетъ: но дѣло молитвы должно быть прежде всѣхъ; потому что безъ него не можетъ совершиться никакое другое дѣло благое. Найти и самымъ дѣломъ пройти путь Господень, уразумѣть истину, и увидѣть жизнь, или иначе сказать, покаянiемъ распять плоть со страстями и похотями, чтобы очистить себя отъ всякія скверны плоти и духа, посредствомъ вѣры воскреснуть и просвѣтиться въ сердцѣ свѣтомъ Христовымъ, наконецъ Божественною любовію быть возне-

¹⁾ Стр. 211—212.

²⁾ Стр. 127.

сену въ соединенію съ Божествомъ и въ обоженію посредствомъ сего соединенія: вотъ въ немногихъ словахъ сокращеніе великихъ дѣлъ, которыя должны совершиться въ христіанствѣ; и какъ можно имъ совершиться, когда низшее изъ оныхъ не можетъ быть совершенно безъ высшихъ; а высшее, обыкновенно, недостижимо для того, кто не могъ еще вступить на низшую ступень? Какъ можетъ найти путь тотъ, кто не видитъ истины? Или, какъ можетъ идти путемъ тотъ, въ комъ нѣтъ жизни? А истинною и жизнію не прежде можетъ для насъ содѣлаться Иисусъ, Христосъ, развѣ когда содѣлается путемъ: ибо въ семъ, точно порядкѣ общалъ Онъ намъ открыться, когда сказалъ: *Азъ есмь путь, и истина и жизнь* (Іоан. 14, 6). Какъ-же разрѣшить сей многоплетенный узелъ, котораго всѣ концы скрываются внутри его? Какъ отверзть сію заключенную сокровищницу, которая съ перваго, взгляда не представляетъ ни ключа, ни отверзтія, гдѣ бы онъ вдался? Главная нить, которою разрѣшается весь узелъ духовныхъ таинъ, и ключъ, которымъ отверзаются всѣ сокровища благодати, есть молитва. Молись съ Давидомъ: *скажи мнѣ, Господи, путь, азъ оное пойду, яко къ Тебѣ, взяхъ душу мою* (Псал. 142, 8); — и откроется тебѣ истинный путь Гоцедевъ: *Аще кто отъ насъ мыцень есть премудрости, или, что тоже, познанія спасительной истины: да проститъ отъ дающаго Бога всѣмъ немилосерднѣ, и не поощающаго, и дастся ему* (Іак. 1, 5); *Если кто, и живота проситъ, есть у Тебе, Господи, молитвою крѣпкою и чистою; да въ еси ему* (Псал. 20, 5), и даруешь всегда, исполняя во, *благихъ желанія любящихъ Тебя* (Псал. 102, 5). И что есть самая молитва въ сущности своей, какъ не дыханіе Божественной жизни въ человѣкѣ, по реченному: *самъ Дуахъ въздыхаетъ въ насъ въздыханіи неизглаголаннѣми* (Римл. 8, 26)? Гдѣ есть хотя слабыя начатки дыханія, тамъ есть признаки жизни: а гдѣ нѣтъ дыханія, тамъ нѣтъ и жизни. Такъ, въ комъ есть хотя начатки молитвы, въ томъ есть признаки жизни духовной: состояніе человѣка безъ духа молитвы есть состояніе бездыханнаго по внутреннему человѣку. Посему, какъ для жизни естественной прежде всего нужно возбудить дыханіе: такъ для жизни

духовной прежде всего нужно возбуждать духъ молитвы“¹⁾. Все это, повторяемъ прежнюю свою мысль, любой мистикъ того времени записалъ-бы въ свой катихизисъ. Но и этого мало. Дальше въ той-же проповѣди мы читаемъ слѣдующія немногія, но весьма знаменательныя для исторіи мистическаго движенія въ русской Церкви слова: „молитва въ собственномъ“²⁾ и вышемъ ея знаменованіи забываетъ нѣкоторымъ образомъ и зло и собственное благо, и устремляется къ созерцанію верховнаго и всеобщаго блага въ Богѣ, такъ что въ ней душа человѣка, по выраженію таинственнаго Пѣснопѣвца, *восходитъ къ Богу, аки стебло дыма кадильнаго* (Пѣсн. Пѣсн. 3, 6)³⁾. Или, еще немного далѣе: „Молитва вообще есть душа всѣхъ особенныхъ моленій, прошеній и благодареній“⁴⁾. Однако уже и здѣсь указывается не одна лишь „умная молитва“, а также и моленія, прошенія и благодаренія, практическое значеніе которыхъ обстоятельно и разъясняется здѣсь-же, согласно тому, какъ оно раскрывается и въ извѣстномъ для всѣхъ катихизисѣ Филарета. Затѣмъ въ проповѣди раскрывается и предметъ молитвы, согласно словамъ основнаго текста и въ опроверженіе ложной мысли нѣкоторыхъ, выражаемой такъ: „гдѣ уже намъ за другихъ молиться, когда мы за себя умолить не можемъ?“⁵⁾. Это еще болѣе должно было отрезвлять крайнихъ мистиковъ. Но окончательнo витія отсѣкаетъ крайности въ ученіи мистиковъ о молитвѣ, когда въ той-же проповѣди говоритъ какъ о „священномъ“, о „дѣлѣ молитвы общественной и частной, церковной и домашней“, — говоритъ о посѣщеніи „храма“, какъ особеннаго мѣста для молитвы, о частныхъ случаяхъ жизни, въ коихъ нужно прибѣгать къ молитвѣ и т. д.⁶⁾. Подобное-же находимъ и въ другихъ проповѣдяхъ нашего витія⁷⁾. А все это уже вовсе не похоже на отрицаніе всего

¹⁾ Стр. 128—129.

²⁾ Въ отд. изд. и въ *Христ. Чит.* за 1840 г. „въ особенномъ“.

³⁾ *Сочин. Филар.* 2, 129—130.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 130.

⁵⁾ Стр. 130 и дал.

⁶⁾ Стр. 133.

⁷⁾ См. стр. 334 и дал. 414 и дал. и др.

внѣшняго въ молитвѣ, какое допускали крайніе мистики. Наконецъ, какъ архипастырь православной Церкви, а не какой-либо проповѣдникъ общины меннонитовъ, квакеровъ и т. п., нашъ витія находить нужнымъ въ своихъ проповѣдяхъ коснуться и ученія о Церкви, показать истинность именно православной Церкви, а не туманнаго какого-то универсальнаго христіанства. Онъ приглашаетъ слушателей быть „чадами, послушанія Церкви“ ¹⁾, испосылаетъ „благословеніе святыхъ апостоловъ и святыхъ Церкви апостольскія на празднующихъ праздникъ апостоловъ“ Петра и Павла ²⁾, а по освященіи храма святителя Алексія въ селѣ Черкизовѣ 6 сентября 1825 года даже цѣлую проповѣдь, сказанную на текстъ: *Ты еси Петръ, и на семь каменн созидю Церковь Мою, и врата ада, не одолютъ ей.* (Матѣ. 16, 18), посвящаетъ ученію о Церкви, при чемъ, прямо утверждаетъ истинность именно восточной Церкви ³⁾, православной ⁴⁾, истинность всего внѣшняго строя, ея, предлагаетъ утверждать „всякое мѣнѣніе и дѣло наше, на основаніи ученія апостольскаго, пророческаго, и отческаго, укрѣплять и ограждать себя силою благодати чрезъ общеніе Божественныхъ таинствъ и ходить выну, яко чада послушанія предъ Богомъ и Его Церковію“ ⁵⁾. Такъ даже въ такую эпоху повальнаго увлеченія мистицизмомъ, какъ рассматриваемая, нашъ святитель—витія, вѣрно соблюлъ апостольское правило: *всѣ искушающе, добрая держите.* А чтобы видѣть, что не одинъ онъ изъ православныхъ архипастырей былъ представителемъ умѣренной, православной мистики, для этого достаточно припомнить, кромѣ вышесказаннаго, еще то, что уже въ 1793 году, по распоряженію первенствующаго члена св. Синода, митрополита Гавріила, издана была составленная изъ разныхъ сочиненій отцевъ и учителей Церкви греческой книга созер-

¹⁾ Стр. 406.

²⁾ Стр. 219.

³⁾ Стр. 407—408.

⁴⁾ Стр. 411.

⁵⁾ Стр. 411—412. Срав. также стр. 205

пательнаго направленія, извѣстная подъ заглавіемъ: *Добротолюбіе*, которое представляетъ собою прекрасный образецъ чистой, православно-церковной мистики. Отъ Синода тогда же пущены были въ широкое употребленіе и другія творенія св. отцевъ и учителей Церкви мистическаго направленія, каковы творенія: Макарія Египетскаго, Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Максима Исповѣдника, Григорія Синаита, Симеона Новаго Богослова, Нила Сорскаго и другихъ. И изъ современныхъ борцевъ съ ложнымъ мистицизмомъ были не только такіе, какъ Шипковъ и Фотій, но и такіе, какъ уважаемый всѣми и въ частности Филаретомъ Иннокентій Смирновъ, скончавшійся въ 1819 году епископомъ пензенскимъ. Иначе сказать, при всеильномъ покровительствѣ мистицизму со стороны правительственной власти, начиная съ самого государя, была все-таки запутанность понятій о немъ. Вотъ какъ высказывается объ этомъ самъ Филаретъ гораздо позже, именно въ письмѣ къ ректору московской духовной академіи Алексію Ржаницыну отъ 24 ноября 1852 года по поводу составленнаго въ академіи жизнеописанія преосвященнаго Кирилла архіепископа подольскаго, скончавшагося въ 1841 году: „удивительно, что сочинитель ставитъ рядомъ встрѣчу съ ученіемъ Фесслера¹⁾, и съ другимъ ложнымъ ученіемъ, мистицизмомъ. Какъ это рядомъ съ Фесслеромъ: то неужели сочинитель думаетъ, что въ академіи учили ложному ученію мистицизма? Или это онъ находитъ въ тогдашнемъ духовенствѣ внѣ академіи? И понимаетъ-ли онъ дѣло? Были недоразумѣнія, но ихъ трудно было разобрать и видящему вблизи, а тѣмъ болѣе издалі. Напримѣръ, случилось, что когда одинъ предлагалъ напечатать *Добротолюбіе* и книгу Исаака Сирина, другой возражилъ: не скажутъ-ли, что это мистическое направленіе? Но *Добротолюбіе* до сихъ поръ печатается, писанія Исаака Сирина печатаны были въ „Христіанскомъ Чтеніи“ по ча-

¹⁾ Фесслеръ былъ нѣкоторое время профессоромъ петербургской духовной академіи къ бытность Филарета на службѣ при той же академіи.

стамъ, а теперь хотятъ напечатать онѣя вполнѣ. Не скажетъ-ли сочинитель, что это все мистицизмъ? Не обвинить-ли онъ въ мистицизмѣ и издателей новаго перевода писаній С. Макарія? Ибо историки мистической богословіи причисляютъ Макарія къ мистическимъ богословамъ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что наши доморожденные мистики не довольствовались, для развитія своихъ мистическихъ воззрѣній, православно-мистическими писаніями, а по обычаю всѣхъ нашихъ преобразователей и такъ называемыхъ передовыхъ людей обратились за помощію на сторону, за-границу, на Западъ, откуда шло и вольнодумство въ Россію. Отъ того-то, конечно, и впади въ ученія странныя и чуждыя православію. И за это-то по преимуществу громили мистицизмъ такіе люди, какъ Шишковъ и Фотій, хотя, какъ мы прежде замѣчали, часто и безъ разбора. И поэтому-же насколько въ Шишкову съ его клеветами, настолько-же и въ мистикамъ крайняго направленія относится равнѣе разсмотрѣнная нами проповѣдь Филарета на текстъ: *не мнози учителя бывайте*. Особенно поучительнымъ для нихъ могъ быть слѣдующій отрывокъ изъ этой проповѣди: „какъ вамъ не найти многихъ учителей между собою, или лучше въ самихъ себѣ? Когда, напримѣръ, Церковь учитъ васъ посту по преданію отцевъ, по примѣру апостоловъ и Самого Спасителя нашего; но нѣкоторые изъ васъ говорятъ, или дѣломъ показываютъ свое мнѣніе, что заповѣдь поста не очень важна и почти можетъ быть оставлена безъ исполненія; другіе вмѣсто четырехдесятицъ по произволу назначаютъ себѣ нѣкоторое краткое время поста; иные учреждаютъ себѣ постъ роскошнѣе мясоястія,—что сіе значитъ? Не то-ли, что единое истинное и чистое ученіе Церкви оставлено въ небреженіи, а всякъ самъ себя поставилъ учителемъ и составилъ собственное ученіе воздержанія, какъ можно менѣе противорѣчащее привычкѣ невоздержанія? И здѣсь мѣсто совѣту апостола, если хотите принять оный: *не мнози учителя бывайте, братіе мои*; не пренебре-

¹⁾ См. *Письма Филарета къ Алексію*, стр. 104—105. Москва, 1883.

гайте древнихъ, общихъ, освященныхъ постановленій, не учитесь и не учите другъ друга вмѣсто того новымъ, разнообразнымъ, отъ мірскаго и плотскаго мудрованія происходящимъ обычаямъ, послѣдуйте матернему руководству Церкви съ дѣтскимъ послушаніемъ и простотою¹⁾.

..... И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Сочин. Филар. 2, '867.

ЛАТИНЯВЕ ВЪ ІЕРУСАЛИМСКОМЪ ПАТРИАРХАТЪ ВЪ XII ВѢКѢ.

Въ XI в. восточныя церкви подпали подъ власть турокъ-сельджуковъ. Съ этого времени состояніе церквей малоазійскихъ и палестинскихъ сдѣлалось въ высшей степени бѣдственнымъ. Варварство и фанатизмъ новыхъ завоевателей не знали предѣловъ. „Турки, персы, арабы и агаряне, говоритъ Ордерикъ Виталий,—ссылаясь на рѣчь Урбана—овладѣли Антиохіей, Никеей, даже Іерусалимомъ, прославленнымъ гробомъ Христа, и многими другими христіанскими городами; съ безчисленными силами они вторглись даже въ греческую имперію. Обезпечивъ за собою Палестину и Сирію, подчиненныя ихъ оружію, они разрушали церкви и заколали христіанъ, какъ агнцевъ. Въ храмахъ, гдѣ христіане совершали прежде божественную службу, язычники помѣстили свой скотъ, учредили идолопоклонство и постыдно изгнали христіанскую религію изъ зданій, посвященныхъ Богу. Тиранство язычниковъ овладѣло имуществомъ, предназначеннымъ на священное служеніе, а то, что пожертвовали богатые въ пользу бѣдныхъ, эти жестокіе властители обратили недостойнымъ образомъ въ свою пользу. Большое число вѣрныхъ они ставятъ въ плугъ какъ быковъ, безчеловѣчно обременяють работами ¹⁾ и т. д.

Когда турки овладѣли Іерусалимомъ и другими приморскими городами, „вѣрные, находившіеся тамъ, были, говоритъ

¹⁾ Historia ecclesiastica lib. IX. Migne CLXXXVIII, 651.

Вильгельмъ тирскій, подчинены игу несравненно болѣе суровому и претерпѣвали болѣе жестокия притѣсненія, нежели какія испытывали до сихъ поръ“¹⁾. Послѣ взятія Антиохіи „люди, продолжаетъ онъ, отведены въ плѣнъ, церкви разрушены, и духъ истребленія преслѣдуетъ христіанское богочитаніе“²⁾. „Христіанскіе поклонники, приходившіе къ Іерусалиму, пройдя по непріятельской землѣ чрезъ тысячу смертей, являлись къ городскимъ воротамъ, но не могли войти въ нихъ, не заплативъ предварительно въ видѣ подати одного золотого привратникамъ. Потерявъ все на пути и едва успѣвъ сохранить жизнь, чтобы достигнуть желанной цѣли, они не имѣли чѣмъ заплатить подати. Вслѣдствіе того, тысячи пилигримовъ, собравшись въ окрестностяхъ города и ожидая возможности войти, доходили до совершенной наготы и погибали отъ голода и нищеты. Для несчастныхъ же жителей города и живые, и мертвые составляли невыносимую тяжесть. Съ трудомъ они могли озаботиться доставленіемъ припасовъ для живыхъ, но имъ нужно было позаботиться и о погребеніи мертвыхъ... Получившіе право входа за плату, обращались также въ предметъ величайшихъ заботъ; надобно было заботиться, какъ-бы они, при посѣщеніи святыхъ мѣстъ, не были избиты, оплеваны и даже гдѣ нибудь задушены“³⁾. „Церкви, охраняемыя и возобновляемыя не безъ труда, подвергались ежедневно жестокимъ нападеніямъ. Во время богослуженія невѣрные, наводя на христіанъ ужасъ своими криками и бѣшенствомъ, вбѣгали неожиданно въ храмъ, садились на алтари, не дѣлая различія въ мѣстахъ, опрокидывали чаши, топтали ногами сосуды, посвященные служенію Господу, ломали мраморъ и наносили духовенству оскорбленія и побои. Съ самимъ владыкою патріархомъ обращались какъ съ лицомъ презрѣннымъ и ничтожнымъ, хватали его за бороду и волосы, свергали съ престола и бросали на землю. Нерѣдко они овладѣвали имъ, и, таща его какъ послѣдняго раба, безъ всякой причины, са-

¹⁾ Historia lib. I. cap. VII.

²⁾ Historia, lib I, c. IX.

³⁾ Historia, lib. I, c. X.

жали въ темницу; лишь-бы тѣмъ огорчить народъ, соболъзновавшій своему пастырю." 1).

Возвращаясь на родину, пилигримы разсказывали здѣсь о всѣхъ злодѣянiяхъ турокъ. Такіе разсказы возбуждали у западныхъ христіанъ сильное сочувствіе къ угнетеннымъ братьямъ, и на Западѣ мало по-малу стала зарождаться мысль объ освобожденiи св. мѣстъ изъ рукъ невѣрныхъ. Эту мысль, занявную христіанское западное общество, поддерживали римскіе папы, которіе давно уже обращали взоры на Востокъ, желая распространить тамъ свое владычество 2).

Особенно сильно мечтанiя папъ о владычествѣ на Востокѣ выступили во второй половинѣ XI вѣка, когда они (папы), находившіеся до сего времени съ X в. въ полномъ подчиненiи у западныхъ королей, снова начали возвышаться. Въ 1094 году папѣ Урбану II удалось наконецъ приступить къ осуществленiю давно желаемой римскими владыками мысли. Воспользовавшись разсказами — о бѣдственномъ положенiи во-

1) Hist. IV, с. X.

2) Таисъ Прутцъ въ своемъ сочиненiи „Kulturgeschichte der Kreuzzüge“ Berlin, 1883 г., старается доказать, что турки относились къ христіанамъ съ гуманностію и вѣротерпимостію, и что христіане подъ ихъ владычествомъ наслаждались благоденствіемъ. Но представленныя нами свидѣтельства тогдашнихъ историковъ, кажется, достаточно опровергаютъ взглядъ Прутца, поставившаго себя задачей защитити турокъ.

Болѣе подробный разборъ книги Прутца см. въ „Твор. св. отцевъ“ 1885 г. въ статьѣ В. Соколова „Христіанство и Исламъ“ 43 в. „Летопись“ 1885 г.; Преподаватель Московской духовной академіи В. Соколовъ въ своей статьѣ „Христіанство и Исламъ“ („Твор. св. отцевъ“ 1885 г.) говоритъ: „Очень возможно, что самую мысль освободити Иерусалимъ изъ-подъ власти турокъ папамъ подали тѣ раннія войны, которыя западныя государя вели съ турками. Такая борьба постоянно замѣтна еще въ X и IX в. на разныхъ концахъ Европы. Непрерывно воюетъ напр. съ сосѣдями арабами христіанская Испанія (Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. I Band. s. 502. Braunschweig 1863 г.) въ лицѣ своихъ астурийскихъ, галиційскихъ, леонскихъ, канаррскихъ и др. королей. Воюетъ противъ мусульманскихъ правителей византійскіе полководцы и императоры на островѣ Критѣ, въ Сиріи, Арменіи, Африкѣ (Rapband L'Empire Grec au dixieme Siecle. Partie IV, chap. 7—8. Paris 1870 г.) и др. мѣстахъ. Воюетъ наконецъ противъ Ислама и христіанская Италия (Giesebrecht I, 592—601; III, 191—204) подъ предводительствомъ западнаго императора, или норманскихъ князей. Въ этихъ войнахъ папы принимали дѣятельное, а иногда руководящее значеніе.

стоящихъ христіанъ—пришедшаго изъ Іерусалима Петра Аміенскаго, онъ началъ побуждать христіанъ къ освобожденію гроба Господня. Какъ извѣстно, проповѣдь папы не осталась тщетною. Въ 1095 году съ Запада, подъ предводительствомъ Петра Аміенскаго, выступило громадное крестовое ополченіе. Хотя этотъ походъ кончился неудачей—всѣ крестоносцы погибли—однако онъ не остался безплоднымъ. Въ слѣдующемъ году двинулось второе ополченіе, и уже не беспорядочное, а хорошо устроенное, подъ предводительствомъ опытныхъ полководцевъ, между которыми особенно выдавался Готфридъ бульонскій — герцогъ нижне-лотарингскій ¹⁾. На этотъ разъ крестовый походъ достигъ цѣли. Крестоносцы завоевали Іерусалимъ, съ нѣсколькими другими городами, основали Іерусалимское королевство на началахъ западнаго феодализма подъ верховнымъ управленіемъ короля, а пришедшее сюда, вмѣстѣ съ войсками крестоносцевъ, латинское духовенство устроило римско-католическую церковь.

Завоеывая восточные города, гдѣ находились православныя церкви, крестоносцы прежде всего старались замѣнить эти послѣднія церквями латинскими; такъ, овладѣвъ Антиохіей (1098 г.), они поставили тамъ своего латинскаго патріарха и

¹⁾ Чтобы понять то одушевленіе, съ которымъ крестоносцы шли въ Іерусалимъ, надо принять во вниманіе съ одной стороны могущество инициаторовъ этого похода—папъ, а съ другой,—нѣкоторыя другія благоприятствующія походу условія. Нужно замѣтить, что социальное-экономическое состояніе западныхъ государствъ въ то время было весьма плохо. Масса народная терпѣла крайнюю бѣдность и при всякомъ удобномъ случаѣ готова была двинуться куда бы то ни было, только-бы освободиться отъ нищеты. Съ этимъ тягостнымъ положеніемъ соединялась религіозная настроенность тогдашняго общества, какъ это всегда бываетъ въ трудныя времена. Любовь къ путешествіямъ, въ св. мѣста возросла въ XI в. до невѣроятныхъ размѣровъ. Встрѣчая со стороны турокъ препятствіе къ удовлетворенію своихъ благочестивыхъ желаній, христіане естественно должны были воспылать къ нимъ ненавистію, которая усиливалась по мѣрѣ умноженія рассказовъ богомольцами о жестокости турокъ. Само собой понятно, при такомъ настроеніи западные христіане съ радостію должны были принять вызовъ идти на освобожденіе св. земли. Тѣмъ болѣе, что это освобожденіе сулило и другія радости—богатство и хорошую жизнь, и сверхъ того отпущеніе грѣховъ, какъ все это изобразилъ Урбанъ II въ своей рѣчи въ Клермонѣ.

подчинили ему; антиохійскую православную Церковь. Православный патріархъ Антиохіи престарѣлый Іоаннъ; долженъ былъ оставить свою каѳедру и искать убѣжища въ Константинополѣ, гдѣ онъ и умеръ. Точно также поставлены были латинскіе митрополиты и епископы въ Вилеємѣ, Тирѣ, Назаретѣ и др. городахъ.

Еще большій произволъ въ отношеніи къ грекамъ латиняне позволяли себѣ, когда окончательно утвердились въ Іерусалимѣ. Греческое духовенство, несмотря на свои законныя права, было совсѣмъ отстранено отъ духовнаго обладанія св. городомъ. Православный іерусалимскій патріархъ, такъ ревностно заботившійся объ освобожденіи св. земли и гроба Господня ¹⁾, былъ забытъ; онъ удалился въ Кипръ и тамъ скоро умеръ. Хотя православные избрали ему преемникомъ Евфимія; но онъ, не имѣя возможности устроить свою каѳедру въ Іерусалимѣ, проживалъ все время въ Константинополѣ. Въ послѣдующее время православные патріархи также жили въ Іерусалима. Нижнее же греческое духовенство хотя и оставалось въ Іерусалимѣ, однако не имѣло здѣсь никакого значенія. Нашъ русскій паломникъ Даниль, посѣтившій Іерусалимъ въ царствованіе Балдуина I ²⁾, говоритъ, что богослуженіе въ Великую субботу совершалось только латинскимъ духовенствомъ; представитель же греческаго духовенства игуменъ Лавры былъ поставленъ на плоскую крышу св. гроба, внутри храма, отъ латинцевъ и не имѣлъ никакого вѣдѣнія.

Православныя церкви послѣ завоеванія Іерусалима латиняне обращали въ костелы, а монастыри наполняли латинскими монахами, изгоняя изъ нихъ православныхъ монаховъ. Древними памятниками православной святости; св. мощами, особенно чтимыми иконами, разными церковными драгоценностями латиняне распорядились, какъ своею собственностію,

¹⁾ Какъ извѣстно, Симеонъ послалъ съ Петромъ Аміенскимъ на Западъ увѣщательную грамоту, гдѣ онъ просилъ у западныхъ христіанъ защиты отъ турокъ.

²⁾ Время посѣщенія Іерусалима паломникомъ Данииломъ нѣкто Веневитовъ относитъ къ 1106—1107 году. См. его сочин. „Путешествіе игумена Данила“, 1865 г.

и многія изъ нихъ отправляли на Западъ въ даръ папы и западнымъ государямъ.

Что касается личныхъ отношеній латинянъ къ грекамъ, то они были весьма непріязненны. По праву завоевателей латиняне считали и все православное население принадлежащимъ къ ихъ церкви и потому требовали отъ него безусловнаго подчиненія папѣ. Тамъ-же, гдѣ встрѣчалось неповиновеніе или сопротивленіе, они обращались къ мѣрамъ насильственнымъ ¹⁾. Они не допускали напр. грековъ на поклоненіе св. мѣстамъ. Ренодотъ въ своей исторіи александрійскихъ патріарховъ приводитъ слѣдующія слова Севера, писателя XII в. изъ секты Якобитовъ: „Съ подчиненіемъ Иерусалима подъ власть латинянъ, христіане Якобитскаго общества лишились возможности не только путешествовать въ Иерусалимъ съ религіозною цѣлію, но даже подходить къ городу, ибо извѣстна ненависть латинянъ къ нашему обществу. Презирая наше исповѣданіе, они упрекаютъ насъ, кромѣ того въ нечестіи“ ²⁾. Особенно грековъ ненавидѣло латинское духовенство. На соборѣ, созванномъ въ Иерусалимѣ 1102 г. по дѣлу патріарха Даймберта, этотъ послѣдній обвинялся нѣкоторыми между прочимъ въ томъ, что по его инициативѣ были избиты христіане на островѣ Кефалонія, а епископъ мангерскій, побуждая латинянъ во время второго крестоваго похода взять Константинополь, разрѣшаетъ имъ всѣ средства для того, чтобы только наказать еретиковъ, т. е. грековъ. „Война, нами предпринятая, говоритъ онъ, есть священная, и этого довольно, чтобы для успѣха въ томъ употребить всѣ средства; необходимость, отечество, религія повелѣваютъ намъ сдѣлать то, что предлагаю“ ³⁾. Люди свѣтскіе въ данномъ случаѣ оказались гораздо болѣе терпѣливыми въ

¹⁾ Особенно много приходилось терпѣть отъ насильственной пропаганды латинства жителямъ острова Кириа, гдѣ крѣпче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, держалось владычество крестоносцевъ. Здѣсь латиняне сожигали на кострахъ и распинали на крестахъ православныхъ христіанъ, не хотѣвшихъ отступить отъ своей вѣры.

²⁾ Renaudot. Histort. Patriarchat. Alexandrin p. 479 см. Wilken. Geschichte der Kreuzzüge Th. II, cap. I, anm. 4.

³⁾ Мяшо. „Исторія крестовыхъ походовъ“ т. II, стр. 156—157.

отношеніи къ грекамъ. Когда епископъ лангскій окончилъ свою рѣчь, то многіе рыцари и бароны возразили ему: „Христіане пришли въ Азію смывать свои грѣхи, а не наказывать беззаконія грековъ. На грековъ, правда, должно смотрѣть какъ на еретиковъ, но убивать ихъ нельзя, когда уже запрещено убивать и жидовъ. Когда христіанскіе воины брали крестъ, Богъ не поручилъ имъ меча Своего правосудія“ (1).

Само собой понятно, какое чувство должны были питать латинянамъ греки. Въ началѣ они радовались возникшему на Западѣ движенію къ освобожденію св. земли, но скоро должны были убѣдиться, что власть латинянъ для нихъ еще болѣе тяжела, чѣмъ самое иго турокъ, и вотъ они стали желать лучше возвращенія владычества мусульманъ, чѣмъ продолженія владычества латинянъ. Поэтому-то, когда потеря латинянами Эдессы вызвала новое крестовое омовленіе, то греки всѣми силами старались помѣшать предпріятію этого ополченія, въ чемъ и имѣли успѣхъ. Подобное же желаніе грековъ выйти изъ подъ власти латинянъ, сказалось въ 1187 году предъ новымъ завоеваніемъ Іерусалима турками. Когда Саладинъ, по взятіи Тиверіады, Акры, Наблуза, Рамлы, Кесаріи, Яффы, Бейрута, обратился всѣми силами къ Іерусалиму, то, среди общаго смятенія, большая часть грековъ и сиріянъ вошли въ заговоръ съ султаномъ и по тайному предложенію его хотѣли отворить ему ворота (2).

1) Мишо. „Исторія крестовыхъ походовъ“, т. II, стр. 157.

2) Католическій историкъ церкви Даррасъ, желая доказать, что владычество латинянъ въ Палестинѣ не было гяжею для грековъ, говоритъ по поводу завоеванія Іерусалима турками между прочимъ слѣдующее: „Хотя завоеваніе Іерусалима невѣрными изгнало изъ святаго города только латинянъ, однако это было весьма сильнымъ несчастіемъ и для христіанъ другихъ вѣроисповѣданій, которые могли жить въ немъ“. Въ подтвержденіе своихъ словъ Даррасъ приводитъ письмо греческаго патріарха Аванасія къ Горсирскому (de Gorgure) митрополиту Георгію, которое будто-бы „написано было немного времени спустя послѣ паденія Церкви подъ иго невѣрныхъ“. Вотъ это письмо: „Іерусалимъ! Іерусалимъ! О, Іерусалимъ! восклицаетъ патріархъ. Было время, когда Іерусалимъ возвышался предъ всѣми другими городами; но теперь, по выраженію Исаи, опустошенный и разрушенный чужими народами онъ сдѣлался городомъ, который лишился своего народа. Какъ шатеръ среди виноградника, какъ палатка стража плодового сада, такъ незначителенъ остатокъ его гражданъ. Окруженный

Если римско-католическое вѣроисповѣданіе латинское духовенство хотѣло распространить на Востокъ путемъ уничтоженія православія, то свѣтское владычество папъ оно думало утвердить тамъ путемъ подчиненія вновь образовавшагося Іерусалимскаго королевства церковной власти. Последняго рода стремленія латинское духовенство обнаружило тотчасъ по завоеваніи Іерусалима; именно,—когда коснулось дѣло права обладанія отнятой у турокъ добычей. Духovenство, приписывая взятіе Іерусалима своимъ молитвамъ, требовало самаго большаго участія въ добычѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, требованіе духовенства вызвало со стороны свѣтской власти протестъ. Особенно жарко вооружился Танкредъ, во власть котораго отдана была, вопреки желанію духовенства, мечеть Омара. Несмотря на возни Арнульфа,—капеллана графа нормандскаго,—который всѣми силами старался возбудить противъ Танкреда высшихъ сановниковъ, Танкредъ взялъ верхъ. Совѣтъ принцевъ присудилъ ему дать только десятину своей добычи въ пользу св. гроба, что составило до 700 марокъ серебра.

со всѣхъ сторонъ моремъ, атакуемый ежечасно флотами, онъ подвергается постоянно бурямъ и множеству другихъ бѣдствій. О, великое множество моихъ прегрѣшеній! О, праведный судъ Божій! Увы! Мнѣ пришлось, несмотря на мое недостойнство, проливать слезы на этой каедрѣ, которая вручена была мнѣ судьбою. Вамъ первому, мой добрый братъ, я повѣряю свои скорби, ваше благочестивое письмо, (въ этомъ письмѣ Григорій Горсирскій жалуется на то, что онъ вслѣдствіе болѣзни не можетъ посѣтить Іерусалимъ и поклониться гробу Господню. Письмо Аванасія, по Даррасу, было отвѣтомъ на это письмо Георгія) мой высокоуважаемый господинъ, даетъ самое мучительное воспоминаніе бѣдствій, которыми обременяютъ насъ за дѣла нечестивыхъ, и за дѣла людей безумныхъ, потому что они оспаривали другъ у друга владѣнія столь счастливымъ жилищемъ Сіона не ради любви къ самому Сіону, но ради своего ненасытнаго честолюбія". (Dagbas. Hist. de l'eglise t. XXVII p. 510—511). Если это письмо дѣйствительно принадлежит греческому патріарху Аванасію (говоримъ „если“ потому, что Даррасъ имѣетъ обыкновеніе для защиты своихъ тенденціозныхъ мнѣній часто приводить подложныя письма) и написано въ обозначенное Даррасомъ время, то изъ него все-таки нельзя выводить, какъ это дѣлаетъ Даррасъ, что греки были довольны владычествомъ латинянъ. Сѣтованіе одного патріарха Аванасія о подпаденіи Іерусалима подъ иго турокъ вовсе еще не говоритъ за то, что всѣ греческіе христіане считали для себя изгнаніе латинянъ изъ Іерусалима несчастіемъ.

Еще яснѣе притязанія католическаго духовенства на свѣтское владычество выразились въ спорѣ его съ принцами относительно того, кто долженъ быть прежде избранъ — король, или патріархъ. Духовенство, руководясь тѣмъ папскимъ воззрѣніемъ, что король долженъ быть не болѣе какъ ленникомъ церкви, требовало, чтобы прежде былъ избранъ патріархъ, который потомъ поставитъ уже короля. Особенно ревностнымъ защитникомъ этихъ притязаній духовенства былъ епископъ мартуранскій. Ворвавшись въ сопровожденіи нѣсколькихъ клириковъ въ залъ, гдѣ принцы совѣщались объ избраніи короля, онъ обратился къ засѣдающимъ съ слѣдующею рѣчью: „Клиръ узналъ сейчасъ, что цѣль вашего собранія — избраніе короля. Вашъ проектъ намъ кажется сколько благоразумнымъ, столько-же благочестивымъ и полезнымъ; но его исполненіе неумѣстно въ этотъ моментъ. Вы хорошо знаете, что духовная власть выше власти земной и что она имѣетъ полное право на первенство. Отсюда для сохраненія порядка, намъ кажется, что прежде необходимо избрать патріарха, который-бы могъ управлять по волѣ Божіей іерусалимскою Церковію; а затѣмъ уже заняться установленіемъ власти свѣтской. Если вы пожелаете поступить такимъ образомъ, то приобрѣтете себѣ наше содѣйствіе; мы соединимся съ вами всѣмъ сердцемъ и душою. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ смотрѣть какъ на ничто на все то, что вы рѣшите помимо нашего участія.“¹⁾ Эта надменная рѣчь не имѣла никакого успѣха. „Принцы, прибавляетъ Вильгельмъ Тирскій, такъ мало обратили вниманія на епископа Мартуранскаго, что не сочли нужнымъ даже говорить объ его пустыхъ и безразсудныхъ словахъ и продолжали свое дѣло“²⁾. Королемъ былъ избранъ Готфридъ Бульонскій, герцогъ нижне-лотарингскій, любимецъ солдатъ и народа. Интриги, которыми епископъ мартуранскій и его соучастники хотѣли возбудить противъ короля народъ³⁾, кончи-

¹⁾ Guillelm. Tyr. l. IX, cap. I, col. 453—454.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Они распространяли между прочимъ въ народѣ слухъ, что поступокъ принцевъ есть злоумышленіе противъ пилигримовъ. Принцы, говорили они, по-

лись также, какъ и интриги Арнульфа противъ Танкреда, полною неудачей.

Но торжество свѣтской власти было непродолжительно. Когда на патриаршую кафедру вступилъ прибывшій въ Иерусалимъ въ концѣ 1099 года пизанскій архіепископъ Даимбертъ ¹⁾, то въ лицѣ его церковь окончательно подавила власть государственную. Подавленіе это возрастало постепенно. Оно началось тотчасъ-же по поступленіи Даимберта въ патриархи, когда Готфридъ принялъ свое королевство, какъ ленъ отъ Иерусалимской церкви и получилъ отъ Даимберта инвеституру ²⁾. Уже тогда можно было предвидѣть, что честолюбивый патриархъ возьметъ власть короля въ свои руки. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Получивъ отъ Готфрида (2 февраля 1100 г.) въ свое владѣніе церковь Воскресенія и четвертую часть Іопіи, Даимбертъ не только не удовольствовался подаркомъ короля, но скоро потребовалъ верховной власти надъ всѣмъ Иерусалимомъ. „Иерусалимъ, говорилъ онъ, св. городъ, — Палестина — св. земля, а потому и управленіе тѣмъ и другимъ должно принадлежать не свѣтскому, а духовному князю“. Свой требованія онъ обосновывалъ кромѣ того на предшествующихъ обстоятельствахъ, именно на той уступкѣ, которую сдѣлали нѣкогда іерусалимскому патриарху византійскіе императоры, отдавшіе подъ вѣдѣніе патриарха управленіе іерусалимскими христіанами ³⁾.

ступили такъ только изъ личныхъ интересовъ, что они не замѣщали долго вакантной должности патриарха единственно для того, чтобы имѣть полную свободу расточать церковныя сокровища и пособія бѣдныхъ (Guillelm. Tur. l. I. IX, cap. II, col. 435).

¹⁾ До прибытія Даимберта патриаршую кафедру занималъ извѣстный уже намъ Арнульфъ.

²⁾ Боэмундъ также согласился принять отъ папы инвеституру на владѣніе антиохійскимъ княжествомъ, между тѣмъ какъ дать присягу іерусалимскому королю отказался.

³⁾ Эта уступка была дана по слѣдующему поводу: „Въ царствованіе Константина Мономаха (1042—1054 г.) Калифъ Египетскій Боменсоръ Эльмонстесобъ, желая возстановить разрушенныя іерусалимскія стѣны, четвертую часть работы возложили, какъ повинность, на христіанъ, жившихъ въ Иерусалимѣ. Эти послѣдніе, будучи не въ состояніи исполнять возложенныя на нихъ обязанности, обратились за помощію къ Константину Мономаху. Императоръ обѣ-

Послѣ нѣкоторыхъ споровъ набожный Готфридъ уступилъ требованіямъ Даимберта. Въ день Пасхи (1 апрѣля 1100 г.) въ присутствіи епископа, народа и громадной толпы пилигримовъ, пришедшихъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. гробу, онъ отдалъ въ руки патріарха городъ Іерусалимъ и башню Давида, а также и городъ Іопцію, четвертою частью котораго онъ уже владѣлъ тогда, съ ихъ помѣстьями, подъ условіемъ однако, чтобы ему—королю—оставлены были владѣніе и пользованіе какъ св. городомъ, такъ и тремя остальными четвертями Іопции до тѣхъ поръ, пока королевство не расширится чрезъ завоеваніе двухъ или трехъ городовъ. Если-же въ промежуткѣ король умретъ, не оставивъ наслѣдника, то приведенное условіе должно прекратиться съ полнымъ правомъ, и патріархъ долженъ быть поставленъ безъ всякихъ споровъ владыкой Іерусалима и крѣпости Давида со всѣми ихъ угодьями¹⁾. Такую-то побѣду латинское духовенство одержало надъ свѣтскою властію.

Но не трудно видѣть, что успѣхомъ своимъ Даимбертъ обязанъ былъ главнымъ образомъ слабохарактерности Готфрида. Дѣлая уступки патріарху, послѣдній высказывалъ безсиліе не какъ король, но какъ человѣкъ; потому что во власти Даимберта, одержавшаго надъ нимъ верхъ, кромѣ силы воли не было положительно никакихъ другихъ вспомогательныхъ средствъ. Отсюда, стоило только на королевскій престолъ вступить че-

щаль исполнить ихъ просьбу подъ условіемъ, если они предварительно испросятъ у Калифа постоянную уступку во власть іерусалимскаго патріарха отдѣльной части города, которая была-бы исключительно населена христіанами, число которыхъ представляло-бы около четверти всего населенія. Калифъ принялъ предложеніе. Императоръ греческій при помощи кипрскаго префекта заплатилъ условленную сумму, благодаря которой работа была окончена (1063 г.). Къ концу этой эпохи іерусалимскіе христіане, которые доселѣ жили безъ разбора въ различныхъ частяхъ города, получили во владѣніе опредѣленное мѣсто и поселились подъ управленіемъ патріарха. Имѣя въ виду эти предшествующія обстоятельства, Даимбертъ заключилъ, что такъ какъ христіане теперь не ограничены тою четвертью города, а распространились по всему городу и владѣютъ имъ, то теперь и власть патріарха должна также распространиться на весь Іерусалимъ, а потому всѣ подати и другіе регалии должны принадлежать только Іерусалимской Церкви, т. е. ему самому. (Guillelm. Tyr. lib. IX, cap. XVIII, col. 449—451).

¹⁾ Guillelm. Tyr. l. IX, cap. XVI, col. 448.

ловѣку, болѣе энергичному, и тогда, могущество патріарха должно рушиться. Такъ, дѣйствительно, и случилось, когда королевская власть перешла въ руки Балдуина I.

По смерти Готфрида (17 іюля 1100 г.) когда возникъ вопросъ относительно того, кто долженъ царствовать, Даимбертъ, основываясь на данномъ ему обѣщаніи Готфрида (1 апрѣля 1100 г.), сталъ требовать королевское достоинство себѣ. Но такъ какъ, почти всѣ бароны и рыцари ¹⁾ желали, чтобы въ Іерусалимѣ, которому со всѣхъ сторонъ угрожала опасность, правителемъ былъ храбрый братъ Готфрида Балдуинъ, князь эдесскій, то Даимбертъ прибѣгъ къ интригамъ. Въ то время какъ сторонникъ Балдуина Гарнье графъ де Грей занялъ съ нѣкоторыми рыцарями, своими сообщниками, крѣпость Давидову, послалъ пригласительное письмо къ брату покойнаго, чтобы онъ поспѣшилъ въ Іерусалимъ для занятія престола, патріархъ позвалъ въ Іерусалимъ Танкреда ²⁾, только что овладѣвшаго Каіафою. Но предъ Танкредомъ заперли ворота Іерусалима. Честолюбивый Даимбертъ обратился тогда къ князю антиохійскому Боэмунду съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Никто лучше васъ, возлюбленный мой сынъ, не знаетъ того противодѣйствія, которое я высказывалъ противъ своего избранія на патріаршій іерусалимскій престолъ. Но увы! Послѣ того, какъ я былъ возведенъ въ это высокое достоинство, мнѣ пришлось вступить въ борьбу, переносить преслѣдованія и опасности. Подъ конецъ своего царствованія, Готфридъ буль-

¹⁾ Нѣкоторые желали видѣть королемъ Раймунда графа сентжильскаго и тулузскаго, а нѣкоторые Боэмунда, князя антиохійскаго, но таковыхъ было немного.

²⁾ Танкредъ стоялъ на сторонѣ Даимберта изъ своихъ личныхъ выгодъ; по завоеваніи латинянами Палестины, Готфридъ подарилъ рыцарю Вильдемару Карненелу городъ Каіафу, прежде чѣмъ этотъ городъ былъ завоеванъ. Для завоеванія-же его Готфридъ послалъ Танкреда. Но послѣдній, овладѣвъ г. Каіафою, вмѣсто того, чтобы отдать его Вильдемару Карненелу, предъявилъ на него права самъ, такъ какъ Готфридъ, который могъ вступить за Вильдемара Карненела, умеръ. Но когда Танкредъ прослышалъ, что на мѣсто Готфрида желаютъ возвести Балдуина, то онъ разсудилъ, что если этотъ послѣдній вступить на престолъ, то онъ призоветъ его (Танкреда) на судъ. И вотъ, чтобы предотвратить эту бѣду, т. е. не допустить Балдуина до Іерусалимскаго престола, онъ сталъ на сторону Даимберта.

онскій, находившійся подъ вліяніемъ людей вѣроломныхъ, оставилъ Церковь іерусалимскую въ состояніи почти столь-же плачевномъ, въ какомъ она была во время владычества турокъ: онъ кончилъ однако тѣмъ, что пришелъ къ раскаянію. Отрѣшившись отъ гордости и высокомерія князей вѣка, онъ въ день Пасхи 1-го апрѣля 1100 года въ церкви св. гроба дружелюбно обѣщалъ уступить въ мою власть крѣпость Давида и Іерусалимское королевство со всеми его областями, и часть города Іоппи, подъ условіемъ сохранить свое управленіе надъ ними до тѣхъ поръ, пока Господь не отдастъ въ его руки государство вавилонское, или какой-либо другой городъ, который-бы могъ служить ему достаточнымъ вознагражденіемъ. Въ случаѣ же, если онъ умретъ, не оставивши законнаго наследника, власть королевская должна перейти къ патриарху. Между тѣмъ едва лишь онъ умеръ, какъ врагъ Церкви, клятвопреступный Гарнье графъ де Грей, поправшій все законы правды, захватилъ крѣпость Давида, помѣстилъ здѣсь гарнизонъ, чтобы защищать крѣпость отъ меня, и отправилъ посольство къ графу эдесскому (Балдуину), прося его какъ можно скорѣе явиться для того, чтобы завладѣть Іерусалимомъ. Эта измѣна получила исполнѣ заслуженное наказаніе. Пораженный грознымъ судомъ Бога, Гарнье умеръ спустя четыре дня послѣ смерти Готфрида, своего повелителя. Такое предостереженіе, внушенное самимъ небомъ, не укротило смѣлости мятежниковъ. Они попрежнему продолжали удерживать крѣпость Давида и управленіе Іерусалимомъ. Поддерживаемые гнусною толпою и самою презрѣнною чернью, они ожидали прибытія Балдуина, обѣщавшаго имъ разрушить патриаршую Церковь и ея надежды на весь христіанскій міръ. Теперь, возлюбленный сынъ, я остался одинъ безъ всякой поддержки и заступничества отъ оскорбленій и насилія враговъ. Послѣ Бога я не имѣю другой помощи, кромѣ вашей преданности. Одинъ вы только можете услышать мой жалкій голосъ, или скорѣе, голосъ св. Іерусалимской Церкви. Во имя святой защищаемой вами вѣры, во имя вашего достоуважаемаго отца, этого воителя, который со славою освободилъ великаго первосвященника Григорія VII изъ плѣна, въ которомъ удерживали его руки нечестивцевъ, поспѣшите

поскорѣе ко мнѣ на помощь; вручите на нѣсколько недѣль управленіе Антиохіей своимъ вѣрнымъ совѣтникамъ, окажите свое милостивое участіе нашей несчастной Церкви. Напишите между тѣмъ графу Балдуину, чтобы онъ не вступалъ въ Іерусалимъ безъ письменнаго уполномоченія и въ частности безъ моего приказанія. Дайте ему понять, что Церковь, освобожденная цѣною столькихъ усилій, должна оставаться свободною и не должна подпадать подъ новое иго, что сыны, надъ которыми эта мать имѣетъ полную власть, не должны быть для нея тираннами и обращать ее въ рабство. Если графъ отвергнетъ правосудіе и не обратитъ вниманіе на эти благоразумные совѣты, то я въ силу повиновенія, которымъ вы обязаны св. Петру, заповѣдую вамъ всевозможными средствами, а въ крайнемъ случаѣ насиліемъ, воспрепятствовать вступить ему въ Іерусалимъ. Сообщите мнѣ относительно этого свое рѣшеніе; пришлите какъ можно скорѣе вашу отвѣтъ" ¹⁾. Мы нарочно привели это письмо, чтобы яснѣе видѣть, до какой степени Даимбертъ былъ ослѣпленъ страстію къ свѣтскому владычеству. Онъ мало того что не обращаетъ вниманія на положеніе іерусалимскаго королевства, нуждающагося въ воинственномъ королѣ, но считаетъ свое устраненіе отъ престола оскорбленіемъ Бога и въ смерти Гарнье не стѣсняется видѣть Божественное за себя заступничество. А въ заключеніе всего этого онъ осмѣливается даже отъ имени Бога разрѣшить Боэмунду употребить насиліе для того, чтобы устранить Балдуина отъ королевскаго престола.

Планы Даимберта однако не удались. Посланный ²⁾, съ которымъ было отправлено письмо къ Боэмунду, былъ задержанъ графомъ Раймундомъ, который взялъ у него письмо и не позволилъ продолжать путь далѣе. Кромѣ того и самъ Боэмундъ, къ которому было адресовано письмо, былъ взятъ въ это время въ плѣнъ сильнымъ эмиромъ туркомановъ, который увелъ его въ свои горы. На мѣсто Боэмунда антиохійцы

¹⁾ Guillelm. Tyr. Lib. X, cap. IV.

²⁾ Это былъ его писецъ Морелль.

призвали къ себѣ въ графы Танкреда, прославившагося своей храбростію. Балдуинъ-же, услышавъ о смерти брата, тотчасъ послѣдшилъ въ Іерусалимъ. Весь народъ — греки и сиріане встрѣтили его съ восторгомъ, какъ законнаго своего государя, и торжественно привели въ храмъ св. гроба ¹⁾. Даимбертъ, не желая, все еще отказаться отъ своихъ притязаній на королевство, прибѣгъ въ послѣднему, находящемуся въ его рукахъ средству. Въ то время какъ Балдуинъ вступилъ съ триумфомъ въ городъ, среди восклицаній всего христіанскаго народа, онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ сообщниковъ, началъ гнѣвъ противъ избранія новаго царя проклятіями, думая тѣмъ самымъ устрашить Балдуина. Но такая мѣра Даимберта могла смутить только лицъ, подобныхъ Готфриду, но не Балдуина. Послѣдній мало обращалъ вниманія на раздавшіяся противъ него проклятія, хорошо понимая всю ихъ несправедливость и ничтожество. Потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу и въ этомъ, Даимбертъ, притворясь, что не находитъ уже безопасности подлѣ гроба Іисуса Христа, удаляется на гору Сіонъ, какъ-бы для отысканія тамъ пристанища. Балдуинъ не нарушалъ единенія патріарха; онъ не показывалъ даже виду, что замѣтилъ его отсутствіе. Довольный одобреніемъ бароновъ и рыцарей, онъ хотѣлъ упрочить новыя права на корону одержаніемъ нѣсколькихъ побѣдъ надъ сарацинами. Онъ вышелъ изъ Іерусалима съ своими храбрыми рыцарями и явился предъ стѣнами Аскалона.

По возвращеніи Балдуина изъ успѣшнаго похода, Даимбертъ не посмѣлъ уже говорить о своихъ притязаніяхъ, и согласился самъ короновать преемника. Готфридова, несмотря на то, что прежде считалъ вступленіе Балдуина на престолъ противозаконнымъ, и какъ таковое громилъ проклятіями.

Но эта побѣда, одержанная королемъ, не была еще полной.

¹⁾ Единодушное привѣтствіе Балдуина народомъ, кромѣ того что было слѣдствіемъ всеобщаго къ нему уваженія, обуславливалось еще много и тѣмъ, что онъ на пути въ Іерусалимъ храбро разсѣялъ непріятелей — Эмировъ эмесскаго и дамасскаго, которые хотѣли преградить ему путь въ финикійскихъ ущельяхъ около Бейрута.

Таковая наступила только спустя нѣкоторое время. Получивъ отъ Раймунда тулузскаго копию съ посланнаго Даимбертомъ Боэмунду, по смерти Готфрида, письма ¹⁾, Балдуинъ (онъ не зналъ еще доселѣ объ этомъ письмѣ) тотчасъ-же отправилъ въ Римъ депутацію съ копией письма Даимберта и просилъ папу Пасхалиса II прислать въ Иерусалимъ легата, для того чтобы произвести церковный судъ надъ патриархомъ. Въ то же время король самъ лично прочелъ это письмо клиру и народу, собравшемуся въ церкви св. гроба, и объявилъ свое намѣреніе преслѣдовать патриарха, обвиняя его въ измѣнѣ и покушеніи на цареубійство.

Папа послалъ въ Иерусалимъ въ качествѣ легата кардинала Мориса. Этотъ послѣдній созвалъ соборъ, на которомъ главнымъ обвинителемъ Даимберта явился самъ король. Патриархъ испросилъ себѣ пятнадцать дней на размышленіе, дабы въ это время придумать средства къ оправданію. Этотъ срокъ назначенъ былъ ему подъ условіемъ однако, чтобы въ этотъ промежутокъ времени онъ былъ отрѣшенъ отъ всѣхъ обязанностей своего служенія. Это происходило въ мѣсяцѣ мартѣ 1101 года во-время первыхъ недѣль великаго поста. Когда наступилъ великій четвертокъ, въ который по обычаю должно было произойти освященіе мѣла и елея, то великое прискорбіе, замѣчаетъ лѣтописецъ, овладѣло душой Даимберта; не могущаго, вслѣдствіе запрещенія, участвовать въ этой церемоніи. Въ отчаяніи со слезами на глазахъ онъ бросился къ ногамъ Балдуина, говоря: „Примите мое раскаяніе; простите меня за прошедшее и положитесь на мою искреннюю преданность въ будущемъ. Умоляю васъ, не унижайте меня въ глазахъ громадной толпы пилигримовъ, пришедшихъ по обычаю въ этотъ день въ Иерусалимъ. Испросите мнѣ позволеніе въ этотъ праздникъ тайной вечери Спасителя исполнить всѣ обязанности патриаршаго служенія“. Но на всѣ просьбы Даим-

¹⁾ Это случилось послѣ конференціи Танкреда съ Балдуиномъ, назначенной по поводу жалобы Вильдемара Карпенеле на Танкреда за то, что этотъ послѣдній захватилъ въ свои руки управленіе Каиафой, подаренной ему (Вильдемару) Готфридомъ бульонскимъ.

берта король отвѣчалъ ему упреками за его измѣну и покушеніе на цареубійство; и только когда патриархъ обѣщаль ему заплатить за прощеніе 300 золотыхъ монетъ; Балдуинъ согласился на перемиріе, такъ какъ, прибавляетъ лѣтописецъ, онъ сильно нуждался тогда въ деньгахъ¹⁾. Морьясъ, назначенный папою въ Іерусалимъ для того, „чтобы разсмотрѣть дѣло патриарха со всѣмъ безпристрастіемъ“²⁾, не затруднился признать такого рода перемиріе между враждебными сторонами законнымъ: очевидно, желаніе короля было для него единственнымъ руководителемъ при судѣ патриарха.

Такимъ-то позоромъ и униженіемъ для Даимберта кончилась его борьба съ королемъ изъ за свѣтскаго владычества, — борьба начатая и съ столь большимъ успѣхомъ веденная имъ при Готфридѣ. Позднѣе такія притязанія на свѣтское владычество осмѣлился выставить одинъ только патриархъ, именно, Стефанъ (1128—1130³⁾, но преждевременная смерть его⁴⁾ не дала начавшейся уже было борьбѣ между нимъ и королемъ Балдуиномъ II достигнуть широкихъ размѣровъ.

Вообще же можно сказать, что въ лицѣ кающагося на колѣняхъ предъ Балдуиномъ Даимберта іерусалимское духовенство навсегда отказалось отъ своихъ притязаній на свѣтское владычество. Послѣ этого, если нѣкоторые патриархи и ведутъ борьбу съ королями, то уже не изъ страсти первенствовать, (за исключеніемъ Стефана), а изъ желанія защитить интересы Церкви. Такого рода борьбу велъ тотъ-же Даимбертъ и съ тѣмъ-же Балдуиномъ I. Столкновеніе между ними произошло по слѣдующему поводу. Ведя непрерывныя войны, Балдуинъ имѣлъ большую нужду въ деньгахъ, такъ что не могъ даже выдать жалованье солдатамъ. Между тѣмъ послѣдніе настой-

¹⁾ Alberic. Aquens., Hist. Hieros. 1. VII, cap. XLIX, L, col. 595.

²⁾ Ibidem, cap. XLVII, col. 594.

³⁾ Онъ былъ сначала воинемъ, потомъ поступилъ въ монастырь св. Іоанна, гдѣ былъ сдѣланъ аббатомъ; отсюда уже поступилъ въ патриархи.

⁴⁾ Нѣкоторые думаютъ, что онъ умеръ отъ яда, „но мы, говоритъ Вильгельмъ Тирскій, ничего опредѣленнаго относительно этого не знаемъ. Передаютъ однако, что, когда онъ лежалъ больной, и король, явившись къ нему, спросилъ его: „Какъ онъ себя чувствуетъ“, онъ отвѣчалъ: „Такъ, какъ желалъ ты“.

чиво требовали денегъ, угрожая въ противномъ случаѣ оставить св. землю. Находясь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Балдуинъ обратился къ патриарху Даимберту, прося его придти къ нему на помощь и выдать ему изъ денегъ, приносимыхъ вѣрными св. гробу, сумму, требующуюся на уплату жалованья войску. Патриархъ послалъ ему 200 марокъ серебра, сказавъ, что эти деньги были у него послѣдніе. Балдуинъ повѣрилъ словамъ патриарха. Но Арнульфъ, Рогескій, настоятель св. гроба, донесъ королю, что патриархъ безсовѣстно обманулъ его, такъ какъ казна соборной церкви, заключаетъ въ себѣ громадныя богатства, не считая тѣхъ, которыя Даимбертъ обратилъ въ свою пользу, или тратилъ на роскошныя пиршества ¹⁾. Эти показанія Арнульфа ²⁾ сильно раздражили Балдуина. Явившись къ патриарху, онъ потребовалъ у него выдачи денегъ, и сверхъ того вооруженія и годового содержанія сорока рыцарей. Послѣ долгаго сопротивленія патриархъ, по совѣту кардинала Мориса, который въ то время находился у него, уступилъ требованіямъ короля; онъ выдалъ ему денегъ на содержаніе тридцати рыцарей ³⁾. Но Балдуинъ

¹⁾ Alberic. Aquens. cap. LVIII.

²⁾ Вильгельмъ тирскій считаетъ показанія Арнульфа ложными (lib. X. cap. VII, col. 461), но мы увидимъ ниже, что такое мнѣніе несправедливо; въ рукахъ патриарха были, дѣйствительно, большія средства.

³⁾ Альберихъ аквенскій довольно живо изображаетъ этотъ споръ короля съ патриархомъ. „Однажды, говоритъ онъ, когда патриархъ вмѣстѣ съ Морисомъ возсѣдали за богатымъ столомъ, предаваясь пиршеству, король въ сопровожденіи нѣсколькихъ рыцарей явился внезапно и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: Итакъ, вотъ вы утопаете въ роскоши, тогда какъ мы, освободители и защитники св. гроба, имѣемъ нужду въ необходимомъ! Живъ Богъ! Этого не будетъ болѣе. Теперь вы будете раздѣлять съ нами горькую чашу бѣдствій, иначе вы не дотронетесь ни до одного динарія изъ приношеній вѣрныхъ. Патриархъ, раздраженный такимъ сильнымъ выговоромъ, отвѣтилъ: „Прежде чѣмъ возводитъ столь необдуманное обвиненіе, господинъ король, вы-бы лучше помнили слова апостола Павла: „служители алтаря и живутъ приношеніями алтаря“ (1 Кор. IX, 13). И вы осмѣливаетесь порабощать Церковь Божію? Нашъ Спаситель Иисусъ Христосъ Своей честною кровію возвратилъ ей свободу. Неужели вы опять хотите обратить ее въ рабство? Остерегайтесь касаться того, что не принадлежитъ вамъ, и навлекать на себя подобными требованіями анаемому св. Престола. Кардиналъ Морисъ хотѣлъ было обратиться къ королю съ своими мирными совѣтами, но король прервалъ его: „какую

не ограничился этимъ. Онъ началъ предъявлять требованія день ото-дня большія. Тогда Даимбертъ, видя, что при подобныхъ обстоятельствахъ церковная казна можетъ совсѣмъ опустѣть, рѣшилъ, —будучи не въ силахъ бороться съ королемъ, —оставить Иерусалимъ. Сначала онъ уѣхалъ въ Юппію, а потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, переправился въ Антиохію подъ защиту Танкреда. Между тѣмъ, по удаленіи Даимберта, приближенные короля приступили къ камераріямъ патріарха и посредствомъ пытокъ допрашивали, гдѣ находятся скрытыя деньги. Альберихъ, аквенскій говоритъ, что подобными средствами открыли двадцать тысячъ золота, и что по словамъ камераріевъ, должно остаться столько-же въ другомъ хранилищѣ, которое не могли отыскать.

Удаляясь изъ Иерусалима, Даимбертъ тѣмъ самымъ ясно показалъ, какъ мы замѣтили уже выше, свое безсиліе въ спорѣ съ Балдуиномъ за интересы Церкви. Еще рельефнѣе это безсиліе обнаружилось на созванномъ, спустя нѣсколько времени по этому дѣлу соборѣ ¹⁾. (Въ октябрѣ 1102 г.). Здѣсь

важность, воскликнулъ онъ, имѣетъ ваша ссылка на правило, что служители алтаря живутъ отъ алтаря? Для необходимости нѣтъ закона! Мои солдаты, вотъ кто долженъ жить отъ алтаря, въ противномъ случаѣ сарацины отнимутъ у насъ все". Раздраженіе короля, прибавляетъ Альберихъ, было таково, что кардиналъ посовѣтовалъ патріарху уступить". (Alberic, Aqueis, cap. LIX).

¹⁾ Соборъ этотъ былъ слѣдствіемъ ходатайства за Даимберта предъ королемъ Танкреда антиохійскаго и Балдуина бургундскаго. Намѣреваясь завоевать Аскалонъ, король Балдуинъ просилъ у этихъ князей помощи. Они согласились, но при этомъ просили короля, чтобы онъ примирился съ патріархомъ. Хотя королю было и непріятно такое предложеніе князей, однако въ виду того, что безъ участія ихъ онъ не надѣялся овладѣть Аскалономъ, онъ обѣщалъ имъ передать поступокъ Даимберта на рѣшеніе собора, подъ предсѣдательствомъ папскаго легата кардинала Роберта парижскаго, присланнаго въ Иерусалимъ Пасхалисомъ II на мѣсто умершаго Мориса нартскаго, прибавивъ при этомъ, что какое-бы рѣшеніе не послѣдовало на соборѣ, онъ (Балдуинъ) согласится на него. (Alberic, Aqueis. I. IX, cap. XIII et XIV col. 631, 632). Послѣ взятія Аскалона, король съ князьями, участвовавшими въ походѣ, явились въ Юппію (Окт. 1102 г.). Здѣсь, говоритъ Альберихъ аквенскій, согласно единодушному мнѣнію епископовъ и всѣхъ клириковъ, находящихся въ этомъ городѣ, патріарху Даимберту были возвращены всѣ почести и достоинства, которыхъ лишилъ его король. Затѣмъ отправили его въ Иерусалимъ, гдѣ онъ снова съ большимъ торжествомъ былъ водведенъ на патріаршій престолъ. На слѣдующій день составилъ соборъ въ соборномъ храмѣ,

обвиняемый Даимбертъ не только не возбудилъ у кого либо сочувствія къ себѣ, какъ защитникъ интересовъ Церкви, но былъ предметомъ всеобщей ненависти. Даже клирики, для которыхъ отстаиваемые Даимбертомъ церковные интересы должны были быть выгодны, и тѣ старались о томъ, чтобы какъ можно больше возвести на Даимберта обвиненій. Какъ всѣ присутствовавшіе на соборѣ были озлоблены противъ Даимберта, объ этомъ свидѣтельствуетъ краткое замѣчаніе Альбериха аквенскаго. „Одни, говоритъ онъ, обвиняли патріарха въ симоніи, другіе упрекали его за участіе въ убійствѣ греческихъ христіанъ, совершенномъ генуезцами, на островѣ Кефалоніи, третьи настаивали на его измѣнѣ королю, наконецъ, извѣстное число противниковъ указывало на жестокость патріарха, проявившуюся главнымъ образомъ въ томъ, что онъ отказалъ въ помощи королю и скрылъ приносимыя вѣрными подаянія ¹⁾).

Замѣчательно, что одинъ изъ этихъ пунктовъ обвиненія, именно измѣна Даимберта королю, былъ разобранъ уже на соборѣ 1101 года, подъ предсѣдательствомъ кардинала легата Мориса партскаго. Теперь онъ повторенъ былъ очевидно изъ желанія усилить вину Даимберта и тѣмъ самымъ угодить находящемуся здѣсь королю. Результатомъ собора было, какъ и слѣдовало ожидать, низложеніе Даимберта ²⁾. На мѣсто его былъ возведенъ священникъ Эбремаръ.—Альберихъ аквенскій находитъ рѣшеніе собора вполне безукоризненнымъ. Всѣ обвиненія, которыя возводились на Даимберта, говоритъ онъ, были слѣдствіемъ не личной вражды, а—желанія благоденствія Церкви. Мы не можемъ согласиться съ словами Альбериха

подъ предсѣдательствомъ кардинала-легата Роберта парижскаго въ присутствіи семнадцати архіепископовъ и епископовъ (Alberic. Aquens. lib. IX, cap. XVI, col. 635).

¹⁾ Alberic. Aquens. lib. IX, cap. XVI, col. 633.

²⁾ Танкредъ антиохійскій и Балдуиъ бургундскій, видя всеобщее противъ Даимберта возстаніе, не осмѣливались протестовать противъ суда. Они ходатайствовали только о томъ, чтобы съ Даимберта было снято духовное запрещеніе. Совѣтъ уступилъ ихъ просьбѣ (Alberic. Aquens. I, IX, cap. XIII, col. 633). Даимбертъ отправился съ Танкредомъ въ Антиохію, гдѣ патріархъ Бернадъ уступилъ ему приморскую церковь св. Григорія, назначивъ жалованье. (Guil. Tyr. lib. X, cap. XXV, col. 479).

и смотримъ на рѣшеніе собора совершенно иначе. По нашему мнѣнію, Даимбертъ, правда, былъ вполне достоинъ низложенія, но онъ былъ низложенъ вовсе не потому, что судьи его дѣйствовали изъ за любви къ Церкви, а потому, что хотѣли этимъ низложеніемъ угодить королю. Говоря другими словами, Даимбертъ былъ низложенъ не за свои дурные поступки, за которые онъ, повторю, долженъ былъ быть низложенъ, а за противодѣйствіе королю въ выдачѣ церковныхъ денегъ. Что дѣйствительно, это было такъ, мы можемъ подтвердить тѣмъ обстоятельствомъ, что когда послѣ собора Танкредъ аніохійскій и Балдуинъ бургундскій просили духовныхъ отцовъ снять съ Даимберта запрещеніе, ихъ просьба была безпрекословно уважена. Если признать, что Даимбертъ былъ низложенъ съ патріаршей кафедрой и лишенъ священнаго сана за свои дурныя дѣйствія, для насъ совсѣмъ является непонятнымъ поступокъ отцовъ, согласившихся исполнить просьбу князей. Какъ ревнители вѣры и благочестія, какими ихъ представляетъ Альберихъ аквенскій, они ни въ какомъ случаѣ не могли-бы возвратить духовнаго сана тому, кто его не заслуживалъ. Очевидно, они мало заботились о благѣ Церкви и желали только угодить королю.

Одинаковой участи подвергся и слѣдующій за Даимбертомъ патріархъ Эбремаръ, позволившій себѣ также однажды отказать королю въ выдачѣ церковныхъ денегъ. По отношенію къ этому патріарху Балдуинъ оказался еще болѣе сильнымъ: когда на созванномъ въ Іерусалимѣ подъ предсѣдательствомъ папскаго легата Гибеллина (1109 г.) соборѣ онъ повелительно заявилъ, что не желаетъ имѣть патріархомъ Эбремара, отцы собора, несмотря на то, что уважали Эбремара, подчинились его рѣшенію. Они низложили Эбремара и возвели на его мѣсто самого папскаго легата—Гибеллина ¹⁾).

¹⁾ Болѣе подробное изображеніе тяжбы Балдуина съ Эбремаромъ представляется въ такомъ видѣ. По смерти возведеннаго Пасхалисомъ II на патріаршую кафедру Даимберта, Эбремаръ отправился въ Римъ, чтобы получить отъ папы конфирмацію, при чемъ для большаго успѣха онъ взялъ рекомендательное письмо отъ короля, настоятеля св. гроба и викарныхъ епископовъ. Арнульфъ, предвидя, что вступленіе Эбремара на патріаршую кафедру можетъ лишить его самого на-

Со вступленіемъ на патріаршій престолъ Гибеллина въ іерусалимской Церкви, можно сказать, совсѣмъ прекратилась борьба между королями и патріархами, исключая непродолжительной борьбы Стефана съ Балдуиномъ II. За этотъ періодъ мы видимъ даже, что нѣкоторые патріархи и короли находятся между собою въ тѣсной дружбѣ, и взаимно оказываютъ другъ другу услуги. Король Балдуинъ I, подъ вліяніемъ чувства расположенія къ Гибеллину, ходатайствуетъ въ 1112 году предъ папою Пасхалисомъ II, чтобы всѣ города, которые христіане отняли и отнять у невѣрныхъ, были подчинены юрисдикціи Іерусалимской Церкви ¹⁾, на что папа изъявилъ свое согласіе ²⁾. А патріархъ Арнульфъ въ указѣ 1116 года, изданномъ имъ по поводу преобразованія жизни канониковъ св. гроба, отзывается объ этомъ королѣ, какъ о милостивомъ отцѣ по отношенію къ духовнымъ лицамъ ³⁾. Точно также весьма благосклонно относился къ патріарху Арнульфу король Алмерикъ ⁴⁾.

дежды на послѣднюю (онъ, какъ извѣстно, не покидалъ мысли быть патріархомъ) вооружаетъ противъ Эбремара короля, которому Эбремаръ незадолго предъ тѣмъ отказалъ въ деньгахъ, настоятеля св. Гроба и епископовъ, беретъ отъ нихъ дурно отзывающіяся объ Эбремарѣ письма и ѣдетъ также въ Римъ, чтобы просить папу не допускать Эбремара до патріаршей кафедры. Папа, не понимая, какимъ образомъ одни и тѣ-же лица, т. е. король, настоятель св. Гроба и епископы, могли дать свои письма въ пользу Эбремара и Арнульфа, посылаетъ въ Іерусалимъ, для изслѣдованія дѣла, своего легата Гибеллина, подъ предсѣдательствомъ котораго и состоялся низложившій Эбремара соборъ. (Darras. Hist. de l'eglise t. XXV p. 146—151).

¹⁾ Guillelm. Tur. lib. XI.

²⁾ Эта уступка папы вызвала протестъ со стороны Бернарда, латинскаго патріарха Антиохіи, который, видя, что подобная уступка дѣлаетъ вредъ его кафедрѣ, послалъ депутатовъ въ Римъ съ жалобой. Чтобы успокоить его, папа написалъ посланіе, гдѣ возвышаетъ достоинство церкви антиохійской, почтенной какъ церковь Рима, присутствіемъ въ ней св. Петра и прибавляетъ: „Если мы и написали нѣчто не должное касательно Церкви антиохійской, или Церкви іерусалимской, то не должно приписывать это ни легкомыслію, ни злоумышленію, и возбуждать по этому поводу скандалъ, ибо большая отдаленность мѣстъ и переимѣна древнихъ именъ городовъ и провинцій—крестоносцами служить причиною нашего невѣдѣнія. Но мы требуемъ соблюденія правъ всѣхъ церквей“ (Guillelm. Tur. lib. XI).

³⁾ Patrol. lat. t. OLV, col. 1115,—см. Darras Hist. de l'eg. т. 29.

⁴⁾ Причина благосклонности къ патріарху этого жестокаго ко всѣмъ подданнымъ короля заключалась съ одной стороны въ томъ, что онъ обиванъ былъ пат-

Патріархъ съ своей стороны не оставались въ долгу у королей. Патріархъ Арнульфъ, получивъ, благодаря Балдуину I, патріаршую кафедру, самъ въ свою очередь всегда поддерживалъ его интересы. Такъ, когда Балдуинъ при жизни первой своей жены, захотѣлъ, для поправки средствъ государства, вступить въ бракъ съ богатой и могущественной графиней сицилійской Аделаидой, то Арнульфъ, хотя желаніе короля было противно канону Церкви, разрѣшилъ этотъ бракъ.

Довольно сильно расположенъ былъ къ Балдуину II патріархъ Гармондъ. Когда король въ 1123 г. былъ взятъ египетскимъ халифомъ въ плѣнъ, то патріархъ наложилъ на всѣхъ жителей Іерусалима строгій постъ и самъ отправился даже на войну, для освобожденія короля, неся крестъ. Точно также онъ удержалъ въ предѣлахъ королевства венеціанскій флотъ, чтобы при помощи его освободить Балдуина.

Такая перемена въ отношеніяхъ между королями и патріархами зависѣла съ одной стороны отъ того, что патріархи отказались отъ своихъ притязаній на свѣтское владычество, а съ другой — отъ того, что и короли не допускали произвола въ отношеніи къ патріархамъ, какъ дѣлалъ это Балдуинъ I.

риарху своимъ вступленіемъ на престолъ, а съ другой — желалъ имѣть въ патріархѣ опору, будучи ненавидимъ всеми своими подданными, какъ человекъ въ высшей степени бездравственный и корыстолюбивый. Последняго рода обстоятельствомъ объясняется между прочимъ угожденіе Алмерика (короля) всему духовенству. Въ началѣ, нужно замѣтить, онъ тѣснилъ духовенство; но потомъ имѣнилъ въ нему свои отношенія, видя всеобщее къ себѣ неравноположеніе. Онъ началъ стараться о томъ, чтобы привлечь его на свою сторону. Онъ съ большею точностію платилъ принадлежащую церкви десятину, аккуратно исполнялъ всѣ внѣшнія христіанскія обязанности, терпѣливо выслушивалъ дѣлаемые ему иногда епископами замѣчанія и подчинился даже строгому требованію, предъявленному ему духовенствомъ, развестись съ своею женою Агнессою, дочерью младшаго графа Іоскелина, по причинѣ слишкомъ близкаго родства. Алмерикъ немедленно со всею готовностію согласился на то, чтобы папскій легатъ кардиналъ Іоаннъ и патріархъ Іерусалимскій произвели относительно этого дѣла обстоятельныя изслѣдованія, и когда, послѣ вопроса родственниковъ той и другой стороны, они оба объяснили королю, что онъ стоитъ къ своей женѣ въ родствѣ четвертой степени, при которой не дозволяется брачный союзъ, то онъ съ покорностію принялъ это рѣшеніе и немедленно развелся съ своею женою. Дѣти, рожденныя Агнессою — сынъ Балдуинъ и дочь Сивилла — были признаны однако законнорожденными.

Благодаря этому, само собой понятно, между ними не могло уже возникать тѣхъ ссоръ и перебранокъ, которыя мы видѣли раньше. Каждый изъ представителей этихъ двухъ властей исполнялъ только то, что входило въ кругъ его обязанностей, не вмѣшиваясь въ дѣла до него не касающіяся. Патріархъ зналъ свою церковь, не претендуя на управленіе государствомъ, хотя въ силу единенія этихъ двухъ учрежденій, не могъ иногда, какъ увидимъ ниже, не вліять на ходъ гражданско-общественной жизни; король-же имѣлъ въ виду прежде всего государство, вникая въ дѣла церковныя лишь настолько, насколько они имѣли связь съ дѣлами государственными.

Въ періодъ борьбы между королями и патріархами Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, не имѣла никакого вѣса въ государствѣ, за исключеніемъ конечно того времени, когда она въ лицѣ Даимберта при королѣ Готфридѣ владычествовала надъ государствомъ.—Патріархи и епископы, находясь въ совершенномъ подчиненіи у короля, и въ пренебреженіи у высшей свѣтской власти, совсѣмъ не осмѣливались высказывать своихъ сужденій при вопросахъ, касавшихся государства. Теперь-же съ прекращеніемъ борьбы положеніе дѣла измѣнилось. Высшее духовенство участвуетъ въ государственныхъ дѣлахъ и имѣетъ довольно сильный голосъ. Случалось даже, что оно вліяло на избраніе короля. Когда по смерти Балдуина III, нѣкоторые изъ бароновъ утверждали, что Іерусалимскій тронъ слѣдуетъ сдѣлать избирательнымъ, то патріархъ Алмерикъ, поддерживаемый іоаннитами, созвалъ на восьмой день, послѣ кончины короля (19 февр. 1162 г.), прелатовъ и бароновъ въ церковь св. гроба и здѣсь возложилъ королевскую корону на голову брата умершаго короля Алмерика, графа іопійскаго и аскалонскаго.

Благодаря патріарху Ираклію и гросмейстеру Тамплиеровъ, была коронована въ 1186 году мать умершаго въ томъ-же году короля Балдуина V, по имени Сивилла, которая въ свою очередь возвела на королевскій престолъ ненавидимаго всѣми своего мужа Гвидо-Лузиньяна ¹⁾).

¹⁾ Патріархъ Ираклій также не желалъ видѣть Гвидо-Лузиньяна на іерусалимскомъ престолѣ, но онъ былъ обманутъ Сивиллой. Последняя обѣщала рань-

При Балдуинѣ III (1144—1162 г.) высшее іерусалимское духовенство, въ сообществѣ съ двумя рыцарскими орденами, одержало однажды верхъ даже надъ мнѣніемъ короля; именно, это случилось при вопросѣ объ избраніи въ папы Александра III, спорившаго изъ за папскаго престола съ Викторомъ IV. Когда Александръ III прислалъ въ Палестину своего легата Конти, чтобы быть признаннымъ тамошними епископами высочайшею главою церкви, то Балдуинъ отказался принять кардинала, какъ папскаго легата, говоря, что въ столь большомъ отдаленіи, при полномъ недостаткѣ точныхъ свѣдѣній, еще нельзя, какъ слѣдуетъ, обсудить права обоихъ папъ, а отсюда и принимать сторону того или другого. Это мнѣніе нашло всеобщее одобреніе, и въ началѣ было даже осуществлено, но потомъ, когда епископы въ соединеніи съ двумя духовно-рыцарскими орденами признали Александра III законнымъ главою церкви, то и посоль его былъ принятъ, какъ легатъ римскаго престола, а не какъ только знатный пилигримъ, чего желалъ король.

Во время внутреннихъ смуть въ государствѣ высшія духовныя лица являлись въ качествѣ умиротворителей. Но въ этомъ случаѣ они не всегда имѣли успѣхъ, особенно, если ихъ увѣщанія противорѣчили взглядамъ королей; такъ было напр. во время спора Мелизинды, жены Фулька, съ ея сыномъ Балдуиномъ III. Желая примирить враждующихъ и тѣмъ самымъ водворить въ государствѣ спокойствіе, патриархъ Фульхеръ два раза вмѣшивался въ ихъ споръ, прося короля не оскорблять мать; но его просьба осталась совсѣмъ безплодною ¹⁾.

ше Ираклію, что она, получивши отъ него корону, разведется съ своимъ мужемъ и выйдетъ за другого, болѣе достойнаго, которому и передастъ королевскій тронъ. Но когда Ираклій, возложивъ на нее въ церкви св. гроба—корону и объявивъ ея разводъ съ Гвию-Лузиньяномъ, сказалъ, что она должна теперь исполнить свое обѣщаніе, т. е. отдать свою руку и скипетръ тому, кого признаетъ достойнѣйшимъ, она положила корону на голову своего мужа, стоявшаго предъ ней на колѣняхъ, и сказала: „люди не могутъ разлучить тѣхъ, которые соединены небомъ“ (Kerz. Geschichte der Religion Iezu Christi. Band XLIV, s. 459—460).

¹⁾ Споръ между Балдуиномъ и Мелизиндой произошелъ по слѣдующему поводу. По смерти Фулька (1144 г.) Балдуинъ, тогда еще малолѣтній, былъ объявленъ іерусалимскимъ королемъ. Регентшей его назначена была мать его Ме-

Въ случаѣ войны патріархи и епископы выставляли свои войска, и сами участвовали въ походахъ, нося попеременно предъ войскомъ крестъ. На военныхъ совѣтахъ они занимали весьма видное мѣсто, и случалось, что ихъ мнѣніе брало перевѣсъ надъ мнѣніемъ сановниковъ; такъ было напр. при взятіи Аскалона въ 1153 году. Потерпѣвъ на первый разъ неудачу, бароны и рыцари хотѣли было отступить отъ Аскалона, но патріархъ Фульхеръ вмѣстѣ съ гросмейстеромъ Іоаннитовъ и нѣкоторыми епископами настаивали на томъ, чтобы не отставать отъ начатаго дѣла. Мнѣніе патріарха взяло верхъ. Хри-

ливианда. Между совѣтниками ея самымъ вліятельнымъ былъ ея двоюродный братъ Манассезъ, который послѣ прибытія своего въ Палестину получилъ отъ нея высшее управленіе надъ арміею, съ чиномъ коннетабля. Гордый своею властію, Манассезъ своей заносчивостію вооружалъ противъ себя всѣхъ бароновъ. Но первымъ и самымъ страшнымъ врагомъ его былъ самъ король, который обвинялъ его въ любовныхъ отношеніяхъ къ своей матери. Бароны-же, которые заботились только объ удаленіи ненавистнаго министра, подстрекали Балдуина уволить отъ должности Мелизиду, чтобы тѣмъ легче было ниспровергнуть Манассеза. Балдуинъ повиновался. Онъ рѣшился короноваться въ день Пасхи. Между тѣмъ патріархъ угваривалъ его, чтобы онъ въ предотвращеніе всякихъ непріятностей пригласилъ на это торжество и свою мать. Но Балдуинъ отвергъ предложеніе патріарха. На слѣдующій день онъ явился къ народу съ короной на головѣ безъ вѣдома Мелизиды. Затѣмъ, созвавши сановниковъ, онъ отправился къ матери и повелительно потребовалъ отъ нея, чтобы она раздѣлила съ нимъ власть и отдала ему половину наслѣдства. Послѣ весьма шумныхъ споровъ королевство Іерусалимское было, наконецъ, раздѣлено на двѣ части, причемъ выборъ былъ предоставленъ Балдуину. Онъ взялъ себѣ Тиръ и Акру, а матери отдалъ Іерусалимъ и Наплузію. Но спустя нѣсколько времени король, подстрекаемый своими старыми совѣтниками, рѣшилъ совсѣмъ удалить свою мать отъ управленія. Узнавъ о такомъ намѣреніи сына, Мелизида, вѣривши зациту Напуза нѣкоторымъ вѣрнымъ своимъ вельможамъ, сама заперлась въ Іерусалимѣ. Балдуинъ, съ своей арміею осаждаетъ Манассеза въ его Мирабескомъ замкѣ, принуждаетъ его сдаться и отказаться отъ всякой власти на Востокѣ, овладѣваетъ Наплузіею и идетъ въ Іерусалимъ, въ крѣпости котораго находилась его мать. Патріархъ Фульхерій съ нѣкоторыми духовными лицами вышелъ къ королю на встрѣчу для того, чтобы попытаться склонить его признать права матери; но всѣ увѣщанія его не привели ни къ чему, и онъ возвратился въ городъ; жители послѣдняго отворили ворота арміи Балдуина. Гарнизонъ, находящійся въ крѣпости, мужественно защищался въ теченіи многихъ дней. Наконецъ согласились на миръ на новыхъ условіяхъ. Королева-мать уступила сыну Іерусалимъ, удовлетворившись одной Наплузіею съ ея помѣстьями. Король далъ обѣщаніе никогда не беспокоить ее въ этомъ владѣніи и, дѣйствительно, сдержалъ свое слово. (Darras. Hist. de l'église: t. XXVI, p. 474—75).

стіане рѣшили продолжить осаду и чрезъ нѣсколько времени Аскалонъ былъ завоеванъ.

Но болѣе всего сила Церкви по отношенію къ государству сказывалась тогда, когда послѣднее нуждалось въ деньгахъ. Въ первое время, какъ извѣстно, эти нужды государства вызвали со стороны патріарховъ сильное недовольство. Считая себя полноправными распорядителями церковныхъ имуществъ, первые патріархи (Даимбертъ, Эбремаръ) иногда отказывали государству въ помощи, чѣмъ вооружали противъ себя короля. Когда-же между патріархами и королями установились мирныя отношенія, тогда первые безпрекословно выдавали требуемую на нужды государства сумму. Подъ конецъ, когда владычество латинянъ въ Іерусалимѣ стало ослабѣвать, а турки все болѣе и болѣе усиливались, іерусалимскіе патріархи, желая поддержать королевство, не только щедро выдавали церковныя суммы, но даже обращали въ деньги церковную утварь. Такъ было напр. въ 1187 г. когда Баліанъ, коннетабль королевства, съ согласія патріарха Ираклія взялъ изъ церкви св. гроба все серебро и приказалъ чеканить изъ него деньги.

А. Рождествинъ.

(Окончаніе будетъ).

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

IV.

Гимнъ въ прославленіе восемнадцати мучениковъ сарагосскихъ.

1. Нашъ народъ подъ одною гробницею ¹⁾ сохраняетъ останки восемнадцати мучениковъ: это именно въ городѣ Сарагосѣ ²⁾.

5. Не боится разрушенія тлѣннаго міра домъ, полный великихъ ангеловъ (Божіихъ) ³⁾, имѣющій на лонѣ (своемъ) столько даровъ ⁴⁾ для представленія Христу

9. (Въ то время), когда придетъ Богъ, потрясая блистающею десницею, сѣдя на огненномъ облакѣ ⁵⁾, и воздастъ народамъ правый судъ.

*). См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 11.

¹⁾ Т. е. подъ однимъ алтаремъ (Дрессель).

²⁾ Сарагоса (Caesaraugusta или Caesarea Augusta, теперь Zaragoza) городъ въ Испаніи (именно въ провинціи Hispania Tarraconensis).

³⁾ Въ подлинникѣ: *domus plena magnorum angelorum* (ср. ст. 143). Называя мучениковъ „ангелами“, поэтъ имѣлъ, можетъ быть, въ виду Апок. 11, 1. 12 и др., гдѣ этимъ именемъ названы епископы; но не нужно забывать и того, что поэтъ часто представляетъ мучениковъ сотоварищами ангеловъ (Рер. 1, 66; V, 9 и слѣд. 285 и слѣд.).

⁴⁾ Разумѣются останки мучениковъ (ср. ст. 17).

⁵⁾ Марк. XIII, 26.

13. Возвысивъ голову изъ (среды) великаго міра ⁶⁾, поспѣшно пойдуть на встрѣчу Христу города, неся въ корзинахъ драгоценные дары ⁷⁾.

17. Африканскій Кароагентъ поднесетъ трои останки, Кипріанъ — краснорѣчивый учитель вѣры ⁸⁾; Кордова ⁹⁾ дастъ Апискла и Зоелла и (еще) три вѣнца (мученическіе ¹⁰⁾!

21. Ты, Тарракона—матерь благочестивыхъ, представишь (тогда) Христу прекрасную діадему изъ трехъ драгоценныхъ камней, приготовленную тебѣ Фруктуозомъ.

25. Драгоценный камень съ этимъ именемъ ¹¹⁾ украшаетъ оную; подлѣ блистають (еще) два драгоценные камня и отъ огненнаго сіянія сихъ двухъ (камней) свѣтитъ равный свѣтъ ¹²⁾.

29. Малая (населеніемъ), но богатая святыми останками Герунда представитъ Фелікса—украшеніе (свое); наша Калагорра поднесетъ чествуемую нами двоицу (мучениковъ ¹³⁾).

33. Барцелона возстанетъ, имѣя надежду въ славномъ Кукуфатѣ, а знаменитая Нарбонна (возстанетъ), надѣясь на Павла; могущественный же Арль будетъ имѣть тебя, святой Генесій!

37. Городъ—столица Лузитаніи ¹⁴⁾, поспѣшно взявъ для срѣ-

⁶⁾ Образъ, можетъ быть, заимствованъ изъ Лук. XXI, 28.

⁷⁾ Т. е. останки мучениковъ.

⁸⁾ Краснорѣчіе Кипріана, епископа Кароагенскаго, прославляетъ поэтъ въ особенности въ тринадцатомъ мученическомъ гимнѣ (Perist. XIII, 6 sqq).

⁹⁾ Кордова, равно какъ упоминаемые ниже города: Тарракона, Герунда, Калагорра, Барцелона, Комплетумъ, находятся въ Испаніи, Нарбонна и Арль—въ Галліи, Тингисъ—въ Мавританіи.

¹⁰⁾ Нѣкоторые думаютъ, что поэтъ имѣетъ здѣсь въ виду кордовскихъ мучениковъ Фавста, Януарія и Марціала; другіе-же разумѣютъ здѣсь трехъ сестеръ—мученицъ Агаею, Хіонію и Ирину, пострадавшихъ вмѣстѣ съ Зоелломъ (Дрессель).

¹¹⁾ Т. е. съ именемъ Фруктуоза.

¹²⁾ Поэтъ въ стих. 21—28 имѣетъ въ виду мучениковъ: Фруктуоза, епископа Тарраконскаго, и его двухъ діаконовъ—Евлогія и Авгурія; имъ посвятилъ онъ шестой мученическій гимнъ (Perist. VI).

¹³⁾ Т. е. мучениковъ Еметерія и Хеладонія, прославляемыхъ въ первомъ мученическомъ гимнѣ (Perist. I).

¹⁴⁾ Разумѣется городъ Емерита.

тенія Христа останки благоговѣнно чтимой дѣвы ¹⁵⁾, простретъ оныя къ самому жертвеннику ¹⁶⁾.

41. Комплютуму поможетъ то, что онъ будетъ имѣть у груди (своей) кровь Юста и Пастора—двойное приношеніе и двойной даръ—останки двоихъ (мучениковъ).

45. Тингисъ понесетъ своего празднично воспоминаемаго царями Массилійцевъ ¹⁷⁾ Кассіана, останки коего подчинили игу Христа народъ (сей).

49. Немногіе изъ городовъ, принесшихъ жертвы, какъ залогъ (ихъ вѣры) ¹⁸⁾, будутъ угодны однимъ свидѣтелемъ Христа, нѣкоторые — двумя или тремя свидѣтелями, нѣкоторые, можетъ быть, пятью ¹⁹⁾.

53. Ты-же, Сарагоса, возлюбившая Христа, понесешь, обвивъ голову свою желтою оливою — украшеніемъ мира ²⁰⁾, восемнадцать святыхъ.

57. Ты одна (въ Испаніи) приготовила для встрѣчи Господа болѣе многочисленныя сонмы мучениковъ и за то будешь, болѣе другихъ преизобилующая благочестіемъ, наслаждаться и обильнѣйшимъ свѣтомъ.

61. Едва многолюдная метрополія Пуническаго міра ²¹⁾, едва самъ царственный Римъ достоинъ превзойти въ этомъ дареніи тебя, наша красота!

¹⁵⁾ Т. е. мученицы Евлаіи, прославляемой въ третьемъ мученическомъ гимнѣ (Perist. III).

¹⁶⁾ Поэтъ, можно думать, имѣлъ въ виду Апок. VI, 9 (ср. VII, 15) и хотѣлъ указать на особую цѣнность дара.

¹⁷⁾ Массилійцы—народъ на сѣверѣ Африки (въ провинціи Нумидіи).

¹⁸⁾ Разумѣются останки мученическіе, сохраняемые сими городами.

¹⁹⁾ Изъ городовъ, упомянутыхъ поэтомъ въ стих. 17 и слѣд. нашего гимна, болѣшая часть городовъ имѣла по одному мученику, Казагорра имѣла двухъ мучениковъ (ст. 31), Тарракона—трехъ (ст. 21 и сл.), Кордова—пять мучениковъ (стих. 19—20).

²⁰⁾ Поводомъ къ такой характеристикѣ Сарагосы поэту могло послужить то, что вблизи этого города росло много оливковыхъ деревьевъ. О значеніи оливковой вѣтви, какъ символа мира, см. 6 примѣчаніе къ третьему повседневному гимну.

²¹⁾ Разумѣется Картагенъ.

65. Принесенная въ жертву кровь (сихъ мучениковъ) отъ всѣхъ вратъ освященнаго города ²²⁾ удалила коварныхъ демоновъ и отгнала черную тьму.

69. Нѣтъ внутри (сего города) никакихъ ужасающихъ тѣней ²³⁾; прогнанная язва далека отъ народа; Христосъ обитаетъ во всѣхъ улицахъ; Христосъ—вездѣ ²⁴⁾.

73. Вѣрь, что (этимъ) обязанъ святымъ мученикамъ отечественный ихъ городъ, изъ котораго востекаетъ къ небу сонмъ благородныхъ мужей, одѣтыхъ въ бѣлыя тоги ²⁵⁾.

77. Въ этомъ городѣ родился ты, побѣдоносный Винкентій, доставившій клиру столь великій триумфъ ²⁶⁾; въ этомъ городѣ жительствоетъ семья священниковъ Валеріевъ, облеченныхъ въ инфулу ²⁷⁾.

81. Всякій разъ, какъ во время нѣкогда бывшихъ бурь ²⁸⁾ свирѣпый вихрь потрясалъ удрученный міръ, на этотъ храмъ ²⁹⁾ устремлялся болѣе лютый порывъ неистовства.

85. И никакая ярость не прекращалась безъ прославленія нашихъ (братій), никакое неистовство не обходилось безъ пролитія славной крови; подъ всѣми грозами постоянно расло число мучениковъ ³⁰⁾.

²²⁾ Т. е. Сарагосы, освященной кровію мучениковъ.

²³⁾ Въ подлинникѣ: *nullus umbrarum latet intus horror*. Тѣнями здѣсь называются демоны, какъ существа безтѣлесныя и мѣстопребываніемъ имѣющія подземное царство.

²⁴⁾ Стих. 65—72 указываютъ на распространеніе и прочность христіанства въ Сарагосѣ.

²⁵⁾ Т. е. мучениковъ. Ср. ст. 145, гдѣ восемнадцать мучениковъ сарагосскихъ названы „*candidati*“.

²⁶⁾ Разумѣется Винкентій, діаконъ сарагосскій; описанію его мученичества посвященъ пятый мученичeskій гимнъ Пруденція (*Perist.* V).

²⁷⁾ Объ инфулѣ сказано въ 5 примѣчаніи къ девятому повседневному гимну. Въ нашемъ мѣстѣ семья Валеріевъ названа облеченною въ инфулу потому, что нѣкоторые изъ Валеріевъ были епископами. Ср. Дресселя: *ad Per.* IV 80.

²⁸⁾ Разумѣются гоненія на христіанъ. Ср. *Perist.* IX, 29; X, 23 sqq. 55.

²⁹⁾ Можно думать, что такъ называется здѣсь городъ Сарагоса (ср. ст. 105).

³⁰⁾ Стихи эти (ср. *Perist.* 11, 497 sqq) представляютъ какъ бы отголосокъ знаменитой фразы Тертуліана: *plures efficimur, quoties metimur a vobis: semen est sanguis Christianorum* (*Apolog.* с. 50), выражающей мысль, что гоненія содѣйствовали распространенію христіанства.

89. Будущее предъказалъ ты, Винкентій, на чужбинѣ пострадавшій мученикъ, малою струею крови ³¹⁾, (пролитую) еще на этой землѣ въ виду близкой смерти.

93. Граждане (Сарагосы) чествуютъ (эту струю крови) такъ, какъ будто бы ихъ земля вмѣщаетъ и самые члены блаженного мученика, такъ какъ будто бы объемлетъ и сохраняетъ въ отечественной гробницѣ и самые останки (его).

97. Онъ—нашъ, хотя пострадавъ вдали отъ насъ въ неизвѣстномъ городѣ, прославляетъ гробницею, какъ побѣдитель, прибрежье древняго Сагунта ³²⁾.

101. Онъ — нашъ, и въ нашей палестрѣ ³³⁾, будучи (еще) въ отроческихъ лѣтахъ, научился, изощряясь въ добродѣтели и помазуясь елеемъ вѣры ³⁴⁾, препобѣждать страшнаго врага.

105. Онъ зналъ о знаменитыхъ восемнадцати побѣдителяхъ, обитающихъ въ этомъ храмѣ ³⁵⁾; наученный отечественными лаврами, онъ столь-же достохвально потекъ (на борьбу).

109. Здѣсь ³⁶⁾ почиваютъ и твои останки, доблестная Енкратида, мужественная дѣва, своею доблестію посрамившая надмѣніе лютаго міра.

113. Никому изъ мучениковъ не суждено было обитать на

³¹⁾ Въ подлинникѣ: tenui... sanguinis rore. Толкователи Пруденція не согласны въ объясненіи этой фразы. Наиболее вѣрнымъ представляется толкованіе, по которому эта фраза указываетъ на то, что мученичество Винкентія началось еще въ Сарагосѣ, хотя окончилось въ неизвѣстномъ, но, во всякомъ случаѣ, далекомъ (отъ Сарагосы) городѣ. Ср. стих. 93 и слѣд.

³²⁾ Сагунтъ—городъ въ Испаніи (именно въ провинціи Hispania Tarraconensis).

³³⁾ Палестрой (παλαίστρα, palaestra) называлась въ греко-римской древности школа для борьбы и для всякаго рода тѣлесныхъ упражненій. Въ нашемъ мѣстѣ этимъ именемъ обозначена школа мученичества. Ср. Perist. V, 213.

³⁴⁾ Въ подлинникѣ: fidei olivo unctus. Выраженіе это заимствовано отъ обычая борцовъ въ палестрахъ мазать свои члены масломъ. Но, по Дресселю, выраженіе „unctus fidei olivo“ въ нашемъ мѣстѣ равнозначительно съ „tinctus pacifici chrismatis unguine“ (Cath. V, 156) и „chrismate innotatus“ (Cath. VI, 128) и въ данномъ случаѣ не имѣется въ виду обычай, наблюдавшійся въ палестрахъ а просто говорится о духовномъ укрѣпленіи въ христіанскомъ помазаніи.

³⁵⁾ Т. е. въ Сарагосѣ.

³⁶⁾ Т. е. въ Сарагосѣ.

землѣ нашей, сохранивъ жизнь; одна ты, переживъ собственную смерть, живешь въ этомъ мірѣ,—

117. Живешь и вновь являешь рядъ (вытерпѣнныхъ тобой) мукъ и, показуя истерзанную плоть, какъ бы (нѣкую) добычу, повѣствуешь, сколь жестоки были (нанесенныя тебѣ) гнусныя раны.

121. Немилосердый мучитель сокрушилъ тебѣ ребра; пролита была (твоя) кровь, истерзаны члены, изувѣчена грудь ³⁷⁾.

125. Мученичество, закончившееся смертію, имѣетъ менѣе цѣны, ибо смерть прекращаетъ лютыя боли и приноситъ скорое успокоеніе членамъ, погружая (ихъ) въ безчувствіе ³⁸⁾.

129. (Между тѣмъ) не заживающая рана долго еще (и послѣ мукъ) одержала тебя; долго еще жгучая боль оставалась въ твоихъ жилахъ, пока не сокрушило твою жизненную силу истощеніе (отъ ранъ).

133. Хотя мечъ завистливаго гонителя отказалъ (тебѣ) въ смерти, однако ты, испившая полную чашу мукъ, вѣнчаешься, какъ замученная.

137. Мы видѣли, что часть утробы твоей, оторванная желѣзными когтями, еще долго оставалась (по окончаніи мукъ); блѣдная смерть еще при жизни твоей имѣетъ нѣчто твое.

141. Этою новою славою прославилъ Христосъ нашу Сарагосу, содѣлавъ ее святымъ жилищемъ продолжающей жить мученицы.

145. Не преставай же ³⁹⁾ воспѣвать въ пѣсняхъ твой сенатъ,

³⁷⁾ Ср. Regist. III, 131 и слѣд., гдѣ подобное повѣствуется о мученицѣ Евлакіи.

³⁸⁾ Въ изданіи Дресселя эти ствхи читаются такъ:

Iam minus mortis pretium peractae est
quae venenatos abolens dolores
concitam membris tribuit quietem
fine sororo.

Арваль-же даетъ такой текстъ:

Iam minus mortis pretium peractum est и т. д.

³⁹⁾ Поэтъ обращается къ Сарагосѣ, называя въ ст. 147 „сенатомъ“ ея мучениковъ и святыхъ.

будучи освящена восемнадцатью мужами въ бѣлыхъ тогахъ ⁴⁰), будучи богата Оптатомъ и Луперкомъ.

149. Повѣдай о Сукцессѣ, воспой Марціала, пусть воспоеся тобою и смерть Урбана, пусть прозвучитъ (отъ тебя) пѣснь о Юліи и Евинтиліанѣ.

153. Пусть хоръ (твой) прославитъ Публія, пусть повѣдаетъ, каково было торжество Фронтоня, (пусть повѣдаетъ), что перенесъ добродушный Феликсъ, что перенесъ мужественный Цециліанъ.

157. (Пусть повѣдаетъ), сколь великая кровь пролилась при твоёмъ сраженіи, Евоцій, сколь великая при твоёмъ (сраженіи), Примитивъ; пусть оживленная похвала прославитъ твой триумфъ, Аподемій!

161. Остается повѣдать имена еще четырехъ мужей, которыхъ (поименно) назвать препятствуетъ стихотворный размѣръ ⁴¹) и которыхъ древность называетъ (вообще) Сатурнинами.

165. Любовь къ дорогимъ именамъ ни во что вмѣняетъ законы стихотворства и усердное повѣствованіе о святыхъ отнюдь не есть занятіе праздное или невѣжественное.

169. Полонъ искусства (самъ въ себѣ) способъ слагать формы именъ, которая отмѣтилъ Христосъ ⁴²) и которая заключаетъ въ себѣ небесная книга, имѣющая разгнуться въ день праведнаго всѣмъ воздаянія ⁴³).

173. Ангель прочтетъ тогда предъ Отцемъ и Сыномъ имена восемнадцати святыхъ, владѣющихъ однимъ городомъ по тому праву, что въ немъ находятся ихъ гробницы.

177. Къ прежде бывшему числу мучениковъ ⁴⁴) присоедине-

⁴⁰) Т. е. восемнадцатью мучениками, большая часть конхъ и называется ниже.

⁴¹) Въ чемъ собственно заключается противодѣйствіе стихотворнаго размѣра обозначенію именъ остальныхъ 4 (изъ 18) мучениковъ сарагосскихъ,—сказать трудно. Ср. Prolegomena Аревалы къ изданію произведеній Пруденція въ Patr. Curs. Compl. s. 1. t. 59. p. 781.

⁴²) Ср. Perist. 1, 1 в слѣд.

⁴³) Въ подлинникѣ: tempore justo. Ср. Cath. X, 137—138: veniant modo tempora justa, cum spem Deus impleat omnem.

⁴⁴) Т. е. восемнадцати мученикамъ, прославленію которыхъ собственно и посвященъ четвертый мученической гимнъ.

на будетъ дѣва, сохранявшая жизнь послѣ мукъ ⁴⁵⁾, а также замученный Винкентій ⁴⁶⁾, который здѣсь ⁴⁷⁾ родился и возросъ для достославнаго мученичества ⁴⁸⁾.

180. Прибавлены будутъ—не должно и о нихъ умолчать—Кай и ты, Кременцій, которымъ суждено было получить кровавую честь при второмъ боѣ за славу ⁴⁹⁾.

185. Оба, исповѣдую Господа, мужественно противостояли неистовству разбойниковъ; оба вкусили мученичества, хотя и легко.

189. Этотъ сонмъ (мучениковъ), сохраняемый матерью ⁵⁰⁾ вельможъ, облеченныхъ въ пурпуръ ⁵¹⁾, находясь предъ вѣчнымъ алтаремъ ⁵²⁾, молится о прощеніи нашихъ согрѣшеній.

193. Оросимъ благочестивыми слезами мраморы, которыми прикрыта моя надежда, что я разрѣшу связывающія меня узы ⁵³⁾!

⁴⁵⁾ Разумѣется исповѣдница Евкратидъ, только страдавшая за исповѣданіе Христа, но незамученная (стх. 109 и сл.).

⁴⁶⁾ Мученическая кончина Винкентія противопоставляется здѣсь вѣкоторымъ образомъ исповѣдничеству Евкратиды.

⁴⁷⁾ Т. е. въ Сарагосѣ.

⁴⁸⁾ Въ подлинникѣ: *cui* (т. е. *Vincencio*) *vanguis hinc est fons et honoris*; ср. ст. 77 и слѣд.; 101 и слѣд. Можетъ быть, впрочемъ, здѣсь нужно имѣть въ виду ст. 89—96 и понимать это мѣсто такъ: „кровь Винкентія, въ небольшомъ количествѣ пролитая имъ въ Сарагосѣ и сохраняемая тамъ, какъ драгоценный остатокъ, есть источникъ чествованія его въ семь городъ“.

⁴⁹⁾ Въ подлинникѣ: *ex secundo laudis agone*. Существуютъ два объясненія этой фразы. Именно одни объясняютъ эту фразу такъ, что исповѣдники Кай и Кременцій были дважды представлены на судъ за исповѣданіе христіанства и подверглись мукамъ при вторичномъ допросѣ; по предположенію же Аревалы, „вторымъ боемъ за славу“ названо здѣсь исповѣдничество въ противоположность мученичеству, которое есть первый и преимущественный бой.

⁵⁰⁾ Т. е. городомъ Сарагосою.

⁵¹⁾ Такъ названы здѣсь мученики, какъ побѣдители, потому что пурпуровая тога была отличіемъ императоровъ и триумфаторовъ; можетъ быть, также, поэтъ имѣлъ въ виду то, что мученики обагрятся кровію во время страданій за Христа (ср. *Perit. V, 9—12*).

⁵²⁾ Съ обычаѣмъ воздвигать алтари надъ останками мучениковъ нерѣдко говоритъ Пруденцій въ мученическихъ гимнахъ (ср. *Per. III, 211—212; XI, 169* и слѣд.). Называется-же здѣсь ятарь вѣчнымъ потому, что „Христосъ есть іерей во вѣкъ и наши алтари никогда не истребятся“ (Ареваль). Не повѣроятно, также, что поэтъ имѣлъ въ виду *Апок. VI, 9*.

⁵³⁾ Т. е. „что мнѣ прощены будутъ мои прегрѣшенія“.

197. Славный городъ! повергнись вмѣстѣ со мною предъ святыми гробницами ⁵⁴); за это ты весь скоро будешь спутникомъ воскресшихъ, вмѣстѣ съ душами, членовъ тѣлесныхъ ⁵⁵).

П. Цвѣтковъ.

(Продолженіе будетъ).

⁵⁴) Поэтъ, повидимому, разумѣетъ одну только общую гробницу восемнадцати сарогосскихъ мучениковъ (ср. ст. 1—2); по крайней мѣрѣ о гробницахъ Евкратиды, Винцентія, Кая и Кременція въ гимнѣ не говорится.

⁵⁵) Въ подлинникѣ: *resurgentes animas et artus... sequeris*. Поэтъ, очевидно, пишетъ въ виду возстаніе душъ и тѣлъ людей для блаженной жизни.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

Выше сказано, что ощущенія, когда воспринимаются, то вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣляются, приводятся въ порядокъ по мѣсту и времени. Очевидно, эта организація ощущеній и образованіе изъ нихъ разнаго рода представленій есть плодъ умственной дѣятельности, какъ это видно изъ того, что одинъ только человѣкъ выражаетъ свои представленія посредствомъ словъ. Хотя языкъ не столько самодѣтельно образуется, сколько усваивается извнѣ, воспринимается, однако это воспріятіе далеко не то, что воспріятіе впечатлѣвій отъ внѣшнихъ предметовъ; послѣднее есть натуральный процессъ, который самъ собою совершается, тогда какъ усвоеніе языка требуетъ самодѣтельнаго участія со стороны усваивающаго, такъ что въ собственномъ смыслѣ это есть процессъ обученія; по тѣсной связи словъ языка съ обозначаемыми чрезъ нихъ представленіями, послѣднія также образуются и усваиваются не безъ участія свободной умственной дѣятельности, хотя о томъ и не сохраняется у насъ ясныхъ воспоминаній. Въ чемъ-же именно, въ какихъ актахъ проявляется умственная дѣятельность. Дѣятельность эта есть синтетическая и аналитическая, посему она выражается въ актахъ соединенія и различенія. Невозможно, чтобы эти два акта не происходили уже въ самомъ чувствен-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 10.

номъ воспріятіи, такъ что воспринимаемая впечатлѣнія мы и различаемъ и вмѣстѣ соединяемъ различаемое. Притомъ этотъ процессъ постепенно усложняется: сначала мы различаемъ свойства, дѣйствія, состоянія, отношенія вещей, а также и самыя вещи, и затѣмъ уже научаемся различать впечатлѣнія и представленія отъ представляемаго, т. е. отъ вещей, ихъ свойствъ, дѣйствій, состояній, отношеній. Что наше сознание есть сила различающая и соединяющая, это очевидно и для эмпириковъ, но производя всѣ элементы познанія изъ внѣшняго воздѣйствія вещей, и самыя акты различенія и соединенія они также стараются изъяснить тѣмъ-же способомъ, именно полагаютъ, что все сходное само собою соединяется въ нашемъ сознаниіи, когда воспринимается, и это называется обобщеніемъ, послѣдствіемъ котораго являются общія идеи, напротивъ—все различное разъединяется. Какъ недостаточна эта характеристика умственной дѣятельности, видно изъ того, что одно и тоже представленіе съ одними сходно, съ другими напротивъ—не сходно, да и съ тѣми, съ которыми сходно, не во всемъ сходно, но въ одномъ сходно, въ другомъ не сходно; слѣдовательно, каждое представленіе многообразно можно и соединять, можно и разъединять со всякимъ другимъ. Воспріятыя представленія образовали-бы хаотическую смѣсь, къ чему также способствовало-бы и самое устройство мозга, если предположить вмѣстѣ съ Тэнномъ, что движеніе и распредѣленіе идей всецѣло опредѣляется этимъ устройствомъ, открывающимъ возможность многократнаго повторенія каждаго представленія по всѣмъ направленіямъ; очевидно, что сами по себѣ акты соединенія и различенія не привели-бы ни къ чему, не могли-бы образовать познанія изъ даннаго матеріала ощущеній, если-бы при этомъ не было нормъ правящихъ какъ аналитическою, такъ и синтетическою умственною дѣятельностію. А эти нормы заключаются въ указанныхъ уже идеяхъ истинны, красоты, блага вмѣстѣ съ необходимѣйшими элементарными понятіями и соотвѣтственными стремленіями, связанными съ тѣми идеями. Господство этихъ идей обнаруживается въ томъ, что мы никогда не довольствуемся безцѣльною игрою представленій, но всегда располагаемъ и упорядочиваемъ такъ, чтобы

они могли быть выраженіемъ истины, чтобы они гармоническимъ своимъ сочетаніемъ улаживали душу и во всемъ согласовались съ вѣчными законами добра. А какъ всѣ идеи для насъ объединяются въ темномъ или ясномъ сознаніи абсолютнаго верховнаго начала, то отсюда требованіе единства есть господствующее апріорное начало по отношенію ко всей духовной жизни человѣка. И здѣсь-то заключается главное условіе образованія общихъ понятій. Не механически, чрезъ пассивное воспріятіе, образуются у насъ общія идеи; въ образованіи ихъ обнаруживается влеченіе духа все свести къ единству, все привести въ порядокъ и поставить въ связь съ единымъ, всесовершеннымъ началомъ.

До сихъ поръ были разъяснены только элементы познанія. Теперь требуется показать, — какъ изъ этихъ элементовъ образуется познаніе, а также указать различные виды познанія. Предъидущее изложеніе ясно показываетъ, что Тэнъ различаетъ въ познаніи два главныхъ элемента: *ощущенія* и *представленія*. Устанавливая общій взглядъ на познаніе, Тэнъ хочетъ доказать, что сужденіе не есть что-либо отдѣльное отъ ощущеній, напротивъ, кромѣ ощущеній и представленій, по его мнѣнію, ничего болѣе не требуется для происхожденія сужденій. Два основныхъ процесса, говоритъ Тэнъ, употребляются природою для произведенія тѣхъ дѣйствій, которыя мы называемъ познаніями. Одинъ состоитъ въ томъ, что она производитъ въ насъ иллюзіи; а другой состоитъ въ томъ, что она ихъ исправляетъ. Посредствомъ этой двойной операціи возводится и завершается умственное зданіе.

Положеніе это такъ разъясняется: процессъ познанія состоитъ изъ трехъ членовъ: предшествующаго, — это утверждаемый фактъ, посредствующаго — это ощущеніе и наконецъ заключительнаго члена, который есть идея, вѣрованіе, сужденіе или представленіе; этотъ членъ хотя слѣдуетъ за посредствующимъ, но относится къ предшествующему. Нерѣдко первый членъ отсутствуетъ, т. е. самого предмета или свойства, къ которому относится наше представленіе, внушающее вѣру въ дѣйствительность представляемаго, на самомъ дѣлѣ нѣтъ; но достаточно имѣть ощущеніе, съ которымъ соединяется тако-

вое представленіе или вѣрованіе, чтобы представляемое нами мы приняли за дѣйствительность, такъ напр. въ театрѣ кажущееся состояніе лица дѣйствующаго (актера или актрисы) мы принимаемъ за дѣйствительное; палка въ волѣ кажется согнутою, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Иллюзіи являются и тогда, если вмѣсто ощущенія мы имѣемъ образы, которымъ никакія ощущенія не препятствуютъ достигать такой ясности и живости, что кажутся намъ дѣйствительностію (сповидѣнія). Такимъ образомъ главныя составныя части познавательнаго процесса—ощущенія и образы—порожь въ состояніи рождаютъ только иллюзіи и галлюцинаціи. Напротивъ, при совокупномъ ихъ дѣйствіи, происходитъ между ними столкновеніе, и въ этомъ состоитъ исправленіе иллюзіи, слѣдствіемъ чего является дѣйствительное познаніе. Такъ, представленіе того, что мы находимся въ театрѣ, разрушаетъ иллюзію, порождаемую впечатлѣніями отъ искусной игры. Такое-то столкновеніе между ощущеніями и представленіями Тэнъ называетъ противорѣчіемъ, взаимнымъ отрицаніемъ, чрезъ что и достигается исправленіе иллюзіи или галлюцинаціи. Итакъ природа производитъ въ насъ иллюзіи и галлюцинаціи. Но она-же обезпечила и ихъ исправленіе взаимною борьбою ощущеній и представленій. Почему-же однако мы никакъ не можемъ освободиться отъ тѣхъ понятій, которыя Тэнъ рѣшительно отвергаетъ, какъ порожденіе схоластики, именно понятія о духѣ съ одной стороны, а съ другой о веществѣ или матеріи. Природа, слѣдовательно, раждая въ нашемъ умѣ эти иллюзіи, ничего не дѣлаетъ для исправленія ихъ. И понятіе о нашемъ я, какъ субстанціи, и понятія о различныхъ способностяхъ нашего я Тэнъ признаетъ пустыми фикціями нашего ума. Несмотря на то, онъ пользуется этими фикціями самъ, когда разсматриваетъ тѣло какъ совокупность различныхъ возможностей.

Тэнъ не могъ не замѣтить того, что въ чувственномъ воспріятіи вмѣстѣ съ образами, которые при этомъ возникаютъ въ сознаніи, у насъ соединяется мысль. „Въ группѣ образовъ, говоритъ онъ, вызванныхъ ощущеніемъ, должно различать двѣ вещи,—самые образы и рефлексію, посредствомъ которой я замѣчаю постоянную возможность, во всякое время (?) и для

всякаго существа чувствующаго тѣхъ ощущеній, которыя тѣ образы представляютъ. Первая изъ этихъ вещей свойственна и животнымъ, послѣдняя только человѣку“. Животныя не владѣютъ даромъ слова и потому лишены возможности различать и отдѣлять признаки образовъ, (какъ будто языкъ создаетъ эту возможность, а не наоборотъ, — самый языкъ возможенъ только благодаря той способности). Обладая даромъ слова, человѣкъ запечатлѣваетъ образы названіями и замѣчаетъ возможность повторенія того-же образа какъ для него, такъ и для другаго подобнаго ему чувствующаго существа. „Замѣчая эту возможность, онъ отдѣляетъ ее отъ ощущеній, въ которыхъ она заключена; его поражаетъ ея независимость и постоянство, столь странная среди непрерывнаго теченія и очевидной зависимости ощущеній. Онъ называетъ ее свойствомъ, способностію (*puissance*), силою. Независимое и постоянное ему кажется одно достойнымъ вниманія, и вотъ, дабы населить сцену бытія, онъ на первомъ планѣ ставитъ эту возможность и другія подобныя. Напротивъ ощущенія, по причинѣ ихъ неустойчивости, текучести, онъ удаляетъ и оставляетъ въ сторонѣ. Оставляя ощущенія безъ вниманія, онъ забываетъ, что свойства, способности и силы не что иное какъ отвлеченіе отъ нихъ (*extrait*). Онъ пытается разсматривать отдѣльно и саму въ себѣ эту нѣкоторую вещь независимую и постоянную, которую онъ изолировалъ только вслѣдствіе забвенія. Онъ создаетъ такимъ образомъ пустую субстанцію; метафизика трудится надъ этою сущностію и строитъ свои карточные домики, для разрушенія которыхъ не слѣдуетъ считать излишнимъ самый строгій анализъ“¹⁾. Какъ сказано уже, Тэнъ самъ пользуется въ своихъ объясненіяхъ тѣми созданіями мысли, которыя, какъ онъ полагаетъ, только по забывчивости принимаются за нѣчто имѣющее значеніе самостоятельное. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Тэнъ объ ощущеніяхъ вообще, именно, что ощущенія, въ основаніи своемъ, только количественно различаются и что поэтому всѣ они тождественны съ молекулярнымъ движеніемъ, все это развѣ не отвлеченныя понятія?

¹⁾ Ч. II, кн. 2, гл. I, § 8.

Равно говорить о представленіяхъ вообще и опредѣляетъ представленія какъ образы ощущеній, постоянно вновь то появляющіеся въ сознаніи, то исчезающіе,—и это также не есть развѣ отвлеченное общее понятіе о представленіяхъ? Принявъ за несомнѣнное, что въ нашемъ познаніи, кромѣ ощущеній и ихъ образовъ, ничего иного нѣтъ, Тэнъ конечно и не могъ уже иначе смотрѣть на дѣйствія мысли, какъ только на пустыя тѣни или отвлеченія отъ ощущеній и образовъ; оказывается такимъ образомъ, что животныя обладаютъ болѣе совершеннымъ познаніемъ дѣйствительности, чѣмъ человѣкъ, ибо у нихъ ничего не примѣшивается къ ощущеніямъ и образамъ.

Установивъ понятіе о познаніи, Тэнъ развѣясняетъ затѣмъ различныя виды познанія, каковы: познаніе тѣла, познаніе духа и вознаніе общихъ свойствъ существующаго. Но онъ не показываетъ, на какомъ основаніи онъ такъ раздѣляетъ познаніе, хотя очевидно, что означенное раздѣленіе могло-бы быть оправдано только яснымъ различеніемъ наблюденія (внѣшняго и внутренняго) отъ мышленія.

Признавъ за единственное основаніе познанія ощущенія и образы, т. е. представленія, Тэнъ, вслѣдствіе этого, съ одной стороны хочетъ во что-бы то ни стало свести къ ощущеніямъ и представленіямъ всѣ элементы, виды и формы или степени познанія, съ другой стороны все, что не поддается такому объясненію, онъ прямо считаетъ иллюзіею или галлюцинаціею. Такъ познаніе тѣла, а равно познаніе духа, по теоріи Тэна, всецѣло состоитъ изъ разнаго рода связанныхъ между собою ощущеній. „Всѣ чувственныя свойства тѣла, говоритъ онъ, включая въ ихъ число и протяженіе, слѣдовательно форму, положеніе и остальныя осязаемыя качества,—въ послѣднемъ анализѣ суть не что иное, какъ способность вызывать ощущенія“¹²⁾. Ощущенія возможны при извѣстныхъ условіяхъ и когда эти условія всѣ на лицо, тогда возможное дѣлается необходимымъ; на этомъ основаніи Тэнъ приходитъ къ такому понятію о тѣлѣ: возможности и необходимости ощущеній,—вотъ къ чему сводятся способности, слѣдоват. свойства, слѣдоват. и самое

¹²⁾ Ibid. § 4.

существо тѣлъ. Почему возможности и необходимости ощущеній, а не самыя ощущенія? Потому что ощущенія переменчивы и текучи, напротивъ возможности мы представляемъ какъ существующія неизмѣнно и постоянно; въ тѣлахъ всегда сохраняется возможность ощущеній, хотя-бы я и не ощущалъ; возможность эта существуетъ не только для меня, но для всякаго чувствующаго существа, слѣдовательно имѣетъ значеніе всеобщее. Такъ мы приходимъ къ тому, что возможность ощущеній различаемъ отъ самыхъ ощущеній, представляя эту возможность какъ существующую внѣ насъ подъ именемъ матеріи, хотя если-бы мы не испытывали ощущеній, то и не представляли-бы ихъ возможными. Къ этому соображенію (Милля) Тэнъ присоединяетъ еще слѣдующее замѣчаніе. Возможности ощущеній, при наличности всѣхъ условій къ тому, переходятъ въ необходимости, какъ сказано. А необходимости ощущеній, если разсматривать ихъ отдѣльно, суть то, что мы называемъ силами. Таковъ выводъ понятій о матеріи и силѣ. Не очевидно-ли, что ощущенія могутъ дать только поводъ къ образованію таковыхъ понятій, но не сами-же ощущенія и не ихъ образы превращаются въ эти понятія. Необходимо мыслить ощущенія по закону причинности, чтобы въ связи съ ощущеніями у насъ возникли понятія о возможномъ и необходимомъ, тѣмъ болѣе, что возможность и необходимость ощущеній при извѣстныхъ условіяхъ, какъ говоритъ Тэнъ, мы признаемъ существующею для всякаго чувствующаго существа, о чемъ на основаніи однихъ ощущеній, какъ внутреннихъ состояній, только намъ принадлежащихъ, мы очевидно не можемъ знать ¹⁾. Кромѣ понятій о возможномъ и необходимомъ въ составъ познанія тѣлъ входитъ еще сужденіе, относящее полученныя впечатлѣнія къ извѣстному мѣсту (локализациа), а также опредѣленія пространства и времени. Законъ отнесенія воспринятыхъ впечатлѣній къ опредѣленнымъ мѣстамъ таковъ: „сужденіе локализирующее (*le jugement localisateur*) помѣщаетъ каждое изъ нашихъ ощущеній тамъ, гдѣ мы привыкли встрѣчать причину или условіе, которыми обыкновенно оно возбуждается“. Что

¹⁾ *Ibid.* § 5.

здѣсь называется причиною и условіемъ, очевидно, не есть ни ощущение, ни образъ ощущеній, ибо вопросъ въ томъ состоитъ, какимъ образомъ происходитъ, что ощущенія и образы, имѣющіе мѣсто въ нашихъ чувствующихъ центрахъ, мы помѣщаемъ внѣ себя; ясно, что ни ощущенія, ни представленія, находясь въ насъ, не могутъ сами быть причиною того, что мы ихъ помѣщаемъ внѣ себя. Это есть слѣдствіе сужденія, дѣйствующаго по внушенію закона причинности, который есть законъ мысли, и опирающагося на созерцаніи пространства. Что касается послѣдняго, то по обычаю Тэнъ хочетъ также и его вывести изъ ощущеній. Пространство, по опредѣленію Тэна, есть такое сложное цѣлостное ощущение, которое состоитъ изъ ощущеній частныхъ, каковы ощущенія мускульныя, опредѣляющія разстояніе и положеніе предмета, ощущенія осязательныя, которыми опредѣляется мѣстопребываніе (Siege) и ощущенія зрительныя, служащія замѣною тѣхъ и другихъ. „Предположимъ, что большое число этихъ локализованныхъ ощущеній (т. е. уже приуроченныхъ къ пространству и слѣдовательно не изъясняющихъ, а предполагающихъ его) появляются одновременно и что точки, на которыя мы ихъ переносимъ, кажутся намъ въ одно время и раздѣльными и непрерывными; цѣлостное ощущение, составленное изъ частныхъ ощущеній сосуществующихъ, раздѣльныхъ и вмѣстѣ непрерывныхъ, т. е. такихъ, что между помѣщеніемъ (emplacement) одного и помѣщеніемъ другого мы не могли-бы вообразить ничего средняго, такое цѣлостное ощущение и явится намъ *пространствомъ* ¹⁾. Изъяснивъ такимъ образомъ созерцаніе пространства, Тэнъ находитъ, что оно есть не болѣе какъ иллюзія. Иллюзія, заключающаяся въ созерцаніи пространства, состоитъ въ томъ, что самыя ощущенія представляются намъ пространственными, вслѣдствіе того, что мы помѣщаемъ ихъ на оконечностяхъ нервовъ, расположенныхъ въ различныхъ частяхъ тѣла, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ощущенія происходятъ въ центральныхъ органахъ нервной системы, а затѣмъ еще въ томъ, что какъ оконечности нервовъ, такъ и самыя вѣщи, на которыя мы уже

¹⁾ Ibid. гл. 2, § 7.

отъ оконечностей нервовъ переносимъ наконецъ свои ощущенія, состоятъ изъ частей или пунктовъ раздѣленныхъ между собою промежутками, а между тѣмъ пространственность тѣхъ и другихъ намъ кажется непрерывною. Природа создаетъ въ насъ эту двойную иллюзію, но она-же ее и исправляетъ.

„Безъ сомнѣнія ощущенія, которыя мы проецируемъ внѣ ихъ мозговаго вмѣстилища, чтобы помѣстить ихъ въ органахъ, и вообще въ нѣкоторой точкѣ нашей нервной поверхности,—не находятся тамъ, гдѣ, какъ намъ кажется, они расположены, но на этомъ мѣстѣ находится обыкновенно начало нервнаго потрясенія, которое ихъ возбуждаетъ. Тоже слѣдуетъ сказать и объ ощущеніяхъ, которыя мы проецируемъ внѣ нашей чувствительной окружности и которыя мы рассматриваемъ какъ событія постороннія для насъ, напр. звуки; или какъ свойства предметовъ находящихся внѣ насъ, напр. цвѣта. Безъ сомнѣнія ошибочно, что такой-то звукъ, который есть ощущеніе моихъ акустическихъ центровъ, кажется мнѣ несущимся гдѣ-то вверху или внизу, но этому правильному или неправильному звуку соотвѣтствуетъ, элементъ за элементомъ, колебаніе воздуха... Безъ сомнѣнія ошибочно также, что эти бѣлыя и голубыя полосы, которыя суть ощущенія моихъ оптическихъ центровъ, кажутся мнѣ распростертыми на бумагѣ покрывающей мою комнату. Но этимъ цвѣтнымъ полосамъ соотвѣтствуютъ, элементъ за элементомъ, разности строенія на поверхности бумаги и происходяція отсюда разности въ способности поглощать или отражать различные свѣтовые лучи. Такимъ образомъ, что мы ошибочно утверждаемъ о нашихъ ощущеніяхъ, оказывается вѣрнымъ относительно другой вещи: измѣненія и разности предмета совпадаютъ съ измѣненіями и разностями нашихъ ощущеній. Это значитъ, что наши ощущенія соотвѣтствуютъ (*se sont ajustées*) вещамъ и порядокъ внутренній—порядку внѣшнему. Удивительный механизмъ, который насъ обманываетъ для того, чтобы дать намъ познаніе (*instruire*) и посредствомъ ошибки ведетъ насъ къ истинѣ“¹⁾.

Было-бы болѣе въ духѣ философіи Тэна слѣдующее раз-

¹⁾ Ibid. § 8.

сужденіе. Ощущенія въ насъ находятся, но иллюзія, создаваемая умомъ, есть причина того, что мы представляемъ ихъ существующими внѣ насъ и даемъ имъ названіе вещей. Вѣдь считаетъ-же Тэнъ порожденіемъ схоластики, метафизическими фикціями, представленія о самостоятельномъ бытіи матеріи и духа. Тогда и, такъ называемыя, вещи внѣ насъ и внѣшній порядокъ ихъ существованія тоже фикціи. Ибо если изъ нашихъ представленій о предметахъ исключить всѣ ощущенія, то ничего не останется кромѣ пустаго, безсодержательнаго, абстрактнаго понятія, а это соображеніе и есть именно то основаніе, въ силу котораго Тэнъ отрицаетъ реальное бытіе матеріи и духа. Онъ говоритъ теперь о соотвѣтствіи ощущеній вещамъ. Значитъ вещи не суть ощущенія и познаніе наше, слѣдовательно, не можетъ быть цѣликомъ разложено на ощущенія. Если мы можемъ сравнивать ощущенія съ вещами и находить между ними соотвѣтствіе, то это значитъ, что мы можемъ вещи познавать независимо отъ ощущеній, да и самыя ощущенія мы конечно познаемъ не чрезъ ощущенія; возможно-ли ощущать ощущеніе? Правда, кромѣ ощущеній есть еще образы или представленія, но вѣдь и представленія, также какъ ощущенія, въ насъ находятся; говоря-же о соотвѣтствіи ощущеній съ вещами, Тэнъ этимъ оправдываетъ отнесеніе ощущеній къ существующему внѣ насъ, а не въ насъ самихъ. Что касается пространственности ощущеній, то признавъ это свойство ощущеній иллюзіею, на томъ основаніи, что ощущенія какъ и вещи, на которыя мы переносимъ ощущенія, состоятъ изъ пунктовъ раздѣленныхъ, между тѣмъ какъ пространственность представляется намъ непрерывною, Тэнъ въ этомъ случаѣ не находитъ исправленія иллюзіи, какъ этого слѣдовало-бы ожидать, если вѣрно, что познаніе образуется изъ двухъ дѣйствій, изъ созданія иллюзіи и исправленія ея. Почему пространственность какъ ощущеній, такъ и вещей представляется намъ непрерывною? Если-бы пространство, какъ это полагаетъ Тэнъ, было просто сочетаніемъ ощущеній, тогда дѣйствительно непрерывность пространства можно было-бы считать иллюзіею, по несоотвѣтствію ея раздѣльности ощущеній. Но дѣло въ томъ, что и тогда, какъ мы ясно представ-

ляемъ раздѣльность ощущеній, непрерывность пространства не исчезаетъ, ибо мы различаемъ пространство наполненное и пространство пустое; представляя раздѣльныя единицы ощущенія и вещи ощущаемой, мы помѣщаемъ между этими единицами пустое пространство и чрезъ то пространство все-же остается непрерывнымъ, такъ что непрерывность именно и относится къ пространству, а не къ ощущеніямъ, и нельзя поэтому сказать, что пространство есть слѣдствіе сочетанія ощущеній раздѣльныхъ и вмѣстѣ непрерывныхъ; непрерывность не относится къ ощущеніямъ.

Познаніе духа, по Тэну, заключаетъ въ себѣ тѣ-же элементы, что и познаніе тѣла, съ тѣмъ только различіемъ, что элементы, заключающіеся въ познаніи духа, сознаются нами какъ внутренніе, въ противоположность элементамъ тѣла, которые представляются намъ внѣшними. Какъ тѣло есть совокупность возможностей, такъ и наше я есть существо, для котораго возможны разнообразныя состоянія и дѣйствія. Что-же именно производитъ указанное различіе между внутренними и внѣшними событіями? „Всякая идея всегда есть идея о нѣ-которой вещи и слѣдовательно содержитъ два момента,—первый призрачный, состоящій въ томъ, что идея кажется самою вещью, а другой, служащій исправленіемъ перваго,—тотъ, въ которомъ идея является намъ просто какъ идея, а ничто-либо иное. Это превращеніе, которому идея подвергается, противопологаетъ другъ другу два момента, ее составляющіе,—и этотъ-то именно переходъ (passage) мы выражаемъ когда говоримъ, что входимъ въ себя, и что отъ *объекта* мы обращаемся къ *субъекту*“¹⁾. Такой выводъ противоположности субъекта и объекта имѣетъ цѣлью не столько объясненіе этой противоположности, сколько оправданіе въ примѣненіи къ настоящему случаю теоріи о соединеніи двухъ актовъ въ каждомъ познаніи, изъ которыхъ одинъ создаетъ иллюзію, а другой ее исправляетъ; на самомъ дѣлѣ здѣсь никакой нѣтъ иллюзіи, ибо когда мы идею или представленіе принимаемъ за самую вещь, то это значитъ лишь, что мы обращаемъ вниманіе единственно на со-

¹⁾ Т. 2, кн. 3, гл. 1 § 111.

держаніе идеи, оставляя безъ вниманія то, какъ это содержаніе мыслится или вообще сознается нами,—въ какой т. е. формѣ. Такъ какъ ощущенія, по теоріи Тэна, составляютъ основу всякаго познанія, то онъ не могъ также обойтись безъ того, чтобы не указать въ самихъ ощущеніяхъ основанія означенной противоположности. Основаніе это заключается въ томъ, что одни ощущенія (зрѣнія и слуха) мы относимъ за предѣлы нашего тѣла, вслѣдствіе чего мы рассматриваемъ ихъ какъ внѣшнія, другія-же ощущенія, напротивъ, мы не можемъ представить отдѣльно отъ нашего тѣла, почему и признаются нами какъ состоянія внутреннія и связываются съ нашимъ я. Ощущенія этого рода и составляютъ первоначальное содержаніе нашего я. Такъ какъ всѣ переживаемыя мною событія имѣютъ ту общую черту, что всѣ они суть внутреннія, то этотъ именно общій ихъ характеръ связываетъ ихъ въ одну непрерывную цѣпь, при чемъ однако каждое не перестаетъ быть отдѣльнымъ отъ другихъ. Это даетъ намъ возможность въ своихъ воспоминаніяхъ переходить отъ одного событія къ другому, а такъ какъ не все пережитое сохраняется въ памяти и многіе образы сглаживаются, а нѣкоторые служатъ сокращеннымъ выраженіемъ или замѣною другихъ, то это даетъ возможность связывать въ одно цѣлое самыя отдаленныя событія и однимъ взглядомъ обнимать самыя длинныя отрывки нашего существа; отъ всѣхъ событій остается наиболѣе устойчивымъ общій ихъ признакъ, именно та ихъ особенность, что они принадлежатъ существу имѣющему бытіе въ себѣ. Такимъ образомъ остается идея о нѣкоторомъ существѣ въ себѣ существующемъ, которое, какъ такое, противоположно всему внѣшнему, которое во всѣ моменты ряда встрѣчается, оставаясь тѣмъ-же, которое слѣдовательно продолжается и сохраняется и потому представляется намъ имѣющимъ наибольшую для насъ важность. Это то постоянное бытіе въ себѣ (*dedans stable*) и есть то, что каждый называетъ своимъ я.

Если-бы наше я было по содержанію не болѣе какъ цѣпью воспоминаній о пережитыхъ событіяхъ или состояніяхъ, тогда чѣмъ объяснить эту постоянно сознаваемую нами противоположность между я и его состояніями? Возможно-ли, чтобы

наше я было просто отвлеченнымъ понятіемъ объ общемъ характерѣ нашихъ состояній, заключающемся въ томъ, что всѣ они суть состоянія внутреннія? Вѣдь не сами-же состоянія нашего я образуютъ такое понятіе? Не очевидно-ли, что Тэнъ смѣшиваетъ разныя вещи: иное есть понятіе о я, понятіе отвлеченное, образованное на основаніи сравненія и обобщенія всѣхъ состояній (воспоминаемыхъ) нашего я, и совершенно иное есть само я воспоминающее себя, сравнивающее свои состоянія и образующее о себѣ понятіе. Разсматривая понятіе о духѣ и тѣлѣ, Тэнъ находитъ, что въ томъ и другомъ заключаются возможности и необходимости (*des possibilités et des nécessités*) извѣстныхъ состояній, свойствъ, но невозможно понять, что такое эти возможности и необходимости, если понятіе о тѣлѣ и духѣ не болѣе какъ фикція. Впрочемъ Тэнъ и самъ говоритъ далѣе, что наше я есть сила (*force*), дѣйствующая извнутри себя.

Принимая наше я за совокупность внутреннихъ событій, насколько они сознаются нами, Тэнъ думаетъ, что для образованія нашего я необходимы слѣдующія условія: точность нашихъ воспоминаній, ихъ связность и послѣдовательность, распределеніе по группамъ. Но непонятно какъ возможно выполнение всѣхъ этихъ условій при отсутствіи я какъ существа дѣятельнаго, которое одно только и могло-бы быть ихъ исполнителемъ. Впрочемъ, такъ какъ нашему я свойственно самосознаніе и способность самообразованія, то въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что оно образуетъ, создаетъ себя, но такое самосозданіе очевидно означаетъ лишь саморазвитіе, чѣмъ предполагается извначальное бытіе самого я. Конечно сознаніе нашего я о самомъ себѣ можетъ ослабляться и расширяться, слѣдовательно, подлежить переменамъ и даже можетъ искажаться. Но сознаніе нашего я не тоже самое что я; сознаніе это имѣетъ своимъ предметомъ разнообразныя состоянія нашего я, но ни въ какое состояніе наше я не входитъ такъ, чтобы имъ вполне поглащалось. И въ просторѣчій о нѣкоторыхъ состояніяхъ говорится, что человѣкъ, подвергаясь имъ, становится внѣ себя, т. е. центръ самосознанія отъ самаго я переходитъ на состояніе, но бытіе я чрезъ то нисколько не

умалается. Приводятъ примѣры, показывающіе какъ иногда я распадается на части; человѣкъ видитъ въ себѣ другого человека, какъ-бы утрачиваетъ свою личность. Но это лишь особое проявленіе (болѣзненное состояніе) той способности къ себѣ самому относиться объективно, благодаря которой человѣкъ, и только онъ одинъ, можетъ овладѣвать собою и своими состояніями, а чрезъ то господствовать надъ ними и самимъ собою, безъ чего невозможно было-бы самоопредѣленіе и самообразованіе. Только исключительное вниманіе къ пассивной сторонѣ нашего я могло привести къ такому понятію объ умѣ, какое мы находимъ у Тэна. „Умъ, говоритъ онъ, похожъ на станокъ; каждое событіе есть толчекъ, приводящій его въ движеніе и тканъ выходитъ изъ него сообразная съ порядкомъ и родомъ толчковъ, полученныхъ машиной“¹⁾.

Какъ познаніе тѣла, такъ и познаніе духа слагается изъ непосредственныхъ ощущеній, относимыхъ нами или ко внѣ или во внутрь. Но отъ ощущеній идетъ цѣлый рядъ воспроизведеній, ближайшихъ и отдаленныхъ; чѣмъ отдаленнѣе образъ отъ ощущенія, тѣмъ меньшее количество данныхъ содержится въ немъ, но за то по объему такой образъ тѣмъ шире. Такъ отъ непосредственныхъ ощущеній цѣлая лѣстница воспроизведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ сокращеній воспроизводимыхъ образовъ, которые все болѣе и болѣе сглаживаются, ведетъ насъ къ образамъ или идеямъ наиболѣе общимъ. Общія идеи выражаютъ признаки присутствующіе во всѣхъ отдѣльныхъ предметахъ и находящіеся въ постоянной связи съ другими признаками, такъ что если данъ одинъ признакъ, то онъ влечетъ за собою другой, каковая связь обыкновенно называется *закономъ*. Общія идеи образуются вслѣдствіе того, что мы обладаемъ способностію, которой лишены животныя, — замѣчать самое отдаленное сходство признаковъ въ самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Тэнъ указываетъ при этомъ на то, что уже у дѣтей эта способность обнаруживается активно, ибо усвоеннымъ ими словамъ они придаютъ собственное значеніе и даже создаютъ новыя слова,—что, конечно, вовсе не согласуется съ

¹⁾ Ч. II. кн. III. гл. I, § 7.

означеннымъ выше понятіемъ Тэна объ умѣ. Уже у дѣтей замѣчается стремленіе къ приспособленію своихъ представленій къ вещамъ. Стремленіе это порождаетъ затѣмъ научныя изысканія, направленные къ расширенію и исправленію нашихъ понятій о вещахъ, что достигается посредствомъ сочетанія однихъ признаковъ съ другими вновь познаваемыми, а также посредствомъ отвлеченія, т. е. выдѣленія признаковъ важнѣйшихъ изъ смѣси ихъ съ признаками переходящими. Но не всѣ понятія этимъ способомъ образуются. Есть понятія, которыя уже не суть копіи существующихъ признаковъ, напротивъ, сами служатъ образцами для другихъ понятій. „Мы образуемъ эти идеи не справляясь съ тѣмъ, есть-ли въ природѣ предметы имъ соотвѣтствующіе, а потому мы ихъ строимъ (*construons*)¹⁾. Таковы прежде всего понятія ариѳметическія, геометрическія и вообще математическія. Итакъ теперь общія понятія рассматриваются уже не какъ иллюзіи, но какъ выраженія дѣйствительно существующихъ свойствъ, притомъ важнѣйшихъ, наиболѣе распространенныхъ и устойчивыхъ; частію-же какъ образцы, съ которыми мы сообразуемъ свою умственную и нравственную дѣятельность. Послѣдняго рода понятія особенно важны и потому подробно рассматриваются. Къ нимъ принадлежатъ, какъ сказано, прежде всего понятія математическія.

Всѣ числа образуются чрезъ присоединеніе *единицы* къ самой себѣ, при чемъ постепенное увеличеніе чиселъ достигается посредствомъ различенія единицъ различныхъ порядковъ (по десятичной системѣ); слѣдовательно, какъ только дано понятіе единицы, то уже этого одного понятія достаточно для образованія всякаго числа безъ помощи опыта (*a priori*). Итакъ, нужно знать, какъ мы приходимъ къ понятію единицы. Хотя Тэнъ не могъ не признать, что математическія понятія мы сами образуемъ, не справляясь съ опытомъ, но допустить, что и самое основаніе для образованія такихъ понятій не заключается въ чувственномъ воспріятіи, это значило-бы вовсе отречься отъ всей своей теоріи о познаніи. Тэнъ полагаетъ, что

¹⁾ Ibid. кн. 4 я, гл. 1-я, § II, 1.

единица означаетъ свойство общее всѣмъ исчисляемымъ вещамъ или событіямъ, именно выражаетъ способность всякаго предмета, всякаго событія, въ значеніи составной части, войти въ коллекцію. Въ такомъ случаѣ единица была-бы наиболѣе общимъ понятіемъ, а по ученію Тэна всякое общее понятіе заключаетъ въ себѣ общее познаніе вещей, слѣдовательно, наиболѣе общее познаніе, насколько такое познаніе заключается въ единицѣ, пришлось-бы тогда признать самымъ первоначальнымъ, элементарнымъ основаніемъ математическаго познанія; между тѣмъ какъ Тэнъ, напротивъ, выводя понятіе единицы изъ опытнаго представленія вещей, хотѣлъ такимъ образомъ и знаніе математическое утвердить на чувственномъ воспріятіи. Съ другой стороны понятіе единицы, будучи наиболѣе общимъ, (ибо все можно разсматривать какъ единицу), есть вмѣстѣ съ тѣмъ простѣйшее элементарнѣйшее понятіе, — до такой степени, что въ опытѣ нельзя ничего указать столь элементарнаго, что прямо соотвѣтствовало-бы единицѣ. Конечно, всякую вещь, всякое отдѣльное событіе, мы можемъ принимать при счетѣ за единицу, но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ каждая вещь, каждое событіе, принимаемая за единицу, мы можемъ представить какъ цѣлое, состоящее изъ многихъ частей, слѣдовательно, уже не какъ *единицу*, а какъ противоположное единицѣ, именно, какъ *множество*, а это показываетъ, что понятіе единицы произвольно нами прилагается къ отдѣльнымъ вещамъ и событіямъ, а удобоприложимость понятія единицы ко всему представляемому, не только къ тому, что существуетъ и познается, но и къ тому, что не существуетъ, а также что непознаваемо, — ясно показываетъ, что понятіе единицы не означаетъ чего-либо даннаго (она только приложима ко всему данному, а не извлекается отъ даннаго, какъ содержащаяся въ немъ), но имѣетъ свое основаніе въ томъ, что предшествуетъ всему данному, или по крайней мѣрѣ независимо отъ всего даннаго, а таково наше мышленіе. Мыслить, значитъ различать и соединять, но именно эти противоположныя функціи мышленія и выражаются въ понятіи единицы. Въ самомъ дѣлѣ, и тогда какъ мы *различаемъ* что-либо отъ иного, мы это различаемое нѣчто отдѣляемъ и представляемъ какъ единое,

отдѣльное; и тогда какъ *соединяемъ* нѣчто съ другимъ, также представляемъ это соединяемое какъ единое. Потому-то единица и есть основаніе числа, и всякое число образуется изъ единицы, что единица выражаетъ слитно тѣ дѣйствія мышленія, которыя участвуютъ въ образованіи всякаго числа, и вмѣстѣ указываетъ на необходимую взаимную связь этихъ дѣйствій, ибо представляя всякое число какъ цѣлое, мы такимъ образомъ *отличаемъ* отъ всякаго иного числа, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляемъ его состоящимъ изъ единицъ, изъ чего образуется и всякое другое число, слѣдовательно ставимъ въ рядъ съ другими числами и такимъ образомъ *связываемъ* его съ ними. Представленіе пространства—другой предметъ математическаго познанія, конечно, въ отличіе отъ единицы, есть данное, а не образуется сознательно нашею мыслию впервые, но затѣмъ всѣ опредѣленія геометрическія свободно образуются нами, на основаніи даннаго представленія пространства, такъ-же какъ на основаніи единицы мы образуемъ всякое иное число: въ самомъ дѣлѣ изъ тѣхъ-же дѣйствій мышленія, которыми условливается происхожденіе всякаго числа, изъясняется вполне, если принять представленіе пространства съ его тремя измѣреніями какъ уже данное, всякое геометрическое построеніе, съ тѣмъ только различіемъ, что въ созерцаніи пространства синтетическое дѣйствіе мышленія преобладаетъ, почему пространство всегда представляется намъ непрерывнымъ,—напротивъ, въ понятіи числа аналитическое дѣйствіе мысли господствуетъ, по-сему рядъ чиселъ никогда не можетъ быть непрерывнымъ.

Равномѣрное и непрерывное употребленіе тѣхъ актовъ мысли, выраженіемъ которыхъ служитъ математическое познаніе, вполне примѣнимо только къ процессамъ совершающимся съ неизмѣнною правильностію; а таковы всѣ процессы природы, правильность которыхъ условливается косностію, какъ всеобщимъ свойствомъ матеріи, не дозволяющею никакого самопроизвольнаго уклоненія отъ опредѣленнаго извѣстною причиною состоянія. Напротивъ, тамъ гдѣ участвуетъ человѣческая воля, тамъ точность опредѣленій и выводовъ, свойственная математическому познанію, недостижима. Поэтому не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, построенія математическихъ

понятій съ процессомъ образованія идеальныхъ понятій нравственныхъ и эстетическихъ. Тэнъ полагаетъ, что для образованія таковыхъ понятій, какъ и понятій формальныхъ, ничего болѣе не требуется кромѣ отвлеченія наиболѣе общихъ свойствъ вещей и простѣйшаго, а потому и удобнѣйшаго къ осуществленію, сочетанія ихъ. „Во всѣхъ классахъ предметовъ, говоритъ Тэнъ, мы встрѣчаемъ и изолируемъ общія свойства, которыя могутъ сочетаться между собою. Такъ мы предполагаемъ совершенно твердыя тѣла, т. е. абсолютно крѣпкія, въ которыхъ всѣ части столь неразрывно были-бы связаны между собою, что ни одна изъ нихъ не могла-бы быть смѣщена, безъ перемѣщенія другихъ, и потому никогда ихъ взаимное положеніе не измѣнялось-бы. Мы допускаемъ также жидкости совершенно или абсолютно текучія,—такія, чтобы ни одна изъ частей не имѣла ни малѣйшей связи съ сосѣднею, и чтобы всѣ могли передвигаться съ полною свободою однѣ надъ другими. Также, наконецъ, мы воображаемъ воду или кислородъ абсолютно чистые, платину или олово безъ всякой лигатуры, при чемъ мы вовсе не увѣрены, чтобы въ какомъ либо случаѣ природа намъ доставила ихъ, или чтобы искусство добыло ихъ такими, какъ мы ихъ представляемъ. Между умственными типами, такимъ образомъ созданными (*fabriqués*), есть такіе, которые особенно насъ интересуютъ; это тѣ, относительно которыхъ мы желаемъ, чтобы вещи согласовались съ ними и въ этомъ случаѣ надобность сообразованія дѣлается для насъ пружиною дѣйствія. Мы строимъ *полезное, прекрасное и доброе*, и поступаемъ такъ, чтобы сколько возможно вещи приблизить къ нашимъ построеніямъ. Напр. имѣются разбросанные и не отдѣланные камни, и вотъ мы представляемъ ихъ разбитыми, обтесанными и перенесенными на мѣсто, гдѣ мы хотимъ жить, и сообразно съ идеею стѣны, такъ построенной, мы строимъ реальную стѣну, которая насъ защититъ отъ дождя. Вокругъ насъ находятся люди; мы поражены извѣстною общею формою, которая имъ свойственна; мы замѣчаемъ въ болѣе высокой степени то у одного, то у другого внѣшніе знаки извѣстнаго качества или расположенія, благотельнаго для отдѣльнаго лица или цѣлаго вида,—подвиж-

ность (aquilite), крѣпость (vigueur), здоровье, утонченность (finesse), или энергію; мы собираемъ постепенно эти признаки, мы желаемъ созерцать тѣло человѣческое, въ которомъ отпечатлѣлись-бы наиболѣе типическимъ образомъ и какъ можно сильнѣе свойства признаваемыя нами самыми важными и цѣнными; и если находится художникъ, у котораго эта группа представляемыхъ условій отливається въ ясный образъ, въ чувственное представленіе, дѣлается полувидѣніемъ внутреннимъ, то онъ беретъ кусокъ мрамора и высѣкаетъ въ немъ идеальную форму, которой природа не могла явить намъ. Наконецъ даны различныя мотивы движущіе человѣческую волю, и мы замѣчаемъ, что отдѣльное лицо чаще всего преслѣдуетъ свое личное благо, т. е. руководится собственнымъ интересомъ, а иногда имѣетъ въ виду благо другого лица, любимаго имъ, т. е. дѣйствуетъ по внушенію симпатіи, но случается, что и общее благо имѣетъ въ виду, т. е. отрѣшается отъ своего интереса и симпатій, не болѣе заботясь о себѣ и своихъ друзьяхъ, какъ и о всякомъ другомъ человѣкѣ, не имѣя иного намѣренія кромѣ того, чтобы быть полезнымъ обществу настоящему или будущему всѣхъ чувствующихъ и разумныхъ существъ. Мы отвлекаемъ этотъ послѣдній мотивъ и желаемъ, чтобы онъ участвовалъ въ каждомъ человѣческомъ рѣшеніи, мы превозносимъ его до небесъ, увѣщаемъ другихъ слѣдовать ему, а иногда и сами усиливаемся подчиниться ему. Такимъ образомъ мы имѣемъ идею объ извѣстномъ нравственномъ характерѣ, а при случаѣ, хотя и рѣдко, но на самомъ дѣлѣ приносимъ къ этому идеалу нашъ дѣйствительный характеръ. Такъ рождаются произведенія индустріи, искусства и добродѣтели, чтобы наполнить или уменьшить разстояніе, которое раздѣляетъ вещи отъ нашихъ представленій“¹⁾.

Какъ просто, безъ затѣй, изъясняется здѣсь происхожденіе нравственныхъ и эстетическихъ идеальныхъ понятій. Какъ будто все дѣло въ томъ, что мы имѣемъ способность изолировать, отвлекать одно свойство отъ другихъ, представлять каждую вещь въ чистомъ несмѣшанномъ видѣ. Но вѣдь и

¹⁾ Ibid IV.

дурное, злое, безобразное мы также можемъ изолировать, отвлекать какъ доброе и прекрасное. Поэтому и представленія о безобразномъ, о дурномъ, также будутъ идеальными; вѣдь происхожденіе тѣхъ и другихъ одинаково, но одни изъ этихъ представленій сопровождаются у насъ (при нормальномъ состояніи нравственнаго сужденія) чувствомъ удовлетворенія и одобреніемъ, другіе, напротивъ, возбуждаютъ недовольство и порицаніе, конечно когда тѣ и другіе представленія мы разсматриваемъ какъ мотивы дѣятельности. Значитъ вопросъ въ томъ, отъ чего зависитъ одобреніе и порицаніе. Какъ недостаточна операція отвлеченія сама по себѣ, видно изъ того, что и доброе и прекрасное вовсе не имѣютъ той опредѣленности, какая свойственна конкретнымъ представленіямъ. Легко представить чистую воду, чистый металлъ, потому что эти вещи прямо хотя-бы и въ не совершенно чистомъ видѣ даны какъ предметы чувственно созерцаемые, тогда какъ ни прекрасное, ни доброе не есть отдѣльный предметъ, а свойство, которое проявляется въ безконечномъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ и дѣйствій. Приходится собирать черты того и другого отъ множества предметовъ и явленій, но и этого недостаточно, такъ какъ важнѣе всего гармонія, строгое единство и связь тѣхъ свойствъ, которыми характеризуется доброе и прекрасное, чего не можетъ дать намъ никакая логическая операція.

Въ познаніи нашемъ ничего не содержится кромѣ ощущеній и представленій. Вотъ тезисъ, который Тэнъ предпринялъ доказать въ своемъ сочиненіи объ умѣ. Тэнъ, правда, вынужденъ былъ самымъ ходомъ своего изслѣдованія признать, что сужденіе есть дѣйствіе отличное отъ самыхъ представленій; но чтобы по возможности умалить значеніе мышленія и лишить его всякой самостоятельности, Тэнъ всѣ дѣйствія мышленія старается какъ можно тѣснѣе привязать къ представленіямъ и ощущеніямъ и видитъ въ таковыхъ дѣйствіяхъ не болѣе, какъ послѣдствія и необходимыя принадлежности ощущеній и представленій. Въ чемъ состоятъ дѣйствія мышленія? Въ актахъ утвержденія и отрицанія. По теоріи Тэна, представленія сами выполняютъ эти функціи, именно данное ощу-

щеніе внушаетъ намъ увѣренность въ дѣйствительности того, что имъ обозначается, или иначе, — утвердительную мысль о его реальности, но за тѣмъ является представленіе, которымъ отрицается первое, и оказывается такимъ образомъ, что увѣренность или утвердительная мысль, которая сначала была внушена ощущеніемъ, есть не что иное какъ иллюзія, а явившееся затѣмъ представленіе есть поэтому исправленіе таковой иллюзіи. Такимъ образомъ игра ощущеній и представленій сама приноситъ съ собой утвердительныя и отрицательныя мысли; природа вводитъ насъ въ заблужденіе, но она-же сама исправляетъ ихъ. Почему-же однако мы не довольствуемся мыслями, которыя, такъ сказать, сами приходятъ въ голову, но стараемся изслѣдовать предметъ, считая все представляющееся на первый взглядъ недостаточнымъ? Неужели и научныя изысканія, самыя запутанныя и сложныя ходы мышленія, — все это дѣйствія, которыя въ насъ сами собою происходятъ, просто порождаются игрою ощущеній и представленій? Но по изслѣдованію самого-же Тэна есть, какъ мы видѣли, такія представленія, которыя мы сами образуемъ, не справляясь съ дѣйствительностію, которая сама по себѣ не можетъ дать намъ таковыхъ понятій, почему Тэнь и называетъ такія представленія первообразными.

Далѣе утвержденіе и отрицаніе, какъ дѣйствія мысли, выражаютъ признаніе или непризнаніе связи съ одной стороны между различными представленіями, а съ другой — между представленіями и самими вещами, которыя мы всегда отличаемъ отъ представленій. Мышленіе устанавливаетъ такимъ образомъ отношенія, каковы отношенія между причиною и дѣйствиємъ, между субстанціею и принадлежащимъ ей, наконецъ, между субъективнымъ и объективнымъ. Очевидно, что всѣ эти отношенія представляются двойственными или противоположными. У Тэна эта двойственность отношеній, устанавливаемыхъ мышленіемъ, представляется въ такомъ видѣ. Онъ говоритъ, что представленія связываются у насъ по-парно, притомъ такъ, что предыдущее служитъ знакомъ послѣдующаго. Но почему такъ связываются представленія, это остается у Тэна не объясненнымъ; такъ какъ онъ смѣшиваетъ акты мысли съ самими представленіями, то и отличительный характеръ тѣхъ актовъ,

ихъ значеніе, онъ и не могъ разъяснить должнымъ образомъ. По этой-же причинѣ раздѣляя по-парно представленія, Тэнъ совершенно произвольно устанавливаетъ эти пары, по неимѣнію руководящихъ въ этомъ случаѣ понятій о дѣятельности мышленія. Сверхъ того, опредѣляя отношенія по-парно связанныхъ между собою представленій такъ, что предъидущее служитъ знакомъ для послѣдующаго, Тэнъ не дѣлаетъ различія между натуральными и искусственными знаками, т. е. такими, которые человекъ самъ создаетъ, каковы изустные (слова) и письменные знаки представленій; различія этого тоже нельзя уяснить, если не взять во вниманіе дѣятельность мышленія. Только натуральные знаки, каковы ощущенія и представленія, создаютъ иллюзіи и галлюцинаціи, т. е. произвольные обманы чувствъ; но напрасно съ этими обманами Тэнъ смѣшиваетъ ошибки и заблужденія, въ которыя мы впадаемъ вслѣдствіе поспѣшности, неосмотрительности въ сужденіяхъ.

Устанавливая отношенія между представленіями, а также между представленіями и вещами, мышленіе стремится къ разграниченію постояннаго и неизмѣнно тождественнаго отъ измѣнчиваго. Эта черта, характеризующая дѣятельность мышленія, у Тэна изъясняется просто тѣмъ, что въ самой дѣйствительности есть съ одной стороны тождественное и неизмѣнное, а съ другой—измѣняемое. Однако если элементами познанія служатъ единственно ощущенія и представленія, то для насъ невозможно знать, что признавать постояннымъ и что подлежащимъ измѣняемости; ни на основаніи ощущеній, ни на основаніи представленій нельзя этого знать. Ибо ассоціація представленій, какъ слѣдствіе привычки, вовсе не то, что логическая необходимость, которая одна только удостовѣряетъ насъ въ томъ, что познаваемое нами какъ необходимое должно быть безусловно. Мы видѣли, что необходимыя истины, выражающія постоянныя и неизмѣнныя отношенія, не могутъ быть изъяснены даже съ помощію гипотезы объ опытѣ общечеловѣческомъ, который Спенсеръ различаетъ отъ опыта индивидуальнаго.

П. Линицкій

(Продолженіе будетъ).

ОНТОЛОГІЯ

или

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О БЫТІИ ВООБЩЕ.

(По В. Вовне'у).

(Продолженіе *).

II.

О ПРИРОДѢ ВЕЩЕЙ.

1. Объясненіе термина: *природа вещей*.—2. Различныя обозначенія этого понятія.—3. Постановка вопроса о природѣ вещей.—4. Открывается-ли природа вещей во внѣшнихъ ихъ качествахъ, воспринимаемыхъ чувствами?—5. Анализъ понятія о качествахъ.—6. Можетъ-ли природа вещи выражаться въ качествахъ вообще?—7. Въ чемъ выражается природа вещи?—8. Разборъ возраженій.—9. Приближеніе къ изложенному взгляду на природу вещей въ исторіи философіи.—10. Какъ можемъ мы узнать природу вещи?—11. Чисто формальный характеръ сдѣланнаго опредѣленія понятія о природѣ вещи.—12. Вещь, какъ конкретный и опредѣленный принципъ дѣйствія.

1. Бытія вообще нѣтъ, но отдѣльныя вещи, или дѣятели, суть единственныя реальности въ мірѣ. Бытіе есть только общее понятіе, подъ которое подходятъ вещи, не вслѣдствіе какой-нибудь частицы существованія, находящейся въ нихъ, но въ силу своей дѣятельности. Мы пришли къ заключенію, что всеобщая природа бытія состоитъ въ дѣйствіи. Но это заключеніе опредѣляетъ природу вещей, какъ отличающихся

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 8.

только отъ несуществованія, а не какъ отличающихся одна отъ другой или какъ способныхъ къ своимъ особеннымъ проявленіямъ. Теперь мы должны изслѣдовать природу вещей въ этомъ послѣднемъ смыслѣ.

2. То, что мы называемъ *природой вещей*, было обозначено различнымъ образомъ: какъ *сущность (essentia)*, *quid* или *quidditas* вещей. Всѣ эти термины указываютъ не на внѣшнія свойства вещей, но на нѣкоторый внутренній принципъ, вслѣдствіе котораго вещи суть то, что онѣ суть. Но какой-бы мы ни употребили терминъ для обозначенія этого принципа, идея, выражаемая имъ, вполне знакома нашему обычному мышленію. Мы увѣрены, что каждая вещь есть то, что она есть, въ силу своей природы, и что вещи отличаются одна отъ другой вслѣдствіе того, что онѣ имѣютъ различныя природы. Одна природа матеріи, другая природа духа. Природа азота отлична отъ природы хлора. Но мы не довольствуемся простымъ утвержденіемъ существованія такой природы вещей; мы также стараемся узнать, что такое она. Природа вещи выражаетъ реальную сущность вещи; и мы бываемъ убѣждены, что не имѣемъ истиннаго знанія вещи, пока не постигаемъ ея природы. Что такое данная вещь? И какова ея природа? Это тождественные вопросы. Сомнѣніе скептика чаще всего выражается вопросомъ: истинная природа вещи не лежитъ-ли внѣ возможности познанія? Такова теорія, которой всѣ мы обыкновенно держимся. Можетъ быть, изслѣдованіе проблемы относительно измѣненія заставитъ насъ перемѣнить взглядъ на вещи; но пока мы признаемъ, что вещи существуютъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, и спрашиваемъ, какъ мы должны мыслить ихъ природу или истинную сущность?

3. Отвѣтъ вытекаетъ прямо изъ заключеній, достигнутыхъ въ изслѣдованіи о бытіи. Мы нашли тамъ, что дѣятельность есть основной признакъ всякаго бытія. Все, что истинно существуетъ, матерія-ли, духъ-ли, должно быть рассматриваемо, какъ дѣятельное по существу и, слѣдовательно, различающееся только по формѣ или роду дѣятельности. Такъ называемыя пассивныя свойства вещей оказываются по из-

слѣдованію зависящими отъ динамизма, лежащаго въ ихъ основѣ, и представляютъ намъ только дѣятеля въ дѣйствіи. Но для того, чтобы бытіе стало опредѣленнымъ, эта дѣятельность должна имѣть опредѣленную форму или законъ. Дѣятельность вообще, подобно бытію вообще, невозможна; она есть чисто логическое понятіе, изъ котораго выдѣлены всѣ специфическія опредѣленія, принадлежащія каждой реальной дѣятельности. Правило или законъ, который опредѣляетъ форму и порядокъ дѣятельностей вещи, представляетъ для нашей мысли природу вещи или выражаетъ ея истинную сущность. Въ этомъ законѣ должна состоять опредѣленность вещи; и подъ этой общей формой закона, опредѣляющаго форму и порядокъ дѣятельности, мы должны мыслить природу вещи. Но когда мы говоримъ, что вещи отличаются только по формѣ или роду дѣятельности, мы не должны заключать, что всѣ онѣ имѣютъ одну общую сущность, потому что это значило-бы возвратиться къ понятію чистаго бытія. Мы часто бываемъ въ искушеніи мыслить родъ сыраго матеріала, который, получая различныя опредѣленія, становится различными вещами, и мы должны остерегаться этого обольщенія. Вещи существуютъ только въ своихъ дѣятельностяхъ и не имѣютъ бытія независимо отъ нихъ. Онѣ суть конкретныя формулы дѣйствія. Но это заключеніе такъ далеко отъ нашего, обычнаго образа мыслей, что мы должны, путемъ критики иныхъ понятій, показать его основательность.

4. Общій человѣческій смыслъ отыскиваетъ природу вещей прежде всего въ ихъ внѣшнихъ качествахъ, воспринимаемыхъ чувственно. Поэтому, когда мы спрашиваемъ, что такое вещь въ себѣ, здравый смыслъ перечисляетъ ея чувственные качества. Укусъ кислъ, алоэ горько, сахаръ сладокъ. Но минутное размышленіе показываетъ несостоятельность этого грубаго представленія. Начнемъ съ того, что оно примѣнимо только къ чувственно воспринимаемымъ объектамъ, между тѣмъ какъ понятіе о природѣ вещи должно быть примѣнимо ко всему бытію. Далѣе, чувственные качества никогда не открываютъ, что такое вещь, а только какъ

она дѣйствуетъ на насъ; и теперь мы знаемъ, что чувственные качества чисто феноменальны и не имѣютъ никакого сходства съ чѣмъ-нибудь въ самой вещи. Нѣтъ ни твердости въ твердомъ, ни сладости въ сладкомъ; но извѣстныя вещи, своими дѣйствіями на насъ, производятъ въ насъ ощущенія твердости или сладости. Вещи находятся въ различныхъ взаимодѣйствіяхъ между собою, и эти взаимодѣйствія также суть выраженія ихъ природы. Этотъ фактъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ находить природу вещей въ ихъ чувственныхъ качествахъ или показать, что такое вещи, исчисляя ихъ чувственно воспринимаемыя качества. Вещи суть нѣчто гораздо большее, чѣмъ какъ намъ онѣ кажутся. Кромѣ того, даже общій человѣческій смыслъ находитъ въ опытѣ основаніе для измѣненія своихъ взглядовъ. Одна и та-же вещь оказывается имѣющей различныя чувственные качества. Уксусъ, кромѣ того, что онъ кислъ, жидокъ, также имѣетъ цвѣтъ, вѣсъ и пр. Но эти качества несравнимы между собою, такъ что если предположить, что одно изъ нихъ открываетъ природу вещи, то другія качества ея не открываютъ, если только не признать, что вещь имѣетъ столько различныхъ природъ, сколько имѣетъ чувственныхъ качествъ. Въ такомъ случаѣ вещь съ различными качествами была-бы не единицей, а связкой вещей. Но это предположеніе такъ очевидно ниспровергаетъ единство вещи, что никогда не было допускаемо здравымъ смысломъ. Такимъ образомъ, попытка найти природу вещи въ ея чувственныхъ качествахъ разбивается о свое внутреннее противорѣчіе. Если вещь отлична отъ комплекса феноменовъ, то природа вещи не можетъ быть найдена въ нѣкоторыхъ или во всѣхъ ея чувственныхъ качествахъ.

Этотъ фактъ привелъ нѣкоторыхъ мыслителей къ другому взгляду, по которому вещь скрывается за качествами, какъ ихъ субстратъ, и качества разсматриваются какъ состоянія вещи. Сущность вещи не открывается въ качествахъ, но составляетъ ихъ скрытую, таинственную основу. О вещи уже нельзя сказать, что она имѣетъ протяженіе, цвѣтъ и пр.; она есть непостижимая и невыразимая сущность, которая кажется

такую, т. е. имѣющею протяженіе, цвѣтъ и др. качества. Такимъ образомъ, мы находимся на пути къ агностицизму и скептицизму. Вещь сама по себѣ не доступна зрѣнію, а обнаруживаетъ свое существованіе въ проявленіяхъ, которыя въ концѣ концовъ ея не открываютъ. И если эти проявленія составляютъ все, что непосредственно дано, то нѣтъ, кажется, болѣе никакого основанія для допущенія этой темной сущности, которая никогда не можетъ быть постигнута. Это понятіе о вещи съ различными измѣняющимися состояніями есть главное основаніе нашей обычной метафизики и очень многихъ изъ нашихъ философскихъ затрудненій. Подобно понятію о чистомъ бытіи съ присущими ему силами, оно представляетъ попытку разрѣшить нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ проблемъ метафизики. Понятіе это показываетъ, что человѣческій умъ признавалъ значеніе данной проблемы и пытался разрѣшить ее.

Два взгляда вытекли изъ ученія, ставящаго вещь позади ея феноменальныхъ качествъ, вмѣсто того, чтобы находить ее въ нихъ. Первый взглядъ состоитъ въ томъ, что бытіе само по себѣ лишено качествъ какого нибудь рода; второй—въ томъ, что бытіе имѣетъ качества, но они совершенно непознаваемы. Первый взглядъ приводитъ насъ къ понятію чистаго бытія. Бытіе есть основаніе и субстратъ опредѣленныхъ качествъ; но само по себѣ, какъ не обнаруживающаяся реальность, оно совсѣмъ безкачественно. Этотъ взглядъ мы достаточно рассмотрѣли при анализѣ понятій чистаго бытія и присущности. То, что лишено качествъ всякаго рода, не можетъ быть основаніемъ и субстратомъ ничего. Безформенная глина, которой мы придаемъ извѣстную форму, сама по себѣ представляетъ совершенно опредѣленное соединеніе опредѣленныхъ элементовъ и способна къ принятію формы только вслѣдствіе своихъ опредѣленныхъ, специфическихъ свойствъ. Безформенная туманная масса, сформировавшаяся въ солнечную систему, неопредѣлена только повидимому. Реальность есть группа опредѣленныхъ элементовъ, съ опредѣленными законами и въ опредѣленныхъ отношеніяхъ взаимодействія между собою. Химическіе элементы не имѣютъ качествъ своихъ

соединеній; но они должны имѣть какія нибудь качества, чтобы сдѣлать возможными соединенія. Ни кислородъ, ни водородъ не имѣютъ ни одного изъ свойствъ воды, но должны имѣть свои собственныя опредѣленныя свойства, чтобы произвести воду.

Другой взглядъ былъ определеннѣе формулированъ Гербартомъ, чѣмъ какимъ нибудь другимъ философомъ; но большинство агностиковъ приняли-бы его въ той или другой формѣ. Гербартъ утверждаетъ, что природа бытія неизвѣстна, но что какова-бы она ни была, она подходитъ подъ понятіе качества. Есть нѣкоторое простое качество, X, которое, если-бы мы только могли его постигнуть, вполне и дѣйствительно выражало-бы собою природу вещи. Въ своемъ чувственномъ опытѣ мы никогда не проникаемъ до реальностей вещей. Нашъ опытъ имѣетъ дѣло съ соединеніями и ихъ качествами; но нѣтъ сомнѣнія, что реальности сами по себѣ имѣютъ качества, которыя лежатъ въ основѣ качественныхъ соединеній. Гербартъ избѣжалъ трудностей, заключающихся во множествѣ и несоизмѣримости чувственныхъ качествъ, смотря на вещи, какъ онѣ кажутся, только какъ на комплексы феноменовъ, и отрицая реальность множественности качествъ. Этихъ заключеній онъ достигъ посредствомъ очень остроумной, но въ высшей степени искусственной и неудовлетворительной теоріи познанія, въ которой онъ постоянно смѣшиваетъ нѣчто независимое въ ощущеніи съ абсолютнымъ бытіемъ. По этой теоріи, каждая реальная вещь проста, и ея истинная природа выражается въ нѣкоторомъ простомъ качествѣ. Это качество не эффектъ, подобно чувственнымъ качествамъ, но открываетъ сущность вещи. Какъ это можетъ быть, мы можемъ понять изъ Декартова ученія объ атрибутахъ. По Декарту, атрибутъ выражаетъ сущность и показываетъ, что такое вещь въ себѣ, независимо отъ всего другого. Такъ, общій атрибутъ матеріи и отсюда общая ея сущность есть протяженіе. Сущность духа есть мышленіе. Каждый изъ этихъ атрибутовъ показываетъ не то, что составляетъ его субъектъ, но что такое онъ абсолютно. Конечно, Гербартъ не принималъ этихъ выводовъ, но онъ дер-

жался мнѣнія, что существуетъ нѣкоторое непознаваемое качество, которое выражаетъ природу своего субъекта такъ же совершенно, какъ, по мнѣнію Декарта, протяженіе выражаетъ сущность матеріи.

5. Но чтобы сдѣлать это ученіе яснымъ, нужно раскрыть *значеніе понятія о качествахъ*. Если подъ качествомъ разумѣется только родъ вещи, то утвержденіе, что природа каждой вещи подходитъ подъ понятіе качества, есть чистая тавтологія, потому что качество принимается въ значеніи природы вещи. Въ такомъ смыслѣ часто употребляется это слово. Когда мы говоримъ, что всякое существо должно имѣть какое нибудь качество, мы разумѣемъ только то, что всякое существо должно имѣть какую нибудь опредѣленную природу или должно быть какого нибудь опредѣленнаго рода. Если это было все, что Гербартъ разумѣлъ подъ качествомъ, то не было бы необходимости настаивать на этомъ, и онъ могъ бы ограничиться утвержденіемъ простоты бытія. Но качества распадаются на два класса: одни узнаются посредствомъ воспріятія, другія достигаются размышленіемъ и сравненіемъ. Первый классъ обнимаетъ имена, прилагательныя и основанныя на нихъ имена существительныя; это—классъ, отъ котораго первоначально получается понятіе качества. Въ воспріятіи получается идея о реальности, которой никогда не можетъ произвести никакой процессъ мышленія; и посредствомъ его мы, повидимому, проникаемъ въ реальность, какъ она открывается нашимъ чувствамъ. Поэтому, хотя мы признаемъ, что наши чувства не могутъ достигать до истинной природы реальности, мы все-таки надѣемся, что можетъ быть возможно для другихъ существъ и для насъ самихъ въ какой нибудь другой жизни сверхчувственное возрѣніе, которое открыло-бы вещи такъ, какъ онѣ суть въ себѣ. Въ нашихъ воспріятіяхъ свѣта, звука, запаха мы проникаемъ во внутреннюю ихъ природу и сознаемъ, что не можетъ быть скрытаго позади ихъ свѣта или звука „въ себѣ“, которые недоступны знанію. Намъ никогда не приходитъ въ голову думать о цвѣтѣ, который мы воспринимаемъ, какъ о скрывающемся въ себѣ другой цвѣтѣ, который остается всегда

невидимымъ. Такіе призраки преслѣдуютъ мысль, но не воспріятіе. И такъ, какъ-бы мы ни представляли себѣ состояніе, въ которомъ мы должны были-бы познавать вещи такъ, какъ онѣ суть въ себѣ, мы всегда удерживаемъ эту черту воспріятія въ противоположность мышленію. Поэтому, качества могутъ выражать собою нѣкоторое возможное воспріятіе или же комплексъ отношеній. Гербартъ, кажется, понималъ ихъ въ первомъ смыслѣ, потому что въ послѣднемъ смыслѣ они несовмѣстимы съ основными понятіями его системы. Принимаемая имъ элементарныя сущности онъ считаетъ простыми и несоотносящимися между собою. Каждая изъ нихъ имѣетъ простое и самососредоточенное существованіе и потому не можетъ имѣть качествъ, предполагающихъ отношеніе и сложность. Наши чувства не открываютъ истинной природы вещей, но только ихъ дѣйствія на насъ. Мы называемъ вещь теплой или холодной, сладкой или горькой, черной или бѣлой и т. д.; но ни одно изъ этихъ качествъ не выражаетъ ничего болѣе, какъ только субъективныя дѣйствія, которыя относятся въ нѣкоторой объективной причинѣ. Но, можетъ быть, существуетъ нѣкоторое неизвѣстное чувство, которое, если-бы мы имѣли его, открывала-бы намъ вещь такъ, какъ она есть въ себѣ. Въ такомъ случаѣ природа вещей открывалась-бы въ воспріятіи, а не въ мышленіи.

6. Какъ-бы то ни было, ни прилагательныя, ни абстрактныя существительныя имена неспособны выражать собою истинной природы вещей. Мы уже указали на то, что неизмѣнныя вещи не могутъ объяснять феноменовъ; а качества въ этомъ смыслѣ были-бы существенно неизмѣнны. Они могутъ являться и исчезать, но ихъ содержаніе неизмѣнно. Красное можетъ уступать мѣсто черному, но оно не можетъ измѣниться въ черное. Мы говоримъ, что вещи измѣняютъ свой цвѣтъ, но никогда не говоримъ, что одинъ цвѣтъ становится другимъ. Здравый смыслъ, поэтому, всегда полагалъ перемѣну въ вещахъ и никогда въ качествахъ. Послѣднія не измѣняются, но замѣняются. Вещи, какъ думалъ Платонъ, могутъ переходить изъ сферы одной идеи въ сферу другой, но идеи сами по себѣ постоянны въ своемъ содер-

жаніи и взаимныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, онѣ составляютъ царство, независимое отъ всякой переменны, и единственно въ этомъ царствѣ могъ находить Платонъ постоянство, которое требуется познаніемъ. Постоянствомъ идей онѣ опровергали софистовъ, которые старались доказать, что всѣ вещи и истины находятся въ непрерывномъ теченіи. Если, теперь, мы должны смотрѣть на природу вещей, какъ на выражаемую качествомъ даннаго рода, то мы должны подвести вещь подъ это понятіе простоты и неизмѣнности и вслѣдствіе этого сдѣлать ее неспособною къ объясненію перемены, и потому несоотвѣтствующею требованіямъ относительно ея. Мы должны были-бы впасть въ ученіе элеатовъ, по которому отрицается всякое измѣненіе въ бытіи; или должны были-бы принять ученіе о безусловномъ и безпричинномъ бываніи и совершенно отрицать существованіе вещей. Оба эти взгляда подробно будутъ рассмотрѣны въ своемъ мѣстѣ; здѣсь-же достаточно указать, что никакая теорія, которая допускаетъ реальность и вещей, и измѣненія, не можетъ считать какого-нибудь простаго качества выражающимъ природу вещи.

Эта мысль требуетъ дальнѣйшаго развитія. Въ совершенно неизмѣнномъ мірѣ мы могли-бы въ какомъ-нибудь неизмѣнномъ качествѣ признавать истинную природу вещи. Даже и при настоящемъ порядкѣ вещей; когда какое-нибудь качество всегда присутствуетъ, какъ напримѣръ, такъ называемыя первичныя качества матеріи, мы склонны смотрѣть на это качество, какъ на выражающее сущность вещи. Но въ измѣняющемся мірѣ вещи имѣютъ прошедшее и будущее, также какъ и настоящее; а они также должны быть выраженіями природы вещи. Но настоящее качество по большей мѣрѣ выражаетъ только, что такое вещь теперь, а не чѣмъ она была или будетъ. Далѣе, въ динамической системѣ реальности существенный фактъ представляетъ дѣятельность, и законъ этой дѣятельности также долженъ быть принятъ въ расчетъ. Даже не критичное мышленіе обыденной жизни признаетъ, что одна и та-же вещь можетъ обнаруживать самыя различныя свойства въ различное время, не утрачивая все-таки

своего тождества; и что очень различныя вещи могутъ быть иногда неразличимы чувствами, не дѣлаясь все-таки тождественными по природѣ. Быть можетъ, нѣтъ двухъ вещей въ мірѣ одинаковыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и кажущееся сходство даже химическихъ элементовъ одного и того-же класса есть только параллелизмъ въ предѣлахъ наблюденія существенно различныхъ вещей. Попытка показать, что такое вещь по ея настоящимъ качествамъ, смѣшивала-бы такіе случаи. Можетъ быть, здравый смыслъ заблуждается въ предположеніи тождества подъ различными формами, но тотъ-же здравый смыслъ, который принимаетъ понятіе качества, утверждаетъ и тождество. Мы должны, поэтому, попытаться примирить здравый смыслъ съ самимъ собою, прежде чѣмъ объявить его заблуждающимся. Но если необходимо удержать тождество при измѣненіяхъ, то мы должны, при опредѣленіи природы вещи, взять въ расчетъ, чѣмъ она была и чѣмъ она будетъ; подобно тому какъ при вычисленіи кривой линіи мы должны знать отношенія координатъ не одного только пункта, но всѣхъ пунктовъ. Всякая формула, которая не можетъ опредѣлить этого общаго отношенія, не даетъ истиннаго вычисленія искомой линіи.

Если-бы, поэтому, какое-нибудь качество было на лицо въ продолженіе всей исторіи вещи, оно не могло-бы быть отождествляемо съ природой вещи, потому что природа вещи должна обуславливать собою измѣняющіяся качества, также какъ и неизмѣнныя. Отсюда, если-бы мы смотрѣли на протяженіе, какъ на существенное качество матеріи, мы не могли-бы считать его выражающимъ природу матеріальныхъ элементовъ; потому что если эти послѣдніе реальны, то они имѣютъ многія другія качества, причина которыхъ также должна заключаться въ природѣ матеріи; и, кромѣ того, протяженіе есть эффектъ, дѣйствіе, а не пассивное качество. Въ самомъ дѣлѣ, взглядъ, который мы оспариваемъ, принадлежитъ къ до-научному періоду мышленія, когда бытіе было разсматриваемо, какъ недѣятельное и неизмѣнное. Хотя было признано, что чувственныя качества не могутъ выражать существенной природы вещей, все-таки предполагалось,

что нѣкоторое скрытое качество могло-бы выражать ее. Но когда установился взглядъ на бытіе, какъ на существенно дѣятельное и измѣняющееся, это предположеніе оказалось несостоятельнымъ. На указанныхъ двухъ основаніяхъ: 1) неизмѣнности качествъ и 2) необходимой измѣчивости вещей—мы отрицаемъ, чтобы какое-нибудь простое качество или сочетаніе качествъ могло когда-нибудь представлять собою природу вещи. Пока мы остаемся въ области качествъ, мы можемъ опредѣлить вещь только какъ то, что имѣетъ извѣстныя качества при извѣстныхъ обстоятельствахъ и нѣкоторыя другія качества при нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ.

7. Изъ предыдущаго изслѣдованія вытекаетъ тотъ выводъ, что ощущеніе или воспріятіе не можетъ открывать природы вещи. Она всегда должна оставаться сверхчувственной, и ея опредѣленіе должно быть дѣломъ разума, а не чувствъ. Природа вещи никогда не можетъ быть выражена качествомъ, но только закономъ, по которому вещь дѣйствуетъ и измѣняется. Такой взглядъ въ нѣкоторыхъ его формахъ вполне знакомъ нашему обыденному мышленію. Когда вода является то какъ ледъ, то какъ паръ, здравый смыслъ нисколько не сомнѣвается, что есть нѣкоторый принципъ, опредѣляющій родъ и послѣдовательность этихъ состояній. Или когда яйцо при надлежащихъ условіяхъ развивается черезъ рядъ различныхъ состояній въ типическую форму птицы, мы говоримъ, что есть законъ, который опредѣляетъ форму и послѣдовательность этого развитія, и смотримъ на природу птицы не какъ на внѣшній продуктъ, но какъ на законъ, по которому развитіе было направлено такъ, чтобы достигнуть этого продукта. Или когда два или болѣе химическихъ элементовъ входятъ въ различныя химическія соединенія и обнаруживаютъ особенныя свойства въ каждомъ изъ нихъ, мы говоримъ, что природа элементовъ опредѣляетъ результатъ. Далѣе, когда душа проходитъ чрезъ различныя состоянія и обнаруживаетъ различныя формы дѣятельности, мы говоримъ, что природа души опредѣляетъ форму и послѣдовательность этихъ состояній. Мысли, чувствованія и желанія не безпричинны и не безотносительны, во ихъ существованіе и взаим-

ныя отношенія опредѣляются нѣкоторымъ началомъ, которое мы называемъ природой души. Мы высказываемъ, поэтому, не какую-нибудь странную мысль, но мысль совершенно согласную съ общимъ человѣческимъ смысломъ, когда опредѣляемъ природу вещи, какъ тотъ законъ или принципъ, который опредѣляетъ форму и характеръ ея дѣятельности. Возраженіе, которое здравый смыслъ можетъ сдѣлать противъ этого опредѣленія, вообще основывается на ложномъ взглядѣ, что бытіе можетъ быть недѣятельнымъ и неизмѣннымъ, также какъ и дѣятельнымъ и измѣняющимся. И когда признается, что всякое бытіе дѣятельно по существу, то это возраженіе исчезаетъ.

8. Но спросятъ, насколько дальше мы ушли, чѣмъ были прежде? Если прежде мы опредѣляли вещь, какъ то, что имѣетъ извѣстныя свойства, то теперь мы опредѣлили ее, какъ то, что имѣетъ извѣстный законъ, и мысль отнюдь не подвинулась впередъ. Что касается до объясненія акта творенія, это вѣрно, но не вѣрно относительно пониманія существующихъ вещей. Теорія, которая находитъ сущность вещи въ нѣкоторомъ простомъ качествѣ, упускаетъ изъ вниманія дѣятельность и измѣненіе; или если и даетъ объясненіе для перемѣны, то не даетъ его для тожества. Вещь, природа которой выражается то однимъ качествомъ, то другимъ и притомъ несоизмѣримымъ съ первымъ, не имѣетъ тожества сама съ собою. Теорія-же, которая находитъ сущность вещи въ законѣ, управляющемъ и одновременными, и послѣдовательными ея обнаруженіями, даетъ объясненіе и для дѣятельности, и въ нѣкоторомъ смыслѣ для тожества.

Но какъ—спросятъ далѣе—можетъ законъ быть природой вещи? Законъ есть только формула въ мысли, между тѣмъ какъ вещь есть реальность. Качество, по крайней мѣрѣ, представляетъ путь, какимъ вещь является, или путь, которымъ она дѣйствуетъ на насъ. Оно, поэтому, ближе къ истинной природѣ вещи, чѣмъ законъ, который есть чисто умственный продуктъ. Если, слѣдовательно, мы не можемъ смотрѣть на качество, какъ на выражающее природу вещи, то еще менѣе можемъ находить въ законѣ сущность, которую ищемъ.

Законъ не вещь и не можетъ быть вещью. Это возраженіе имѣло-бы силу противъ абсолютнаго идеализма новѣйшей германской философіи, который отождествлялъ мысль съ вещью. Если-бы возможно было для насъ получить совершенную формулу для природы каждой вещи, эта формула представляла-бы природу не какъ она дѣйствительно существуетъ, но какъ она понимается. Невыразимое различіе между мыслью и вещью оставалось-бы непроходимой бездной для человѣческой мысли. Но мы не можемъ ни создать реальности, ни показать, какъ она создана. Поэтому, чѣмъ-бы ни была природа реальности, качествомъ-ли, или закономъ, она можетъ являться для нашего духа, только какъ умопостигаемая, и никогда, какъ реальность, сама по себѣ. И если мы можемъ только мыслить о вещахъ, а не создавать ихъ, то единственно возможный вопросъ въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, должны-ли мы мыслить эту природу подъ формою качества, или какъ законъ дѣятельности? Попытка мыслить ее, какъ качество, неудачна, и потому мы должны мыслить ее, какъ законъ дѣятельности. Это единственный взглядъ, дающій объясненіе для перемѣны и дѣятельности. Дальнѣйшій вопросъ о томъ, какъ законъ можетъ быть помѣщенъ въ реальности, такъ что изъ мысли становится вещью, заключаетъ въ себѣ тайну творенія или тайну абсолютнаго бытія. Мы не претендуемъ знать, какъ бытіе создано. Мы только знаемъ, что оно, не создано путемъ овеществленія идеи съ помощью безформенной реальности. Но когда бытіе создано, оно просто есть конкретная формула дѣятельности. Нужно, однако-же, стараться не упускать изъ виду значенія термина: *конкретный*, потому что онъ именно содержитъ въ себѣ ту тайну реальности, которой никакая мысль никогда не можетъ объяснить. Нужно устранить еще одно недоразумѣніе. Слово *природа* часто употребляется въ смыслѣ всеобщаго въ родѣ. Такъ, мы говоримъ о человѣческой природѣ и разумѣмъ тѣ формы дѣятельности, которыя общи всѣмъ людямъ. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ обо всѣхъ людяхъ, какъ имѣющихъ общую природу, а на индивидуальное смотримъ, какъ на примѣръ или образчикъ всеобщаго. Далѣе, мы можемъ взять фор-

мулу площади эллипсиса, и вводя въ нее по-очереди произвольно взятая различныя величины, можемъ получить рядъ эллипсисовъ, каждый изъ которыхъ будетъ имѣть общую природу эллипсиса. Но въ этомъ смыслѣ ни одинъ дѣйствительный эллипсисъ не объясняется его природою, потому что въ каждомъ случаѣ вводится произвольный факторъ. Природа служитъ только къ тому, чтобы сдѣлать эллипсисъ членомъ класса, а не къ тому, чтобы объяснять его индивидуальныя особенности, которыми онъ отличается не только отъ другихъ классовъ фигуръ, но и отъ другихъ фигуръ того-же класса. Но въ метафизическомъ смыслѣ природа вещи есть тотъ законъ дѣятельности, въ силу котораго она не только становится членомъ класса, но также, и прежде всего, сама собою въ отличіе отъ всѣхъ другихъ вещей. Что въ придачу къ тому, что она есть сама по себѣ, она оказывается также членомъ класса, это—вторичный фактъ. Каждая вещь должна быть прежде всего сама собою. Когда, поэтому, мы говоримъ о природѣ вещи, какъ о законѣ ея, мы смотримъ на этотъ законъ, какъ на чисто специфическій и индивидуальный, а не какъ на всеобщій. Природа вещи имѣетъ форму закона, но онъ примѣнимъ только къ отдѣльному случаю. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на математическую формулу, въ которой общія величины должны быть замѣнены частными. Вслѣдствіе этого формула становится реальной и теряетъ свою всеобщность. Она примѣняется только къ отдѣльному, частному случаю.

9. Съ древнѣйшихъ временъ въ философіи являлись приближенія къ этому взгляду. По Платону, сущность, или истинная природа вещи есть идея, осуществляемая въ ней. Безформенная матерія не имѣетъ сущности, но пріобрѣтаетъ ее посредствомъ соединенія съ идеей. Этотъ взглядъ несостоятеленъ, потому что заключаетъ въ себѣ понятіе чистаго бытія. Онъ не дѣлаетъ всей вещи идеею, но признаетъ ее состоящею изъ идеи и матеріи. Эти взаимно исключаемые элементы ставятся вмѣстѣ только актомъ философскаго произвола. Далѣе, по Платону, идея неизмѣнна и, какъ такая, не можетъ составлять природы измѣняющейся вещи. Если-

бы, поэтому, мы усвоили взглядъ Платона на царство неизмѣнныхъ идей, природа вещи была-бы не идеей, но тѣмъ закономъ измѣненія, который приводитъ ее въ сферу то одной идеи, то другой. Если взять движеніе, разнообразное по скорости и направленію, то природа движенія состоитъ не въ опредѣленныхъ скоростяхъ и направленіяхъ, которыя оно имѣетъ въ данные моменты, но въ законѣ, опредѣляющемъ скорость и направленіе, которыя оно должно имѣть въ какой-бы то ни было моментъ. Въ Платоновскомъ смыслѣ, поэтому, идея не можетъ выражать собою природу вещи.

Подобная-же критика примѣнима къ теоріи, что мысль есть сущность бытія, когда мысль отождествляется съ понятіемъ. Во-первыхъ, мысль не составляетъ сущности бытія, а въ крайнемъ случаѣ только выражаетъ ее. Такъ, если-бы мы принимали, вмѣстѣ съ Декартомъ, что протяженіе составляетъ сущность матеріи, то протяженіе разсматривалось-бы, не какъ мыслимое, но какъ реальное. Наша мысль, можетъ быть, способна совершенно постигнуть природу вещей, но она никогда не можетъ переходить за предѣлы неопредѣлимаго различія между мыслию и вещію. Во-вторыхъ, понятіе не можетъ и выражать природы вещи. Подобно идеѣ, оно слишкомъ строго, чтобы допускать движеніе. Оно ставило-бы вещи отдѣльно одну отъ другой въ постоянномъ внутреннемъ тождествѣ и привело-бы міръ къ застою.

Аристотель пошелъ дальше Платона. Онъ допускаетъ развитіе въ вещахъ и опредѣляетъ ихъ природу или сущность ихъ цѣлю. Природа вещи есть то, „чѣмъ она должна быть“. Этотъ взглядъ также вполне знакомъ обычному мышленію. Обыкновенный образъ выраженія сущности какого нибудь изобрѣтенія состоитъ въ указаніи того, для чего оно служить. Изобрѣтенія нерѣдко получаютъ свои названія отъ цѣли, для которой они предназначены. Произведенія искусства и литературы классифицируются сообразно съ ихъ цѣлями. Мы оцѣниваемъ исполненіе какого нибудь дѣла каждый разъ по искусству, съ какимъ цѣль была выполнена, но существенную природу произведенія мы находимъ въ самой цѣли. Вслѣдствіе такого взгляда на природу вещей, мно-

гіе філософы пришли къ мысли, что реальная вещь всегда ложна, потому что она никогда адекватно не выражает своей идеи. Только идея составляет истину вещи, а реальность есть болѣе или менѣе безразличная попытка достигнуть ея. Эта мысль часто выражается въ разсужденіяхъ о человѣческой природѣ. Часто приходится слышать, что истинная природа человѣка состоитъ не въ томъ, что онъ есть, а въ нравственномъ идеалѣ, который онъ долженъ осуществлять. Иногда изъ такого употребленія слова вытекаетъ вербальное разногласіе, и люди съ большой горячностью спорятъ о томъ, грѣховность или праведность естественны человѣку. Различныя значенія слова: человѣкъ даютъ возможность каждой изъ спорящихъ сторонъ рѣшать вопросъ въ свою пользу.

Схоластики также старались опредѣлить природу вещи, исчисляя ея возможности или потенціальности. Природа вещи есть сумма ея потенціальностей. Есть нѣчто привлекательное въ этихъ взглядахъ, особенно во взглядѣ Аристотеля. Теистъ не можетъ не сочувствовать ученію, что цѣль, или идеальный образъ вещи, составляетъ ея истинную природу. Но хотя такіе взгляды имѣютъ реторическое и практическое значеніе, въ метафизическомъ отношеніи они несостоятельны. Трудность, заключающаяся во всѣхъ нихъ, состоитъ въ томъ, что для того, чтобы реализовать нѣкоторыя изъ этихъ будущихъ цѣлей или возможностей, вещь должна быть опредѣленной и должна имѣть напередъ опредѣленный законъ. Неопредѣленное не можетъ быть потенціальнымъ по отношенію къ чему-нибудь и не имѣетъ никакихъ возможностей. Поэтому результаты составляютъ только слѣдствія природы, а не самую природу. Отсюда, если мы смотримъ на окончательный результатъ, какъ на выражающій природу вещи, то не потому, что она есть результатъ, но потому, что она составляетъ для вещи ея существенный законъ. Единственный смыслъ, въ которомъ цѣль можетъ выражать природу вещи, состоитъ въ томъ, что цѣль можетъ быть, какъ напр. въ изобрѣтеніяхъ, нормой, согласно съ которой образована вещь, и такимъ образомъ она стано-

вится опредѣляющимъ закономъ вещи и ея дѣятельности. Но такое значеніе цѣль имѣеть во всякомъ случаѣ только для конечнаго, и даже здѣсь лишь при томъ предположеніи, что конечное было сотворено для извѣстной цѣли. Ученіе, которое находитъ природу вещи въ ея потенціальностяхъ, сомнительно, въ особенности потому, что потенціальность есть только понятіе, которому ничто не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности. Независимо отъ мысли, дѣйствительное составляетъ все, и ни возможное, ни необходимое не имѣютъ никакого существованія. Въ мірѣ реальности возможное и дѣйствительное тождественны; и когда возможное недѣйствительно, то оно и невозможно. Мы способны представить себѣ различныя событія и комбинаціи вещей, которыя мы называемъ возможными, потому что они не содержатъ въ себѣ никакого противорѣчія; но эти представленія находятся только въ нашемъ умѣ. Далѣе, о нѣкоторыхъ процессахъ, условія которыхъ не вполне извѣстны, мы говоримъ, что они могутъ совершиться тѣмъ или другимъ путемъ. Но фактъ самъ по себѣ бываетъ не въ сослагательномъ наклоненіи. Онъ можетъ совершиться только однимъ путемъ. Потенціальность есть только выраженіе нашего незнанія. Факты сами по себѣ бываютъ только въ изъявительномъ наклоненіи. Если-бы мы представили себѣ, что атомы были приведены во вращательное движеніе въ пространствѣ нѣкоторымъ первичнымъ толчкомъ, то мы вѣроятно, сказали-бы, что было возможно безконечное множество ихъ комбинацій; но достаточно минутнаго размышленія, чтобы видѣть, что была только одна возможность, и это была дѣйствительность. Далѣе, когда условія факта всѣ выполнены, кромѣ одного какого-нибудь незначительнаго, которое находится въ нашей власти, мы обыкновенно называемъ этотъ фактъ очень возможнымъ. Но, на самомъ дѣлѣ, пока условія не выполнены, событіе невозможно; а когда они выполнены, событіе не возможно, но дѣйствительно. Во всѣхъ такихъ случаяхъ имѣеть мѣсто тотъ фактъ, что если какія-нибудь условія выполнены, то событіе, называемое возможнымъ, становится дѣйствительнымъ; но пока этого нѣтъ, событіе

собственно невозможно. Въ метафизическомъ смыслѣ, поэтому, возможность и потенціальность пустыя слова; въ крайнемъ случаѣ они суть только фигуральныя выраженія того, что случилось-бы, если-бы выполнены были извѣстные условія. Они никогда не должны быть мыслимы, какъ скрытыя или завитыя въ вещи и только ожидающія раскрытія; потому что онѣ ничто, пока не осуществлены въ дѣйствительности.

10. Но если мы не можемъ узнать природу вещи изъ ея слѣдствій, то какъ можемъ мы узнать ее? Если природу вещи составляетъ законъ ея дѣятельности, то мы должны узнавать, что такое она, наблюдая, что она дѣлаетъ. Это безъ сомнѣнія, вѣрно; но есть различіе между изученіемъ вещи по ея дѣйствию и отождествленіемъ ея съ дѣйствіемъ. Хотя законъ дѣятельности изучается изъ дѣятельности, но въ мысли онъ отдѣленъ отъ дѣятельности. Онъ есть именно тотъ принципъ, который требуетъ, чтобы дѣятельность имѣла свою настоящую форму и такимъ образомъ, чтобы вещь была тѣмъ, что она есть. Наблюденіе даетъ намъ только форму и послѣдовательность; природа разсматривается, какъ принципъ, опредѣляющій и ту и другую. Форма нашей мысли есть форма закона; содержаніе этого закона всегда должно быть узнаваемо по дѣйствию вещи. Отсюда, хотя мы всегда мыслимъ природу вещи подъ формою закона, мы можемъ описать ее, только изображая ея проявленія. Въ этомъ смыслѣ схоластическое ученіе вѣрно. Содержаніе природы всякой вещи дано въ ея дѣйствіяхъ; и мы можемъ показать, что такое вещь, только наблюдая надъ тѣмъ, что она дѣлаетъ.

11. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что наше опредѣленіе природы вещи чисто формально. Оно показываетъ, какъ мы должны мыслить, а не что мы должны мыслить. Чтобы опредѣлить, какова природа всякой данной вещи, мы должны обратиться къ наблюденію; и такъ какъ оно никогда не можетъ быть полнымъ, то мы никогда не можемъ быть увѣрены, что мы имѣемъ полное знаніе чего-нибудь. Проявленія конечныхъ вещей зависятъ также отъ ихъ отношеній къ

другимъ вещамъ, и невозможно показать, какія новыя свойства онѣ могли-бы обнаружить въ новыхъ отношеніяхъ. Что природа души только слабо открывается въ нашемъ сознаніи, и что поэтому мы составляемъ глубочайшую тайну для самихъ себя, это—общее убѣжденіе. Подобнымъ-же образомъ часто утверждаютъ, что даже физическіе элементы могутъ имѣть многія возможности, которыхъ мы и не подозреваемъ. Чтобы выйти изъ этого невѣдѣнія, необходимо было-бы знать цѣль, для которой вещь существуетъ. Если-бы это было возможно, мы имѣли-бы полное знаніе вещи и знали-бы, что она никогда не выходитъ за предѣлы осуществленія цѣли. Но у насъ нѣтъ такого знанія. Въ нашемъ опытѣ каждая вещь кажется ограниченной опредѣленнымъ кругомъ обваруженія. Вещи двигаются въ сомкнутыхъ кривыхъ, а не въ открытыхъ. Но это, можетъ быть, зависитъ отъ относительнаго постоянства и равновѣсія условій, въ которыхъ онѣ существуютъ. Всѣ вещи, можетъ быть, созданы для нѣкоторой опредѣленной цѣли и находятся въ движеніи, направленномъ, можетъ быть, къ этой цѣли. Лейбницъ считалъ всякую конечную реальность предназначенною къ безконечному прогрессивному развитію. Разумѣется, это приложимо къ физическимъ элементамъ только подъ условіемъ ихъ реальности. Но мы еще недостаточно изслѣдовали понятіе бытія, чтобы сказать, подходятъ-ли физическіе элементы подъ это понятіе. Если они подходятъ, то мы должны допустить упомянутую возможность.

12. Безъ сомнѣнія, противъ изложеннаго можно возразить, что бытіе само по себѣ глубже, чѣмъ законъ; что оно имѣетъ законъ, слѣдуетъ закону, осуществляетъ законъ и т. п. Изобрѣтенія, на которыя мы указывали, важнѣе, чѣмъ ихъ законъ; дома важнѣе, чѣмъ ихъ планы. Во всякомъ случаѣ необходимо вещество, сырой матеріаль, который долженъ принять законъ и осуществить его. Но это только старое заблужденіе, и мы можемъ отвѣтить на него, только снова повторяя тѣ, что не разъ уже говорили. Это понятіе имѣетъ нѣкоторое основаніе въ нашемъ опытѣ касательно внѣшняго міра. Мы не создаемъ, а только употребляемъ данный мате-

ріаль. Это понятіе имѣеть, далѣе, приложеніе ко всѣмъ сложнымъ вещамъ. Они также предполагають предыдущее существованіе, изъ котораго они сложены. Но когда мы примѣняемъ теорію къ настоящей реальности, или къ дѣятелю, мы только впадаемъ въ пустоту чистаго бытія. Бытіе никогда не могло-бы ни имѣть закона, ни слѣдовать ему, ни осуществлять его, если-бы законъ не былъ существенъ для бытія, или если-бы бытіе было чѣмъ-нибудь инымъ, а не реализованнымъ закономъ. Двойное искушеніе овладѣваетъ нами здѣсь. Съ одной стороны, мы искушаемся сдѣлать бытіе важнѣе закона, съ другой—искушаемся сдѣлать законъ важнѣе бытія. Въ обоихъ случаяхъ мы ошибочно принимаемъ раздѣльное въ мысли и языкѣ за раздѣльное въ вещи. Природа не въ вещи, и вещь не имѣеть природы. Вещь сама по себѣ составляетъ все; и какъ она не сложена изъ бытія и силы, такъ тѣмъ болѣе она не составлена изъ бытія и природы. Въ дѣйствительности существуетъ единичная вещь, и эта вещь дѣйствуетъ извѣстными опредѣленными путями. На основаніи факта дѣятельности мы образуемъ понятіе силы. На основаніи формы и порядка дѣятельности мы образуемъ правило, которое мы называемъ закономъ дѣйствія вещи. Но, собственно говоря, этотъ законъ не обусловливаетъ собою опредѣленности; онъ только выражаетъ ее для нашей мысли. Онъ даже не управляетъ вещью; но вещь дѣйствуетъ согласно съ нимъ. До сихъ поръ мы говорили о природѣ вещи, какъ о принципѣ, опредѣляющемъ собою форму и порядокъ дѣятельностей вещи; но даже это выраженіе не точно. Эта форма и порядокъ суть первые факты, а не вторые. Они обусловливають законъ, а не обусловливаются имъ. Опредѣленная вещь есть единственная реальность; и различіе вещи и закона существуетъ только въ нашей мысли. Бытіе безъ закона ничто, и законъ безъ бытія также ничто. Такимъ образомъ, мы снова приходимъ къ нашему прежнему положенію, что бытіе есть конкретный порядокъ дѣйствія. Знать этотъ порядокъ значитъ знать вещь въ себѣ или въ ея внутренней сущности. Единственный неразрѣшимый вопросъ въ такомъ случаѣ состоитъ въ томъ, какъ эта формула можетъ

осуществляться въ реальности; но вопросъ, какъ создано бытіе, не принадлежитъ философіи. Она довольствуется болѣе скромнымъ вопросомъ, какъ мы должны мыслить бытіе, послѣ того какъ оно создано. Наше заключеніе теперь сводится, такимъ образомъ, къ тому, что вещь должна быть разсматриваема, какъ конкретный и опредѣленный принципъ дѣйствія.

Архимандритъ Борисъ.

(Продолженіе будетъ).

Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ.

Общая извѣстность Е. В. Амфитеатрова.—Краткій очеркъ его жизни и служебной карьеры.—Его преподаваніе въ московской духовной академіи: общія начала и характеръ этого преподаванія и пріобрѣтенная имъ чрезъ него знаменитость.—Погребеніе его и предположеніе объ учрежденіи стипендіи его имени.

Въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ 20-го числа въ Сергіевскомъ посадѣ совершенно было погребеніе заслуженнаго профессора и почетнаго члена Московской Духовной Академіи Егора Васильевича Амфитеатрова.

Почившій профессоръ былъ старѣйшимъ членомъ современной академической корпораціи, въ которому наиболѣе пріурочивались ея славныя предавія, относящіяся ко времени митрополита московскаго Филарета. Младшій современникъ Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына, неизмѣнный сослуживецъ А. В. Горскаго, онъ самъ долгое время занималъ въ Академіи выдающееся и вліятельное положеніе, какъ въ области преподаванія, такъ и по части управленія ею. Отсюда въ его типической личности почтенная академическая старина представлялась какъ-бы живымъ явленіемъ наставительно дѣйствовавшимъ на умы и сердца окружающихъ. Но это относится, главнымъ образомъ, лишь въ тѣсному кругу его академическихъ сослуживцевъ, всегда окружавшихъ почтеннаго старца самымъ теплымъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Среди нашего общества, на различныхъ ступеняхъ общественной дѣятельности и особенно въ духовно-учебномъ мірѣ, покойный Е. В. Амфитеатровъ также имѣлъ многочисленныхъ

почитателей, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ русской земли. Въ продолженіе своего многолѣтняго служенія въ академіи онъ былъ наставникомъ такого громаднаго числа учениковъ, что въ ихъ средѣ успѣли смѣниться цѣлыя поколѣнія. Всѣ эти ученики уносили, безъ сомнѣнія, самыя теплыя воспоминанія о своемъ талантливомъ профессорѣ,—и можно думать, что для значительнаго большинства ихъ самое представленіе объ Академіи неразрывно соединялось съ личностью Е. В. Амфитеатрова. Мы знаемъ, на примѣръ, что въ кругу его почитателей въ Москвѣ, по поводу пятидесятилѣтія его общественной дѣятельности, имѣвшаго совершиться въ слѣдующемъ году, началась оживленная подписка, чтобы достойно почтить своего бывшаго наставника учрежденіемъ стипендіи его имени въ Академіи. Это значить, что признательная память о немъ не только сохранилась, но и осталась живою и дѣйственною въ сердцахъ его многочисленныхъ учениковъ. Все это повуждаетъ насъ, помануть добрымъ словомъ всѣми уважаемаго поятянаго профессора, чтобы довѣжить въ памяти его многочисленныхъ подзгателей свѣтлыя черты его личности. Къ этому призванъ теперь, каждый изъ нихъ, въ большей или меньшей степени; потому что ничто такъ не соотвѣтствуетъ высшему достоинству человѣческой природы, какъ именно благодарная память къ нашимъ бывшимъ наставникамъ-воспитателямъ, истекающая изъ духовныхъ началъ нашего существа и сродняющая между собою смѣняющіяся поколѣнія.

Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ, родившійся въ 1815 г., былъ сыномъ священника села Гнани орловской губерніи, сѣвскаго уѣзда; и происходилъ изъ замѣчательной своею даровитостію, фамиліи. Фамилія эта дала Россіи митрополита кіевскаго Филарета, архіепископа казанскаго Антонія и С. Е. Раича, извѣстнаго литератора сороковыхъ годовъ и переводчика италіанскихъ поэтовъ: Аріоста и Тасса. Печать необыкновенныхъ дарованій неизмѣнно лежала и на почившемъ профессорѣ.—Свое первоначальное образованіе онъ получилъ въ сѣвскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ въ его время смотрителемъ былъ нынѣшній с.-петербургскій митрополитъ Исидоръ. Отсюда въ 1829 году онъ поступилъ въ орловскую духовную семина-

рію и по окончаніи въ ней курса, какъ лучший воспитанникъ, посланъ былъ, для довершенія своего образованія, въ с.-петербургскую духовную Академію. Здѣсь онъ учился отъ 1835 по 1839 г. и, окончивъ курсъ со степенью магистра богословія, прямо опредѣленъ былъ 17 сентября 1839 года въ московскую духовную Академію бакалавромъ по классу всеобщей словесности. Съ этихъ поръ почившій профессоръ почти не разставался уже съ этою Академіею, посвятивъ преподаванію въ ней свои лучшія силы.

Необыкновенные таланты покойнаго скоро выдвинули его въ средѣ сослуживцевъ и уже въ 1842 году онъ былъ опредѣленъ секретаремъ внутренняго и внѣшняго правленія Академіи, а также и секретаремъ академической конференціи. Эти секретарскія обязанности свои, соединяемая съ профессорствомъ, онъ проходилъ съ отличнымъ успѣхомъ и пользуясь огромнымъ вліяніемъ на весь ходъ академическаго управленія, оказывалъ услуги важныя не только Академіи, но и всему тогдашнему академическому округу. Объ этомъ хорошо знали и въ высшихъ духовно-административныхъ сферахъ, такъ что митрополитъ Филаретъ, цѣня его заслуги, удостоивалъ его неоднократно денежнаго награжденія, въ видѣ единовременной выдачи ему годового овлада жалованья, присвоеннаго секретарской должности.

Въ 1844 г. Е. В. Амфитеатровъ возведенъ былъ въ званіе экстра-ординарнаго профессора академіи, а званіе ординарнаго профессора онъ получилъ 1848 г., при чемъ, спустя немного времени, опредѣленъ былъ членомъ комитета по изданію „*Твореній св. Отцевъ*“ въ русскомъ переводѣ при московской духовной Академіи. 1862 г. онъ былъ Всемилоостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени, а черезъ три года „по вниманію къ 26-лѣтней отлично усердной его службѣ и благотворному вліянію на умственное и нравственное развитіе воспитанниковъ Академіи“, ему была выдана денежная награда въ 640 р. изъ процентовъ капитала, пожертвованнаго митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, по случаю совершившагося пятидесятилѣтняго юбилея Академіи. Свой высшій орденъ св. Владиміра 3-й степени Е. В. Амфитеатровъ получилъ

въ 1869 году, что по тому времени было явленіемъ рѣдкимъ въ средѣ профессоровъ академіи.

Введеніе новаго устава духовныхъ академій въ 1870 году существеннымъ образомъ отразилось на служебномъ положеніи умершаго профессора. Весь составъ наукъ, входившихъ въ кругъ преподаванія Академіи, былъ этимъ уставомъ распределенъ въ ней по тремъ отдѣленіямъ: богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому. Преподаваніе словесности отнесено было къ церковно-практическому отдѣленію и Е. В. Амфитеатровъ, какъ старшій профессоръ, былъ избранъ совѣтомъ Академіи и утвержденъ св. Синодомъ въ должности помощника ректора по этому отдѣленію. Но уже въ 1874 году онъ долженъ былъ оставить свою штатную службу при Академіи, за выслугою окончательнаго, установленнаго въ 59 ст. этого устава духовныхъ академій, 35-лѣтняго, срока своей профессорской дѣятельности. Однакожъ Академія, всегда высоко цѣнившая его заслуги, позаботилась удержать при себѣ опытнаго профессора, пользовавшагося заслуженною извѣстностію, и долгое время поручала ему частное чтеніе лекцій по отдѣлу словесности, причемъ въ 1876 году онъ былъ возведенъ въ званіе заслуженнаго профессора. Эту частную службу свою при Академіи Е. В. Амфитеатровъ соединялъ съ должностію городского головы Сергіева Посада, на которую былъ избранъ еще въ 1873 году. Между прочимъ, за отлично усердное прохожденіе имъ этой службы, онъ, дотошъ вовсе не имѣвшій чинъ, награжденъ былъ, послѣ установленнаго числа выборовъ, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Наконецъ, въ 1884 году вслѣдствіе введенія устава духовныхъ академій еще болѣе новаго, онъ долженъ былъ окончательно оставить свою службу при Академіи, — причемъ послѣдняя сочла своимъ долгомъ выразить ему особую признательность, единогласно избравъ его своимъ почетнымъ членомъ. Такимъ образомъ случилось, что одинъ изъ славнѣйшихъ профессоровъ ея умеръ только въ должностію городского головы, хотя онъ принадлежалъ Академіи въ продолженіи 45 лѣтъ и духовно никогда не разставался съ нею. Е. В. Амфитеатровъ пользовался заслуженною славою талантливаго

и вліятельнаго профессора въ Академіи по кафедрѣ всеобщей словесности и отъ этой его главной заслуги заимствовали свой характеръ и значеніе всѣ другія его занятія въ жизни. Профессорство это неизмѣнно окружало его ореоломъ особеннаго почтительнаго къ нему уваженія, распространеннаго повсемѣстно въ лицѣ его многочисленныхъ учениковъ и выразившагося съ особенною силою при его погребеніи. И дѣйствительно, намъ стоитъ лишь представить себѣ общій характеръ его долговременнаго преподаванія въ Академіи, чтобы понять всю естественность и неотразимость такого настроенія. Этому профессору суждено было вести въ Академіи преподаваніе такого предмета, который способенъ оказывать особенно сильное вліяніе на молодые воспріимчивые умы его слушателей и то, или иное дѣйствіе котораго находится въ наибольшей зависимости отъ способа его постановки. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не способно дѣйствовать всесторонне-образовательно на нашъ духъ, особенно въ юномъ возрастѣ, какъ именно разсмотрѣніе художественныхъ произведеній человѣческаго слова. Это находится въ зависимости отъ самой природы этихъ произведеній. Въ нихъ извѣстная мысль художника-поэта, выражаясь въ образѣ, получаетъ особенную прелесть для ума; а этотъ образъ, воспріятый нашимъ воображеніемъ, могущественно дѣйствуетъ, въ свою очередь, на настроеніе нашего сердца; въ сердцѣ-же нашемъ находится основаніе для опредѣленій нашей воли, т. е. для всей нашей нравственной дѣятельности. Такимъ образомъ, къ воспріятію поэтическихъ произведеній непосредственно открыто все существо нашего духа; потому что они суть продуктъ не отдѣльной лишь духовной силы, а особой гармоніи этихъ силъ, — суть выраженіе всего человѣческаго существа. Е. В. Амфитеатровъ, при свойственной ему пронизательности, какъ нельзя болѣе ясно сознавалъ такой особенный характеръ своего предмета и неизмѣнно руководился этимъ сознаніемъ въ интересахъ здраваго и плодотворнаго его преподаванія. Это было его основное, завѣтное стремленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ неоцѣнимая заслуга предъ своими многочисленными слушателями. Въ этомъ отношеніи имъ всѣмъ памятно, безъ сомнѣнія, съ какимъ достоинствомъ, съ

какимъ благородствомъ и твердостію почтенный профессоръ этотъ всегда держалъ свое знамя, никогда не дѣлая никакихъ уступокъ шаблоннымъ воззрѣніямъ и приемамъ современности, въ справедливомъ сознаніи особенной высоты своего призванія. И вотъ, не смотря на всѣ модныя увлеченія новѣйшаго времени, онъ дѣйствительно стоялъ на этой высотѣ; стоялъ неизмѣнно, какъ человѣкъ отлитый изъ металла, не только не теряя этимъ въ достоинствѣ своего преподаванія, но всегда обяательно дѣйствуя на умы своихъ слушателей.

Но, чтобы оцѣнить заслуги его въ этомъ отношеніи, для этого необходимо обратить вниманіе на состояніе преподаванія этого предмета въ Академіи предъ его поступленіемъ на кафедру и ясно представить себѣ ту почву, съ которой онъ долженъ былъ подняться на эту высоту.

Со времени введенія устава духовныхъ академій 1814 года и до поступленія Е. В. Амфитеатрова на службу въ московскую духовную Академію въ 1839 году, въ ней смѣнялось четыре преподавателя всеобщей словесности, которые всѣ вмѣстѣ прослужили въ ней такимъ образомъ, почти половину того періода времени, какой прослужилъ въ ней онъ одинъ. Само собою разумѣется, что одна уже эта частая смѣна преподавателей вредно отзывалась на состояніи этой кафедры въ Академіи, и дѣйствительно имѣются важныя историческія свидѣтельства, по которымъ введенное этими преподавателями преподаваніе едва ли можно назвать удовлетворительнымъ. Относительно преподаванія перваго изъ нихъ М. Ф. Божавова (1814—1818 г.) ректоръ с.-петербургской духовной Академіи, епископъ ревельскій Филаретъ (впоследствии митрополитъ московскій), бывшій въ 1818 году ревизоромъ московской духовной Академіи, дѣлаетъ слѣдующій отзывъ въ представленномъ имъ отчетѣ по ревизіи: „Уроки всеобщей словесности предложены въ порядкѣ, но мѣстами недостаетъ въ нихъ основательности и ясности. Они звучатъ выраженіями изъ разныхъ новѣйшихъ эстетиковъ, собранными какъ будто для того, чтобы заглушить, а не внушить истину“. Подобный-же отзывъ даетъ митрополитъ Филаретъ и о преподаваніи словесности въ московской духовной Академіи П. И. Доброхотовымъ, преемникомъ

Божанова по кафедрѣ (1818—1832 г.). „Въ урокахъ всеобщей словесности“—говорить онъ, — „часть теоретическая представляется распространенною далѣе предѣловъ потребности училища духовнаго и не довольно ясною по причинѣ обширной иностранной философско-эстетической терминологіи, дающей наукѣ о прекрасномъ видъ безобразія болѣе, нежели основательности“¹⁾.

Правда, въ этихъ отзывахъ могло дѣйствовать также и общее предубѣжденіе митрополита Филарета относительно свѣтскихъ элементовъ преподаванія въ Академіи, но съ этимъ предубѣжденіемъ, какъ извѣстно, имѣлъ дѣло и покойный Е. В. Амфитеатровъ, а однакожъ онъ умѣлъ заслужить здѣсь довѣріе и уваженіе къ себѣ знаменитаго російскаго іерарха. При зоркомъ наблюденіи этого іерарха за преподаваніемъ въ Академіи, отъ него требовался необыкновенный талантъ и огромныя усилія, чтобы не только сохранить въ ней свое служебное положеніе при тогдашней строго-охранительной системѣ, но и удержаться на высотѣ современныхъ требованій преподаванія, особенно при томъ всеобщемъ и сильномъ возбужденіи умовъ къ литературѣ, какое господствовало въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія. Почившій профессоръ примѣнилъ къ дѣлу этотъ талантъ и эти усилія и со славою вышелъ побѣдителемъ изъ представлявшихся ему затрудненій. Все это зависѣло, безъ сомнѣнія, отъ общей постановки имъ своего предмета.

Примѣняясь къ общему философскому складу преподаванія въ московской духовной Академіи, издавна въ ней утвердившемуся, Е. В. Амфитеатровъ и въ общей постановкѣ своего предмета неизмѣнно руководился философскими началами. Въ отношеніи къ этимъ началамъ слѣдуетъ замѣтить, прежде всего, что многія изъ нихъ, несомнѣнно, полны общезначительнаго содержанія и, несмотря на принадлежность свою тогдашней эпохѣ, имѣютъ непреходящее значеніе въ наукѣ. Они сложились у него подъ вліяніемъ самой выдающейся и

¹⁾ С. К. Смирновъ: Исторія Московской Духовной Академіи. Москва, 1879 г. стр. 54—55.

самой грандіозной філософской системы настоящаго вѣка, съ которой доселѣ не сравнилась еще ни одна, именно, въ теоретическомъ ученіи объ искусствѣ. Ею былъ возвѣщенъ міру идеаль античнаго искусства самаго строгаго стиля, который если и не обнимаетъ собою многихъ художественныхъ явленій новѣйшаго челоуѣчества, то все-таки представляетъ собою такой идеаль, который отличается особенною чистотою въ исторіи искусства. Мы разумѣемъ здѣсь общую эстетику В. Ф. Гегеля и гениально обработанную имъ-же систему частныхъ искусствъ. Но должно сказать при этомъ, что нѣкоторыя крайности Гегелевой теоріи были нашимъ профессоромъ или искусно обойдены, или-же талантливо опровергаемы въ своихъ чтеніяхъ. Онъ, напримѣръ, смягчалъ рѣзко проводимое Гегелемъ воззрѣніе о совершенной исключительности классическаго идеала въ искусствѣ, выше котораго ничего въ мірѣ не было и быть не можетъ и съ паденіемъ котораго остается лишь сказать послѣднее: прости художественной дѣйствительности въ челоуѣчествѣ. Профессоръ справедливо рассматривалъ это какъ одностороннее, хотя и строго логическое послѣдствіе гениальной системы, претендовавшей уложить всю многообразную жизнь челоуѣчества въ отвлеченную схему извѣстныхъ моментовъ въ развитіи абсолютной идеи.

Неудивительно, что преслѣдуя указанный идеаль въ своихъ чтеніяхъ, Е. В. Амфитеатровъ, при его необыкновенныхъ личныхъ дарованіяхъ, явился для своихъ слушателей такимъ теоретикомъ искусства, которому они не знали равнаго въ своемъ отечествѣ. Въ то же время, вводимыя имъ здѣсь нѣкоторыя ограниченія въ развитіи общихъ началъ гегеліанской эстетики плодотворно отражались на историческомъ отдѣлѣ его курса, обуславливая ненасилованное примѣненіе общей теоріи къ разсмотрѣнію историческихъ памятниковъ всеобщей литературы. Особенно благія послѣдствія имѣло это обстоятельство для его исторіи новой русской литературы, важнѣйшимъ произведеніямъ которой онъ посвящалъ довольно обширный отдѣлъ въ своихъ чтеніяхъ. Многимъ изъ его слушателей, безъ сомнѣнія, памятны здѣсь нѣкоторыя изъ его замѣчательныхъ характеристикъ, съ которыми, по блеску, не могло ничто

сравниться въ нашей ученой литературѣ и для слушанія которыхъ обыкновенно собирались студенты изъ всѣхъ курсовъ и со всѣхъ отдѣленій Академіи.

Но при разсмотрѣніи общихъ началъ преподаванія почившаго Егора Васильевича Амфитеатрова, къ особенному достоинству его слѣдуетъ отнести еще то обстоятельство, что онъ никогда не отклонялся отъ нихъ въ угоду разнымъ новомоднымъ воззрѣніямъ и во все продолженіе своего служенія на кафедрѣ остался неизмѣнно вѣренъ своему идеалу. Эта постоянная вѣрность его себѣ, о которой мы уже имѣли случай упомянуть, въ сущности означала въ немъ такое глубокое проникновеніе своими началами, по которому они просто слились съ его нравственнымъ бытіемъ и остались неизмѣнными, въ силу удивительной крѣпости нравственнаго состава его личности. Нѣтъ сомнѣнія, что только очень сильные умы могутъ быть столь твердыми и такъ характерно выразительными въ своихъ научныхъ убѣжденіяхъ и пріемахъ, потому что они не заимствуютъ ихъ лишь напрокатъ, но претворяютъ въ собственную плоть, и разъ выработавъ, сродняются съ ними совершенно. Здѣсь, такимъ образомъ, не было ничего подобнаго извѣстному застою въ наукѣ: это была только необыкновенная цѣльность характера, сопровождаемая чувствомъ собственного достоинства, возникшимъ изъ инстинктивнаго сознанія внутренней мощи въ защитѣ провозглашаемыхъ воззрѣній. Именно, только подобныя личности, въ которыхъ раздѣляемая ими начала образуютъ ихъ отличительный характеръ, собственно и могутъ имѣть то или иное значеніе въ наукѣ; а уже вовсе—не механическіе протоколисты въ ней ходячихъ воззрѣній минуты.

И вотъ, именно, эта горячая и непоколебимая вѣра въ свой идеалъ оказывала самое могущественное и плодотворное дѣйствіе на молодые и воспріимчивые умы, особенно при томъ неуклонномъ и талантливомъ примѣненіи его къ разсмотрѣнію художественныхъ произведеній словесности, какимъ отличался въ высшей степени Е. В. Амфитеатровъ. Она изощряла вкусъ его слушателей къ воспріятію тончайшихъ отношеній прекраснаго, постоянно указывая на образцы его идеальнаго

совершенства въ человѣчествѣ. Она ограждала ихъ сердца отъ постыднаго увлеченія произведеніями ложнаго искусства, не только уклоняющимися отъ истиннаго идеала, но и вовсе лишенными всякаго идейнаго содержанія и льстящими лишь грубымъ инстинктамъ нашей природы. Но, что всего важнѣе, она устраняла дѣйствіе на нихъ разныхъ суемудрствующихъ и тенденціозныхъ твореній, въ которыхъ искусство становилось не цѣлю, а только средствомъ, и которыя покойникъ искренно ненавидѣлъ. Словомъ, какъ-бы ми ни разсуждали объ этомъ, одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что высокоталантливое служеніе почившаго профессора идеалу чистой красоты всегда уносило духъ его слушателей въ свѣтлую область міра идеальнаго и потому какъ нельзя болѣе совпадало съ особенными религіозными задачами высшаго духовнаго образованія въ Академіи.—Въ этомъ отношеніи къ нему въ особенности примѣнимы слова одного изъ извѣстныхъ нашихъ церковныхъ ораторовъ, который, печально наблюдая какъ одинъ за другимъ) переселяются въ другой міръ наши лучшіе дѣятели, и спрашивая: отчего и чѣмъ они были такъ сильны, крѣпки и могучи, — отвѣчаетъ: „Оттого, что въ своемъ первоначальномъ, подготовительномъ развитіи они воспитались на началахъ возвышеннаго философскаго идеализма, который укрѣплялъ ихъ умъ, открывалъ воображеніе, расширялъ ихъ духовный кругозоръ и возвышалъ духовное ихъ созерцаніе, постоянно удерживая ихъ мысли и чувства въ области высшей, духовной. Еще болѣе и главнымъ образомъ оттого, что такой чисто человѣческій, естественный путь ихъ развитія совершался подъ животворнымъ воздѣйствіемъ благодатныхъ началъ истиннаго православнаго христіанства, составляющаго коренное и основное духовно-жизненное начало народа русскаго, безъ котораго онъ сдѣлался-бы мертвымъ трупомъ“. Такимъ, именно, внутреннимъ складомъ отличалась личность почившаго Е. В. Амфітеатрова и представителемъ, именно, этого духовнаго міросозерцанія онъ неизмѣнно являлся во все продолженіе своего многолѣтняго служенія на кафедрѣ. Здѣсь, такимъ образомъ, находится основаніе всѣхъ его блестящихъ успѣховъ въ преподаваніи и общая причина объясняющая то благотвор-

ное вліяніе на своихъ слушателей, которое за нимъ было признаваемо, какъ мы видѣли, и со стороны высшаго академическаго начальства.

И однакожь это была одна общая и, такъ сказать, теоретическая сторона преподаванія всеобщей словесности, веденнаго почившимъ Е. В. Амфитеатровымъ столь продолжительное время въ московской духовной Академіи. Наибольшее-же удивленіе въ его слушателяхъ всегда возбуждало то замѣчательное мастерство, съ какимъ онъ проводилъ въ немъ указанное свое философское воззрѣніе. Можно сказать, что при современномъ обиліи научныхъ пособій по этому предмету, теперь во многихъ случаяхъ трудно даже и соразмѣрить это мастерство. Ему часто приходилось дѣйствовать здѣсь собственными силами, чтобы восполнить встрѣчавшіеся пробѣлы,—и вотъ словно для такого самостоятельнаго дѣйствованія природа одарила его рѣдкимъ преизбыткомъ дарованій. Почившій профессоръ обладалъ умомъ свѣтлымъ, ясновидящимъ, устремлявшимся въ самую глубину предмета, быстро схватывавшимъ его наиболѣе характеристическія черты и всегда о немъ судившимъ по его существеннымъ и необходимымъ основаніямъ. Съ такимъ умомъ въ немъ соединялось чувство тонкое, отзывчивое и воспріимчивое, исполненное пламеннаго энтузіазма къ словеснымъ произведеніямъ выдающагося художественнаго достоинства и открытаго благороднаго негодованія къ отрицательнымъ явленіямъ въ литературѣ. И все это завершалось въ немъ даромъ слова удивительнымъ, способнымъ мѣтко обозначать малѣйшіе оттѣнки и въ идеяхъ и въ предметахъ и въ своемъ свободномъ господствѣ надъ формою, достигавшемъ рѣдкой художественной выразительности и изящества. Словомъ, это была всѣмъ памятная и всѣхъ удивлявшая такая полнота духовныхъ силъ, которая очаровывала вниманіе слушателей даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нимъ можно было не соглашаться и которая должна быть объясняема въ немъ столько-же пройденною имъ школою, сколько и упомянутою наслѣдственностію въ его фамиліи.

Въ особенности для преподаванія науки словесности въ высшей степени благопріятнымъ оказывалось такое рѣдкое сов-

мѣщеніе духовныхъ силъ; потому что изъ него непосредственно возникалъ въ почившемъ профессорѣ его необыкновенный талантъ, къ характеристикѣ. Многія изъ характеристикъ, которыми вообще изобиловали его чтенія, были по-истинѣ замѣчательны. Полныя силы и огня, блиставшія необыкновенною подвижностію фантазіи, изливавшія въ свободномъ потокѣ художественно-изобразительной рѣчи, поражавшей неожиданностію своихъ оборотовъ, — они вызывали живой восторгъ и изумленіе его многочисленныхъ слушателей, обыкновенно заранѣе ихъ ожидавшихъ. Впослѣдствіи, наблюдая иногда, какъ онъ собственными усиліями создавалъ эти характеристики на основаніи одной лишь подходящей страницы какого-нибудь стариннаго руководства, приходилось только удивляться его мощному таланту въ этомъ отношеніи. Было очевидно, что въ его собственной натурѣ лежали художническіе инстинкты, помогавшіе ему въ этомъ; такъ какъ именно въ этой области наиболѣе примѣнимо древнее изреченіе: „подобное познается только подобнымъ-же“.

Къ сожалѣнію умершій профессоръ весьма рано получилъ нерасположеніе къ печатанію своихъ произведеній и изъ печатныхъ трудовъ его, по которымъ можно судить о характерѣ его преподаванія, извѣстны въ литературѣ только два: „Общій характеръ священной поэзіи у Евреевъ“, (см. Прибавл. къ Твореніямъ св. отцевъ 1847 г. V т.) и „О существѣ и свойствахъ художественной дѣятельности“ (см. Прибавл. къ Твор. св. отцевъ 1872 г. 25 т.). При необыкновенно развитомъ въ немъ самолюбіи и живомъ чувствѣ собственнаго достоинства, большое значеніе имѣла здѣсь, безъ сомнѣнія, исторія печатанія перваго изъ указанныхъ его произведеній, которое митрополитъ Филаретъ, судя съ строго церковной точки зрѣнія, назвалъ въ письмѣ своемъ на имя ректора академіи (архимандрита Алексія, впослѣдствіи архіепископа тверскаго) не вполне соответствующимъ назидательному характеру академическаго журнала ¹⁾ и успокоился лишь тогда, ког-

¹⁾ Письма Филарета митропол. московск. къ тверск архіепископу Алексію. Москва. 1883 г. 25—26 стр.

да встрѣтилъ самыя лестныя отзывы о немъ въ „Москвитянинъ“ и въ „Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія“¹⁾. Но, какъ-бы то ни было, можно сказать не обинуясь, что и одной преподавательской дѣятельности почившаго профессора вполне достаточно, чтобы стяжать ему всеобщую почетную извѣстность.

И дѣйствительно, Е. В. Амфитеатровъ, при указанной нами общей постановкѣ своего преподаванія и при столь талантливомъ его исполненіи, занималъ мѣсто въ числѣ лучшихъ украшеній любимой имъ московской духовной Академіи,—и притомъ занималъ его неизмѣнно во все продолженіе своего долговременнаго служенія на кафедрѣ. Отъ старѣйшихъ воспитанниковъ этой академіи до сихъ поръ еще можно выслушивать самыя лестныя и даже восторженныя отзывы о раннемъ періодѣ его профессорской дѣятельности, изъ которыхъ нѣкоторыя стали извѣстны и въ печати. Такъ, недавно умершій публицистъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, самъ бывший профессоромъ въ академіи, въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ: „съ восторгомъ, чуть не съ поклоненіемъ студенты отзывались объ Е. В. Амфитеатровѣ. То была пора, когда и до академіи дошло увлеченіе Гегелемъ. На все, что пахло Гегелемъ, бросались съ жадностію; а Е. В. Амфитеатровъ въ Эстетикѣ держался Гегелевой терминологіи и слѣдовалъ за нимъ въ методѣ“²⁾. Еще болѣе сочувственный и характеристическій отзывъ о томъ-же предметѣ дѣлаетъ и другой, не менѣе талантливый питомецъ академіи, нынѣшній редакторъ журнала „Дѣтская помощь“, протоіерей Г. П. Смирновъ-Платоновъ: „Вліятельнымъ лицомъ на кафедрѣ для философскаго курса“—говоритъ онъ—„былъ профессоръ эстетики и словесности, считавшійся въ концѣ сороковыхъ годовъ еще представителемъ современности, памятный всѣмъ слушавшимъ его лекціи, Е. В. Амфитеатровъ. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на студентовъ и не столько по специальности своей ка-

¹⁾ Дневникъ А. В. Горскаго: Прибавл. къ Твор. св. отцевъ 1884 г. 34 т. 312—313 стр.

²⁾ Гиляровъ-Платоновъ: „Изъ Пережитаго“. Москва 1886 г. II т. 340 стр.

едры, сколько по общимъ началамъ и возрѣніямъ; съ этой общей точки зрѣнія студенты только и цѣнили лекціи всѣхъ профессоровъ академіи, — заниматься спеціально предметомъ курса никто не думалъ, каждый хотѣлъ приобрѣсти только свѣтъ, въ которомъ надѣялся потомъ самъ быть самостоятельнымъ дѣятелемъ. Амфитеатровъ читалъ намъ философію эстетики Гегеля необычайно даровито обработанную и такъ удачно проведенную по всему курсу, что лекціи казались цѣльно и сознательно обработаннымъ курсомъ. Профессоръ обладалъ счастливою способностію — претворять въ свою собственность все, что встрѣчалъ на своемъ пути изъ богатыхъ иностранныхъ литературъ... Студентовъ занимали больше всего философскія начала: не пропущено было ни одной лекціи Амфитеатрова безъ долгихъ споровъ и толковъ въ студенческихъ кружкахъ... Студенты въ складчину выписывали новѣйшіе журналы, разрѣзывали каждую книжку на отдѣлы и даже статьи, читали до умопомраченія и на первой-же лекціи своего профессора слышали отзывы о послѣднихъ новостяхъ журналистики или восхищавшіе или казавшіеся парадоксами и вызывавшіе безконечные споры¹⁾. — Эта высокая слава преподаванія Е. В. Амфитеатрова, начавшаяся, такимъ образомъ, съ перваго времени его преподаванія, оставалась, какъ извѣстно, неизмѣнною и до его позднѣйшихъ учениковъ. Его всегда любили и глубоко почитали эти ученики, относившіеся съ особенною ревностію къ слушанію и изученію преподаваемого имъ курса. Одобреніе въ студенческихъ занятіяхъ этого опытнаго и уважаемаго профессора всегда имѣло особенную цѣнность и служило предметомъ благороднаго соревнованія со стороны лучшихъ воспитанниковъ академіи.

Кончина Е. В. Амфитеатрова послѣдовала 17-го мая во 2-мъ часу дня. Едва только вѣсть о ней распространилась въ Посадѣ, какъ многочисленные сослуживцы и почитатели усопшаго поспѣшили ко гробу его, чтобы отслужить или отстоять по немъ панихиду. Панихиды эти продолжались по

¹⁾ „Дѣтская помощь“. Къ читателямъ и сотрудникамъ. Москва 1885 г. 84—85 стр.

что непрерывно до вечера 19 мая, когда послѣдовалъ выносъ тѣла покойнаго изъ дома въ приходскую церковь Вознесенія. Этотъ выносъ съ особенною торжественностію совершалъ во главѣ многочисленнаго духовенства, ректоръ виванской духовной семинаріи архимандритъ Іаковъ, въ сопровожденіи профессоровъ и студентовъ Академіи и огромной массы народа; по внесеніи гроба въ церковь, имъ-же была отправлена здѣсь заупокойная всенощная. На другой день съ 10-ти часовъ утра Преосвященнымъ ректоромъ московской духовной Академіи, епископомъ Волоколамскимъ Христофоромъ, совершена была заупокойная литургія въ сослуженіи многочисленнаго духовенства и съ хоромъ пѣвчихъ изъ студентовъ академіи. За литургіей во время причащаемаго стиха было произнесено прекрасное слово однимъ изъ учениковъ усопшаго, священникомъ Ново-Пименовской церкви въ Москвѣ В. М. Славскимъ, а при отпѣваніи, которое также совершилъ Преосвященный Христофоръ, сказалъ рѣчь профессоръ академіи В. А. Соколовъ. Изъ церкви печальное шествіе, въ сопровожденіи массы народа, направилось на Вознесенское кладбище, мѣсто погребенія усопшаго. Здѣсь, предъ опущеніемъ гроба въ могилу, также были произнесены рѣчи: учениками покойнаго, доцентами академіи І. А. Татарскимъ и И. А. Заозерскимъ, и директоромъ мѣстной прогимназіи, учрежденной стараніями покойнаго, Н. И. Тихомировымъ.

Послѣ погребенія, въ обширной залѣ городской думы предложенъ былъ многочисленному обществу поминальный обѣдъ, на которомъ произнесены были рѣчи профессорами академіи: П. И. Казанскимъ, Д. Ѳ. Голубинскимъ и Н. И. Субботинимъ. Послѣдній закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ обращеніемъ въ слушателямъ: „Почтимъ память нашего дорогаго наставника чѣмъ нибудь болѣе прочнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ нашему чувству. Позвольте предложить вамъ теперь-же начать сборъ добровольныхъ привошеній или для памятника на могилу покойнаго, или для составленія особаго „Амфитеатровскаго“ капитала въ братствѣ преподобнаго Сергія, изъ процентовъ котораго выдавалось-бы пособіе одному изъ бѣдныхъ студентовъ. Быть можетъ подписка, въ которой, какъ можно надѣяться, примутъ

участіе и неприсутствующіе здѣсь многочисленныя ученики и почитатели Егора Васильевича, дать возможность осуществить тотъ и другой изъ предлагаемыхъ мною способовъ почтить достойнымъ образомъ память нашего дорогаго покойника. Первый полагаю лепту на это дѣло и прошу не отвергнуть моего предложенія“.

Доброе предложеніе уважаемаго профессора встрѣтило себѣ общее сочувствіе и между присутствующими тотъ-часъ-же началась усердная подписка.—Нельзя сомнѣваться, что съ такимъ-же вниманіемъ отнесутся къ этому предложенію и всѣ бывшіе, особенно недавніе ученики Е. В. Амфитеатрова, обязанные ему важнѣйшими пріобрѣтеніями въ своей высшей школѣ. Стоитъ лишь представить себѣ, какой огромный талантъ вложилъ онъ въ свое преподаваніе и какое могущественное вліяніе оказывалъ онъ на общее развитіе своихъ слушателей, чтобы предъ этой свѣжей его могилой невольно сказалось: вѣчная память тебѣ дорогой и незабвенный наставникъ! А между тѣмъ осуществленіе предложенія, сдѣланнаго профессоромъ Н. И. Субботинимъ, не только можетъ содѣйствовать сохраненію этой памяти, но и способно фактически увѣковѣчить ее въ грядущихъ поколѣніяхъ.

Э. М.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Іюня № 12. 1888 года.

Содержаніе: Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Разрядной списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи за 1887/88 учебный годъ.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища за тотъ-же годъ.—Списокъ воспитаницъ IV и V классовъ того-же училища за тотъ-же годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества симъ извѣщаетъ, что въ составъ суммъ Комитета въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ сего года поступило: отъ настоятеля Высочиновскаго Казанскаго монастыря, собранныхъ въ недѣлю Православія, 3 руб., поступило собранныхъ по церквамъ въ недѣлю Православія отъ благочиннаго 1 округа Зміевского уѣзда 82 р., отъ Андрея Николаевича Оберемокъ 3 р., собрано священникомъ Іоанномъ Приходнымъ отъ разныхъ лицъ 5 р., поступило отъ благочиннаго 2 округа Харьковскаго уѣзда собранныхъ въ недѣлю Православія 41 р. 19 коп., поступило отъ благочиннаго 2 округа Валковскаго уѣзда собранныхъ въ недѣлю Православія 73 р. 74 к., отъ Ѳедора Ивановича Мирошниченко 3 р., Антонія Васильевича Коваленко 3 р., поступило отъ благочиннаго 5-го округа Старобѣльскаго уѣзда собранныхъ въ недѣлю Православія 67 р. 9 к., представлено благочиннымъ 3 округа Лебединскаго уѣзда собранныхъ въ церквахъ ввѣреннаго ему округа въ недѣлю Православія 62 р. 70 к., собрано: священникомъ Іаковомъ Подольскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 30 к., священникомъ Васиіемъ Хижняковымъ отъ разныхъ лицъ 85 коп., священникомъ Іоанномъ Исиченномъ отъ разныхъ лицъ 55 коп., священникомъ Кирилломъ Чебановымъ отъ разныхъ лицъ 45 к., священникомъ Ѳедоромъ Доброславскимъ отъ разныхъ лицъ

2 р., священникомъ Никономъ Панкратьевымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священникомъ Василиемъ Рудинскимъ отъ разныхъ лицъ 4 р., отъ священ. Димитрія Попова 1 р. 75 к., собрано: священникомъ Николаемъ Артемьевымъ отъ разныхъ лицъ 20 к., священникомъ Михаиломъ Капустянскимъ отъ разныхъ лицъ 60 к., священникомъ Мелетіемъ Черняевымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священникомъ В. Кіановскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 16 к., священникомъ Григоріемъ Гревизирскимъ отъ разныхъ лицъ 6 р., священникомъ Георгіемъ Давидовымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 50 коп., священникомъ Николаемъ Акимовымъ отъ разныхъ лицъ 20 к., отъ священника Стефана Филиппова 1 р., собрано: священникомъ Теодоромъ Дюковымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священникомъ Георгіемъ Хвжняковымъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 80 к., священникомъ Григоріемъ Рудинскимъ отъ разныхъ лицъ 3 руб., отъ Михаила Семеновича Игнатова 3 руб., получено при рапортѣ Базалѣевского сельскаго старосты Волчанскаго уѣзда отъ 28 марта за № 45 собранныхъ членомъ Комитета Емельяномъ Васильевымъ Бурмою 31 р., получено отъ благочиннаго 2-го округа Сумскаго уѣзда собранныхъ въ церквахъ ввѣреннаго ему округа въ недѣлю Православія 132 р. 13 к., Захарія Іосифовича Надточій 3 р., представлено благочиннымъ 1 округа Сумскаго уѣзда собранныхъ въ церквахъ ввѣреннаго ему округа въ недѣлю Православія 146 руб., представлено благочиннымъ 2 округа Богодуховскаго уѣзда собранныхъ въ церквахъ ввѣреннаго ему округа въ недѣлю Православія 97 руб., отъ купца Пантелеймона Алексѣевича Климова 3 р., собрано священникомъ Волчанскаго уѣзда, сл. Волчанскихъ хуторовъ Казанско-Богородичной церкви Игнатіемъ Оеденковымъ въ недѣлю Православія 36 руб. 40 коп., представлено благочиннымъ Харьковскихъ безприходныхъ церквей, священникомъ Стефаномъ Любичскимъ, собранныхъ въ недѣлю Православія по церквамъ ввѣреннаго ему округа именно: въ церкви Александровской 1-й гимназіи 11 руб. 73 к., Усѣкновенской Кладбищенской 3 р., Константино-Еленовской дѣтскаго пріюта 11 р. 75 к., Царице-Александровской исправительнаго отдѣленія 2 р. 27 к., Преображенской благотворительнаго общества 4 р. 21 к., Антопѣвской университета 7 р. 95 к., Іоанно-Богословской семинаріи 5 р. 50 коп., Іоанно-Богословской духовнаго училища 3 р. 17 к., Александро-Невской богоугодныхъ заведеній 2 р. 20 к., Іоанно-Златоустовской земледѣльческаго училища 10 руб., отъ вдовы подполковника Елены Карловны Фонъ-Фестъ 3 р., дворянки Анны Юліановны Юшкевичъ 3 руб., купца

Алексѣя Николаевича Хлѣбникова 10 р., поступило отъ благочиннаго 4 округа Харьковскаго уѣзда собранныхъ въ церквахъ ввѣреннаго ему округа въ недѣлю Православія 70 р. 90 к., получено отъ протоіерея Харьковской Димитріевской церкви о. Іоанна Чижевскаго собранныхъ имъ въ недѣлю Православія отъ слѣдующихъ лицъ: Анны Чаговецъ 1 р., крестьянина Петра Емельяновича Прокопенко 3 р., тайнаго совѣтника Александра Ивановича Петрова 10 руб., Ѳомы Павловича Смотрицкаго 3 руб., статскаго совѣтника Александра Ивановича Шафоростова 3 руб., подполковника Ефимія Григорьевича Гвоздиковъ 3 р., кандидата правъ Александра Семеновича Иларіонова 3 р., Александра Александровича Юзефовича 3 р., подполковника Александра Никоновича Куликовскаго 28 р., Екатерины Николаевны Драшковской 3 р., дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Владиміровича Граве 3 руб., тайнаго совѣтника Воронцова-Вельяминова 3 р., Гликеріи Новиковой 1 р., Константина Петровича Уткина 3 р., Иларіона Игнатьевича Муравьева 3 р., Ивана Александровича Шаховскаго 3 руб., дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Николаевича Бурнашева 3 р., представлено благочиннымъ 1 округа Старобѣльскаго уѣзда собранныхъ въ церквахъ ввѣреннаго ему округа въ недѣлю Православія 100 р., поступило отъ благочиннаго 1 округа Богодуховскаго уѣзда собранныхъ въ церквахъ ввѣреннаго ему округа въ недѣлю Православія 59 р. 48 к., прислано при отношеніи Харьковской духовной консисторіи собранныхъ благочиннымъ 2 округа Изюмскаго уѣзда въ недѣлю Православія 30 р. 10 коп., получено отъ благочиннаго 2-го округа Лебединскаго уѣзда собранныхъ въ церквахъ ввѣреннаго ему округа въ недѣлю Православія 26 руб. 58 к., отъ Тимофея Михайловича Пенези 3 р., Василя Кононовича Коваленко 3 руб.

Итого въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1888 года поступило 1283 р. 45 к. А всего съ поступившими съ 1 января 1888 г. 4097 р. 8 к.

Всѣхъ ревнителей Православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія между язычниками, Комитетъ покорнѣйше просить присылать свои пожертвованія непосредственно въ Комитетъ при харьковскомъ архіерейскомъ домѣ или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* руб. или же одновременно не менѣе *шестидесяти* руб.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1887—88 учебный годъ.

VI К Л А С С А.

Окончившіе курсъ семинаріи.

Разрядъ 1-й. 1. Раевскій Иванъ, Мураховскій Стефанъ, Соколовъ Николай, Слюсаревъ Димитрій—за отличныя успѣхи и поведеніе награждаются медалями, 5. Чебановъ Григорій, Соколовскій Димитрій, Никулищевъ Егоръ, Ковалевъ Михаилъ—награждаются книгами, Протопоповъ Стефанъ 10. Самойловъ Павелъ, Гончаревскій Аполлонъ, Введенскій Иванъ, Александровъ Григорій, Пономаревъ Иванъ, 15. Никулищевъ Николай. *Разрядъ 2-й.* Поповъ Владиміръ, Клечновъ Михаилъ, Любарскій Алексѣй, Пестряковъ Поликарпъ, 20. Перцевъ Сергѣй, Рокитянскій Иванъ, Кузнецовъ Григорій, Юшковъ Михаилъ, Яковлевъ Александръ, 25. Клементьевъ Тихонъ, Орловъ Михаилъ, Синеоковъ Петръ, Кирилловъ Александръ, 29. Вертеловскій Павелъ.

V К Л А С С А,

Переводятся въ VI классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Мухинъ Николай, Соколовскій Василій,—награждаются книгами, Приходьковъ Арсеній, Горбуновъ Василій 5. Стаховскій Алексѣй, Гогинъ Иванъ, Быковъ Адрианъ, Щепинскій Александръ. *Разрядъ 2-й.* Твердохлѣбовъ Николай, 10. Васильковскій Михаилъ, Кибальниковъ Константинъ, Гораинъ Иванъ, Яновскій Александръ, Кибальниковъ Ѳедоръ, 15. Котляревскій Михаилъ, Лобковскій Иванъ, Панкратьевъ Ѳедоръ, Арефьевъ Николай, Навродскій Алексѣй, 20. Полянскій Никифоръ, Василевскій Иванъ, Смирнскій Александръ, Ильинскій Павелъ, Панкратьевъ Евменій, 25. Евѣимовъ Викторъ, Мухинъ Ѳедоръ, Смирновъ Михаилъ, Мощенковъ Александръ. Допускается къ переводу замѣнѣ послѣ каникулъ, 29. Артюховскій Алексѣй—по греческому языку.

IV К Л А С С А.

Переводятся въ V классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Ястремскій Василій, Григоренко Михаилъ—награждаются книгами, Малиженевскій Николай, Лисенко Яковъ.

Разрядъ 2-й. 5. Оаворовъ Николай, Сукачевъ Василій 2-й, Капустинъ Николай, Мещеряковъ Стефанъ, Ооминъ Павелъ, 10. Быковъ Антоній, Ситенко Василій, Субботинъ Александръ, Заводовскій Оедоръ, Загурскій Веніаминъ, 15. Бѣликовъ Петръ, Агнивцевъ Евлампій, Оедоровъ Константинъ, Загурскій Владиміръ, Торанскій Георгій, 20. Найдовскій Яковъ, Молчановъ Оедоръ, Поповъ Георгій, Сукачевъ Василій 1-й, Ястремскій Николай, 25. Смирнскій Виссаріонъ, Оеденко Оеоктистъ, Дзюбановъ Николай, Шебатинскій Яковъ, Войтовъ Михаилъ, 30. Посельскій Порфирій, Черняевъ Павелъ, Щербина Митрофанъ, Веселовскій Николай, Ветуховъ Михаилъ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ, 35. Илларионовъ Ксенофонтъ—по философіи, Петровскій Иванъ—по психологіи, Крыжановскій Василій—по физикѣ, Калюжный Николай—по латинскому языку, Навродскій Петръ—по священному писанію, 40. Филевскій Евсигней—по гомилетикѣ, Фесенко Владиміръ, Щепинскій Николай—по греческому языку, Чиркинъ Стефанъ—по церковному пѣнію, Рогальскій Василій—по церковному пѣнію и къ написанію русскаго сочиненія, 45. Бутковскій Стефанъ—по латинскому и греческому языкамъ, Королевъ Игнатій, Стахевичъ Яковъ—по философіи и греческому языку. Допускается къ экзамену послѣ каникулъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ не подвергался испытанію, уволенный въ домъ родителей прежде окончанія экзаменовъ по случаю смерти матери, —Ткаченко Филиппъ, оставляется въ томъ же классѣ по болѣзни Эвенховъ Иванъ, увольняется изъ семинаріи, по прошенію, 50. Черняевъ Елеазаръ.

III нормального класса переводятся въ IV классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Никольскій Иванъ—награждается книгою, Шепелевскій Егоръ, Недригайловъ Александръ, Слюсаревъ Илья, 5. Чудновскій Василій, Гончаровъ Николай. *Разрядъ 2-й.* Гогиинъ Михаилъ, Косьминъ Сергѣй, Жадановскій Антонинъ, 10. Черняевъ Петръ, Дьяковъ Константинъ, Мухинъ Андрей, Яновскій Петръ, Оедоровскій Оома, 15. Сулима Оедоръ, Давидовскій Александръ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Ждановъ Григорій—по греческому языку, Лазаревскій Сергѣй—по логикѣ и гражданской исторіи, Чудновскій Семень—по церковной исторіи и греческому языку, 20. Торанскій Митрофанъ—къ написанію русскаго экзаменскаго сочиненія. Оставляются въ томъ же классѣ: Будянскій Павелъ—по малоуспѣшности, 29. Матвѣевъ Димитрій—по болѣзни.

III параллельнаго класса переводятся въ IV классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Пономаревъ Захарій — награждается книгою, Прядкинъ Леонидъ. *Разрядъ 2-й.* Уманцевъ Гавриль, Якубовичъ Лука, 5. Анисимовъ Олимпъ, Клементьевъ Андрей, Евецкій Ѳедоръ, Тимошеевъ Петръ, Тимошеевъ Ѳедоръ, 10. Бугуцкій Валентинъ, Макаровский Гавриль, Ковалевъ Александръ, Лобковский Николай, Эннатскій Василій, 15. Яковлевъ Павелъ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Склабинскій Петръ—по математикѣ, Курганскій Иванъ—по церковной исторіи, Вышемирскій Павелъ, Золотаревъ Андрей—къ написанію русскаго экзаменскаго сочиненія. Оставляются въ томъ-же классѣ: Дюковъ Алексѣй—по болѣзни, 21, Поповъ Николай—по малоуспѣшности.

II нормальнаго класса переводятся въ III классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Бѣлогорскій Николай, Давиденко Василій—награждаются книгами, Николаенко Григорій, Уманцевъ Сергѣй. *Разрядъ 2-й.* 5. Бѣлоусовъ Василій, Курдюмовъ Михаилъ, Курдюмовъ Николай, Лобковский Александръ, Рубинскій Иванъ, 10. Могилянскій Михаилъ, Мураховскій Ѳедоръ, Слѣпцовъ Ефремъ, Христіановскій Ѳедоръ, Кутеповъ Платонъ, 15. Поповъ Александръ, Яновскій Николай, Антоновичъ Константинъ, Добрецкій Андрей. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Труфановъ Василій—по латинскому письменному упражненію, 20. Владыковъ Павелъ—по латинскому языку, Власовъ Павелъ, Чудновскій Александръ—по греческому языку, Уманцевъ Адрианъ—по русскому сочиненію, Жуковъ Даніиль—по гражданской исторіи, Ястремскій Василій—по греческому языку и латинскому письменному упражненію, 26. Лихницкій Леонидъ—по церковному пѣнію и латинскому письменному упражненію.

II параллельнаго класса переводятся въ III классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Курасовскій Сергѣй—награждается книгою, Дюковъ Афанасій. *Разрядъ 2-й.* Головковъ Георгій, Ѳедоровскій Маркіанъ, 5. Ставровскій Петръ, Ковалевъ Петръ, Полтавцевъ Петръ, Мухинъ Василій, Татариновъ Василій, 10. Петровъ Яковъ, Поповъ Александръ, Бѣлоусовъ Аватолій, Васютинъ Іосифъ, Петрусенко Василій, 15. Ѳедоровъ Царевній, Чугаевъ Сергѣй, Чаговцовъ Стефанъ, Бочаровъ Павелъ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Прокофьевъ Димитрій, 20. Власовскій Петръ, Щелкуновъ

Андрей, Ѡминъ Иванъ—къ написанію рускаго экзаменскаго сочиненія, Крутьевъ Егоръ—по греческому языку и по латинскому и греческому упражненіямъ, Кузьминъ Ѡедоръ—по латинскому упражненію, 25. Толмачевъ Иванъ—по греческому языку, по гражданской исторіи и къ написанію рускаго сочиненія. Оставляется въ томъ-же классѣ по болѣзни Фесенко Митрофанъ. Будетъ уволенъ изъ семинаріи, если послѣ каникулъ не выдержитъ удовлетворительно экзамена по всѣмъ предметамъ 2 класса, 27. Маркіановъ Николай.

I нормальнаго класса переводятся во II классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Васютинъ Гавріиль, Коротковъ Сергѣй—награждаются книгами, Дьяковъ Александръ, Воскобойниковъ Михаилъ, 5. Красинъ Николай, Соколовскій Василій. *Разрядъ 2-й.* Войтовъ Ѡедоръ, Мартыновъ Яковъ, Ладенко Пантелеймонъ, 10. Грищенко Иванъ, Посельскій Василій, Люминарскій Андрей, Склабинскій Дмитрій, Обрѣзковъ Георгій, 15. Баженовъ Михаилъ, Чиркинъ Василій, Жуковскій Павелъ, Рудинскій Василій, Трипольскій Андрей, 20. Щелоковскій Павелъ, Молчановъ Петръ, Дикаревъ Иванъ, Степурскій Павелъ, Жилинъ Иванъ, 25. Григоровичъ Александръ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ—Гагаринъ Сергѣй—по священному писанію и греческому языку, Дашкѣевъ Павелъ—по греческому языку, Радіоновъ Іосифъ—по математикѣ и по русскому сочиненію, Арбузовъ Василій—къ написанію рускаго экзаменскаго сочиненія, 30. Грищенко Алексѣй—къ написанію латинскаго упражненія. Оставляются въ томъ-же классѣ по малоуспѣшности: Жуковъ Тихонъ, Захарьевъ Александръ, Копьевъ Павелъ, Покровскій Алексѣй. Увольняется изъ семинаріи по малоуспѣшности—35. Ковалевскій Василій.

I параллельнаго класса переводятся во II классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Сушковъ Сергѣй, Никаноровъ Іоасафъ, Гогинъ Владиміръ. *Разрядъ 2-й.* Захарьевъ Иванъ, 5. Дейниковскій Ѡеоданъ, Дубянский Андрей, Вербицкій Астіонъ, Литкевичъ Алексѣй, Любарскій Сергѣй 2-й, 10. Шишловъ Павелъ, Поляковъ Михаилъ, Проскурниковъ Андрей, Самойловъ Владиміръ, Червонецкій Александръ, 15. Любарскій Сергѣй 1-й, Лисенко Иванъ, Пипенко Александръ, Булгаковъ Павелъ, Козловъ Борисъ, 20. Грековъ Михаилъ, Пантелеймоновъ Николай, Энеидовъ Михаилъ, Ведринскій Платонъ. Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ—Збука-

ревъ Николай—по всеобщей гражданской исторіи и греческому языку, 25. Ѳедоровскій Михайль, Ѳедюшинъ Николай—по греческому языку, Бондаревъ Иванъ, Цересыпкинъ Павелъ—къ написанію русскаго экзаменскаго сочиненія, Селезневъ Пареній—къ написанію греческаго упражненія, 30. Огинскій Василій—къ написанію латинскаго упражненія. Оставляются въ томъ-же классѣ по малоуспѣшности: Македонскій Владиміръ, Павловъ Антоній, Полтавцевъ Иларіонъ, 34. Пономаревъ Викторъ.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища за 1887/8 учебн. г.

1. Въ 1887/8 году Совѣтъ училища составляли: а) предсѣдатель Совѣта, магистръ богословія, священникъ Тимоѳей Буткевичъ, б) начальница училища, окончившая курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ дворянка дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Никандръ Оникевичъ, г) члены Совѣта отъ духовенства священникъ Паукратій Ивановъ и священникъ Николай Мощенковъ, д) почетный блюститель по хозяйственной части училища Николай Александровичъ Чикинъ и попечительница училища Александра Васильевна Гордѣенкова.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было: 6 нормальныхъ классовъ, 1 пригготовительный и одна церковно-приходская школа.

3. Учебный персоналъ состоялъ изъ 12 преподавателей, 11 учительницъ, 7 воспитательницъ 7 пепиньерокъ и одной учительницы церковно-приходской школы.

4. Къ началу 1887/8 учебнаго года въ училищѣ числилось 276 воспитанницъ.

Въ августѣ 1887 года принято 48 дѣвицъ,—47 въ пригготовительный классъ и 1 во 2.

Вслѣдствіе этого 1887/88 учебный годъ начался при 324 воспитанницахъ, изъ коихъ

въ пригготовит. кл. было 50 воспитанницъ

„	I	„	„	51	„	„
„	II	„	„	44	„	„
„	III	„	„	51	„	„
„	IV	„	„	56	„	„

въ	V	кл. было 47 воспитанницъ
"	VI	" " 25 " "

Всего . . . 324 воспитанницы.

5. Въ теченіи 1887/8 учебнаго года были приняты въ училище: въ приготовит. классъ 3 воспитанницы и во II кл. 2 воспитан.

Въ отчетный учебный годъ вышло изъ училища 11 воспитанницъ, а именно:

изъ пригот. класса	2	воспитанницы
" II	2	" "
" III	1	" "
и " IV	6	" "

6. Къ началу годовичныхъ испытаній въ училищѣ числилось:

въ пригот. классѣ	51	воспитанница
" I	51	" "
" II	44	" "
" III	50	" "
" IV	50	" "
" V	47	" "
" VI	25	" "

Всего . . . 318 воспитанницъ.

7. Послѣ годовичныхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ настоящаго года по постановленію училищнаго педагогическаго Совѣта, отъ 23 мая и 6 юня н. г.,

А. Удостоены перевода въ слѣдующіе классы:

Изъ приготовител. въ I классъ 41 воспитанница (изъ нихъ въ 1 разрядѣ 21).

Изъ I во II классъ 36 воспитанницъ (изъ нихъ въ 1 разр. 14).

Изъ II въ III классъ 37 воспитанницъ (изъ нихъ въ 1 разр. 15).

Изъ III въ IV классъ 39 воспитанницъ (изъ нихъ въ 1 разр. 12).

Изъ IV въ V классъ 42 воспитанницы (изъ нихъ въ 1 разр. 14).

Изъ V въ VI классъ 25 воспитанницъ (изъ нихъ въ 1 разр. 7).

Въ VI классѣ окончили полный курсъ училищнаго образованія 24 воспитанницы, которымъ, на основаніи § 111 устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

Б. Оставлены въ тѣхъ-же классахъ на повторительный курсъ— по малоуспѣшности, малоразвитости, по просьбѣ родителей и болѣзни:

въ пригот. классѣ	2	воспитанницы
„ I	4	„ „
„ II	5	„ „
„ III	1	„ „
„ IV	3	„ „
„ V	4	„ „

В. Воспитанницамъ, не окончившимъ экзаменовъ и не державшимъ таковыхъ вовсе—по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію послѣ каникулъ въ августъ мѣсяцъ:

въ пригот. классѣ	8	воспитанницамъ
„ I	11	„ „
„ II	1	„ „
„ III	10	„ „
„ IV	4	„ „
„ V	18	„ „
„ VI	1	„ „

8. Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ, за отличные успѣхи и благонаравіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами:

въ пригот. классѣ	7	воспитанницъ
„ I	4	„ „
„ II	9	„ „
„ III	5	„ „
„ IV	6	„ „
„ V	4	„ „
„ VI	9	„ „

СПИСОКЪ

воспитанницъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонаравіе, по опредѣленію педагогическаго Совѣта, награждаются похвальными листами.

Юня 9 дня 1888 года.

ПРИГOTOВИТЕЛЬНОГО КЛАССА.

1. Мирводина Дарія, Исиченкова Варвара, Приходькова Софья,

Шишлова Анна, 5. Юшкова Антонина, Петрова Любовь, Торанская 2 Екатерина.

I К Л А С С А.

1. Оеденко Евфросинія, Северинова Софья, Оглоблина Анна, Оедорова 1 Вѣра (Вас.).

II К Л А С С А.

1. Энеидова Александра, Шишлова 2-я Дарія, Попова 3-я Евдокія, Попова 1-я Лидія (Никол.), 5. Курасовская Анна, Воскобойникова Марія, Жукова Анна, Шишлова 1-я Антонина, Твердохлѣбова Софья.

III К Л А С С А.

1. Сапухина Евдокія, Павлова 2-я Неонила, Энеидова Клавдія, Васильковская Анастасія, 5. Дзюбанова Александра.

IV К Л А С С А.

1. Павлова Евгенія, Юшкова Анастасія, Лалкарева Анна, Мухина Евгенія, 5. Цономарева 1-я Серафима (Иван.), Погорѣлова Анастасія.

V К Л А С С А.

1. Штровальдъ Целэгія, Протопопова Антонина, Любарская Елена, Павлова Анастасія.

С П И С О К Ъ

воспитанницъ VI класса Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, окончившихъ курсъ и получающихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; причеиъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благопрііе, награждаются книгами.

Июня 9 дня 1888 года.

1. Алексѣевская Варвара — нагр. книгою, Бойкова Анастасія — нагр. книгою, Буханцова Наталія, Григоревская Клавдія, 5. Дзюбанова Марія — нагр. книгою, Жданова Татіана, Краснокутская Анна — нагр. книгою, Кувичинская Лидія, Максимова Лидія, 10. Мартиновичъ Елисавета, Могилянская Евгенія — нагр. книгою, Молчанова Анна, Насѣдѣина Антонина, Новопольская Лариса, 15. Оружійская Екатерина, Цестриченко Вѣра, Пуковская Елисавета — нагр. книгою, Рождественская Антонина, Романова Зинаида, 20. Соколова Марія — нагр. книгою, Сукачева Павла — нагр. книгою, Хижнякова Александра, Шишлова Евгенія — нагр. книгою, Ястремская Елисавета.

Примѣчаніе. Аттестаты семи сиротъ — окончившихъ курсъ Совѣтомъ училища имѣютъ бытъ обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляріи г. попечителя учебнаго округа, съ покрытіеиъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ сбереженій по канцеляріи Совѣта.

С П И С О К Ъ

воспитанницъ IV и V класса Харьковского Епархіального женскаго училища за 1887/8 учебный годъ.

IV К Л А С С А.

А) Удостоены перевода въ V классъ.

1. Артюховская Екатерина, Брайловская Марія, Будянская Любовь, Бутковская Евгенія, 5. Ветухова Анна, Грекова Марія, Грызодубова Галина, Губская Вѣра, Дахнѣвская Ксенія, 10. Жданова Аполлинарія, Жукова Марія, Климентова Наталія, Косьмина Анна, Корнильева Анна, 15. Краснопольская Екатерина, Лашкарева Анна—нагр. похв. листомъ, Лѣсницкая Марія, Максимова Марія, Мартиновичъ Анастасія, 20. Матвѣева Александра, Можелевская Анна, Мухина Евгенія—нагр. похв. листомъ, Оглоблина Елена, Павлова Евгенія—нагр. похв. листомъ, 25. Петрова Елисавета, Погорѣлова Анастасія—нагр. похв. листомъ, Подольская Антонина, Подольская Елена, Пономарева 1-я Серафима (Иван.) — нагр. похв. листомъ, 30. Пономарева 2-я Серафима (Андр.), Приходькова Антонина, Раздольская Анна, Рубинская Марія, Савенкова Евдокія, 35. Селзнева Марія, Соколова Елена, Ступницкая Надежда, Северинова Анна, Уманцева Софья, 40. Шебатинская Ирина, Щепинская Марія, Эллинская Марія, Юшкова Анастасія—нагр. похв. листомъ.

Б) Будутъ переведены въ V классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

По русскому языку: Чернявская Людмила, 45. Мощенко Анна, Алексѣевская Лидія—по ариѳметикѣ, Сабинина Софья—по исторіи.

В) Оставляются въ IV классъ на повторительный курсъ — по малоуспѣшности и малоразвитости.

Копѣйчикова Антонина и Андропова Марія — послѣдняя воспитанница оставлена въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ съ тѣмъ, что если она, въ первой четверти будущаго учебнаго года окажетъ неудовлетворительные успѣхи, то будетъ уволена совсѣмъ изъ училища, какъ неспособная болѣе къ продолженію ученія.

Г) Оставляется въ IV классъ на повторительный курсъ — по просьбѣ отца.

50. Сильванская Марія.

V К Л А С С А.

А) Удостоены перевода въ VI классъ.

1. Авксентьева Татіана, Антонова Софья, Василевская Александра, Власова Серафима, 5. Дейнеховская Александра, Жукова Марія, Жуковская Марія, Киприанова Александра, Колосовская Ольга, 10. Крыжановская Анна, Лобковская Анна, Лукашева Антонина, Любарская Елена — нагр. похв. листомъ, Макаровская Анастасія, 15. Никитская Лидія, Павлова Анастасія — нагр. похв. листомъ, Пестрякова Анна, Попова 1-я Пелагія, Протопопова Антонина — нагр. похв. листомъ, 20. Соколовская 2-я Марія (Вас.), Степурская Александра, Терпиловская Антонина, Хижнякова Вѣра, Чернявская Ольга, 25. Штровальдъ Пелагія — нагр. похв. листомъ.

Б) Будутъ переведены въ VI классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

По церковному пѣнію: Иннокова Зинаида, Иосифова Ольга, по сочиненію — Мухина Александра, Татарина Анна, 30. Толмачева Александра, по славянскому языку — Полянская Антонина, по ариѳметикѣ: Агнивцева Антонина, Сергіевская Марія, Титова Евгенія — по педагогикѣ, 35. Измайлова Матрона — по русскому языку и педагогикѣ, Малиженковская Анастасія — по Закону Божію и ариѳметикѣ, Соколовская 1-я Марія (Алекс.) — по славянскому языку и ариѳметикѣ, Мощенко Марія — по русскому языку и педагогикѣ, Троянова Марія — по славянскому языку и церковному пѣнію, 40. Крутьева Наталія — по славянскому языку и ариѳметикѣ, Даварева Анна — по славянскому языку и сочиненію.

В) Пономаревой Татіанѣ и Ракшевской Маріи, какъ не державшимъ экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

Г) Оставляются въ V классъ на повторительный курсъ — по малой успѣшности и малоразвитости.

Грызодубова Марія, 45. Яновская Юлія и Лядская Татіана.

Д) Оставляется въ V классъ на повторительный курсъ по просьбѣ отца.

Попова 2-я Александра.

Е) Воспитанницѣ VI класса, Измайловой Аннѣ, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ, по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Харьковской Университетской Антоніевской церкви *Теодоръ Кіанницынъ* утвержденъ законоучителемъ харьковскаго частнаго народнаго училища, содержимаго Е. А. Курдюмовою.

— Состоящій на псаломщицкой вакансіи при Покровской церкви сл. Липецъ діаконъ *Илья Ковалевъ* и псаломщикъ Тихоновской церкви слоб. Борщеваго, Харьковскаго уѣзда, *Теодоръ Ковалевъ* переиѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви сл. Щуровой, Изюмскаго уѣзда, *Іаковъ Чернявскій* умеръ, а на мѣсто его опредѣленъ исправляющимъ эту должность сынъ его *Андрей Чернявскій*.

— Псаломщикъ Покровской церкви села Новаго Мерчика, Валковскаго уѣзда, *Іоанвъ Калашниковъ* рукоположенъ во діакона.

— Окончившій курсъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, сынъ священника, *Михайль Павловъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Покровской церкви села Глазуновки, Зміевскаго уѣзда.

— Сынъ умершаго діакона *Николай Рудневъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Покровской церкви с. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ—Николаевской села Каменной-Яруги, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ *Захарій Шабельниковъ*; Троицкой села Старой-Рябины, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Діомидъ Безкишный*; Успенской слободы Большой-Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, купецъ *Алексѣй Кожушко*; Мирносицкой той-же слободы крестьянинъ *Даміанъ Колесникъ*; Покровской той-же слободы крестьянинъ *Иванъ Дикій*; къ Рождество-Богородичной села Алексѣвки, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ *Николай Ивановъ*; къ Харьковской Архангело-Михайловской на первое трехлѣтіе Харьковскій купецъ *Георгій Францовичъ Шиманскій*; къ Вознесенской сл. Ново-Красной, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ *Афанасій Давыденко*; къ Успенской сл. Двурѣчной, Купянскаго уѣзда, купецъ *Федоръ Чалый*.

— Церковный староста Софіевской церкви слоб. Малой-Алексѣвки, Харьковскаго уѣзда, *Савва Скляръ* уволенъ отъ этой должности.

— При Изюмскомъ Преображенскомъ соборѣ *третье* псаломщицкое мѣсто, по опредѣленію Харьковскаго Епархіальнаго начальства отъ 10/16 февраля н./г., въ силу опредѣленія Св. Синода отъ 16/24 декабря 1887 г. за № 2767, опубликованнаго во 2-мъ № Церковныхъ Вѣдомостей за 1888 годъ, *закрыто*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Церковно-приходскія школы и земства.—Взысканіе за уклоненіе отъ учительства въ церковно-приходской школѣ.—Вопросъ объ измѣненіи устава миссіонерскаго общества.—Недостаточность членовъ и средствъ миссіонерскихъ комитетовъ нѣсколькихъ епархій.—Значительное пожертвованіе на миссіонерское дѣло.—Распространеніе религіозно-нравственныхъ знаній.—Приготовленія къ празднованію 800-лѣтія крещенія Руси въ Кіевѣ.

Актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ въ настоящемъ году.

9 іюня сего года закончился учебный годъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. По обычаю, строго соблюдаемому харьковскими святителями, Божественную литургію въ училищной церкви совершилъ въ этотъ день Высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Харьковскій Амвросій. Въ служеніи съ владыкою принимали участіе о. ректоръ семинаріи, о. ключарь кафедральнаго собора, о. предсѣдатель Совѣта училища и священникъ училищной церкви о. Волобуевъ. На литургіи присутствовали служащіе въ училищѣ и учащіяся, многіе родители и родственники воспитанницъ, г-жа начальница Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ А. П. Голохвастова и немало постороннихъ лицъ. Пѣли на литургіи воспитанницы подъ руководствомъ своего учителя о. Петровскаго: пѣніе отличалось стройностію, выразительностію и невольно возбуждало въ присутствовавшихъ въ храмѣ благоговѣнное настроеніе. Въ концѣ литургіи Высокопреосвященный Владыко сказалъ проповѣдь, въ которой между прочимъ преподавъ вступающимъ, по выходѣ изъ школы, въ новую жизнь воспитанницамъ добрый совѣтъ быть послушными волѣ Божіей и довольствоваться своею участію, памятуя, что Господомъ направляются стопы человѣка (Притч. 20, 24) и что часто путь лишеній, который предстоитъ въ жизни нѣкоторымъ воспитанницамъ, оказывается путемъ ведущимъ человѣка къ счастію. Особенно назидательно и трогательно было слышать подтвержденіе послѣдней мысли разсказомъ о судьбѣ приснопамятнаго московскаго митрополита Иннокентія: онъ, по словамъ проповѣдника, и въ нѣжные годы дѣтства и школьнаго обученія жилъ такъ бѣдно, что ѣлъ хлѣбъ, печеный съ мякиною, и первый разъ въ жизни поѣлъ чистаго хлѣба, какъ лакомства, въ домѣ своей невѣсты; не смотря на это, онъ впоследствии, волею Промысла Божія, длиннымъ путемъ трудовъ и лише-

нѣй достигъ высокаго сана митрополита московскаго, и сталъ извѣстнымъ всей Россіи апостоломъ. Литургія закончилась провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, Св. Правительствующему Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, начальствующимъ, учащимъ, учащимся и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

По окончаніи литургіи, лицамъ, совершавшимъ оную и присутствовавшимъ на ней г-жею начальницею училища въ ея комнатахъ былъ предложенъ чай, послѣ котораго всѣ бывшіе у г-жи начальницы отправились въ училищный залъ, гдѣ уже собрались воспитанницы и много посѣтителей въ ожиданіи акта. Актъ удостоили своимъ посѣщеніемъ г-нъ начальникъ губерніи А. И. Петровъ, Преосвященнѣйшій епископъ Сумскій Петръ и другія почетныя лица города. На актѣ былъ прочитанъ отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго училища за 1887/8 учебный годъ; изъ отчета оказалось, что всѣхъ воспитанницъ въ означенномъ году было въ училищѣ 324; изъ нихъ 24 окончили полный курсъ училищнаго образованія. Послѣ чтенія отчета, окончившимъ курсъ воспитанницамъ были выданы аттестаты, предоставляющіе имъ право домашнихъ учительницъ, при чемъ 9 воспитанницъ за отличные успѣхи и поведеніе были награждены книгами.

Послѣ сего инспекторомъ классовъ о. Никандромъ Онкевичемъ былъ прочитанъ отчетъ о существующей при Епархіальномъ училищѣ одноклассной церковно-приходской школѣ за истекшій 1887/8 учебный годъ. Число учившихся въ этой школѣ простиралось до 40 человекъ, которые для удобства занятій и соответственно развитію своему были раздѣлены на 2 отдѣленія—старшее и младшее. Учебный годъ простирался съ 31 августа по 28 мая, причемъ въ обоихъ отдѣленіяхъ школы пройдено все, что указывается программой I и II годовъ обученія въ одноклассной церковно-приходской школѣ. Кромѣ законоучителя и учительницы, занятія въ школѣ производились и воспитанницами V и VI классовъ Харьковскаго Епархіальнаго училища, подготовлявшимися такимъ образомъ къ будущему своему служенію въ качествѣ учительницъ народныхъ школъ. Занятія эти организованы были слѣдующимъ образомъ. Воспитанницы V класса ежедневно по 2 присутствовали на всѣхъ урокахъ законоучителя и учительницы школы и, присматриваясь къ ихъ занятіямъ, подготовлялись къ дѣятельному участию своему въ обученіи дѣтей въ школѣ въ слѣдующемъ году. Воспитанницы VI класса а) ежедневно по 2 присутствовали въ школѣ, исполняя обязанности классныхъ надзирательницъ и приучаясь къ управленію.

школою; б) раздѣлившись на 3 очереди по 2 раза въ недѣлю отъ 3 до 5 часовъ пополудни репетировали съ дѣтьми уроки, преподаваемые имъ въ тотъ-же день и в) во второмъ полугодіи, по назначенію инспектора классовъ, давали въ школѣ утромъ самостоятельные уроки, замѣвая законоучителя и учительницу. Эти уроки производились въ присутствіи инспектора классовъ, учительницы школы и воспитанницъ VI класса и по окончаніи ихъ обсуждались, причемъ указывались достоинства и недостатки каждаго урока. 28 мая сего года коммисіею изъ начальницы училища, инспектора классовъ, законоучителя и учительницы школы, въ присутствіи приглашеннаго на это торжество наблюдателя за церковно-приходскими школами г. Харькова, о. протоіерея П. Г. Ковалевскаго и воспитанницъ VI класса, произведенъ былъ экзаменъ ученикамъ обоихъ отдѣленій школы, причемъ 9 ученикамъ за благоправіе и отличные успѣхи были выданы награды въ училищной залѣ на актѣ вмѣстѣ съ воспитанницами.

Плоды усердныхъ занятій учительницы школы Н. И. Поповой обнаружались на актѣ.

Дѣти, по желанію Его Высокопреосвященства, довольно стройно пропѣли „Благослови душе моя Господа“, „Иже херувимы“ и: „Боже царя храни“.

Актъ законченъ былъ пѣніемъ всѣми воспитанницами народного гимна.

По окончаніи акта, г-жею начальницею былъ предложенъ присутствовавшимъ на актѣ обѣдъ въ столовой воспитанницъ. За однимъ столомъ съ приглашенными гостями обѣдали и окончившія курсъ воспитанницы. Въ концѣ обѣда, послѣ тоста за Его Императорское Величество Государя Императора, первая изъ воспитанницъ, Краснокутская, въ небольшой рѣчи высказала благодарность Его Высокопреосвященству за заботы о нуждахъ воспитанницъ и провозгласила тостъ за его здоровье, послѣ чего всѣ присутствовавшія за столомъ пропѣли „многая лѣта“ архипастырю. Владыка въ отвѣтъ на эту рѣчь провозгласилъ тостъ за начальствующихъ, учащихъ и воспитанницъ училища. Послѣ этого тоста одинъ изъ представителей сельскаго духовенства епархіи, священникъ Старобѣльскаго уѣзда, В. Алексѣевскій, обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующею рѣчью:

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Сельское духовенство епархіи, въ числу коего я принадлежу, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за интересами любимаго имъ жен-

скаго Епархіального училища; всѣ, даже самыя малѣйшія улучшенія въ немъ, несказанно радуютъ насъ и мы благословляемъ и молимся всегда за тѣхъ лицъ, кои споспѣшествуютъ благу нашего дорогого училища, причины сему понятны: за недорогую сравнительно плату, дѣти наши получаютъ прочное правильное воспитаніе въ духѣ Православной Христіанской религіи и по выходѣ изъ училища, не только не бываютъ въ тягость родителямъ своимъ, но служатъ для нихъ большимъ облегченіемъ; они готовятъ меньшихъ членовъ семейства для поступленія въ училища; помогаютъ отцамъ своимъ въ занятіяхъ съ дѣтьми церковно-приходскихъ школъ; дѣти-же псаломщиковъ и бѣднѣйшихъ священниковъ, поступаая на учительскія мѣста въ земскихъ школахъ, оказываютъ родителямъ своимъ хотя небольшую матеріальную помощь. За послѣдніе годы, училище наше много измѣнилось къ лучшему, какъ въ учебно-нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ; всѣ лица, завѣдывающія училищемъ и всѣ почти преподаватели оваго съ высшимъ образованіемъ,—слѣдствіемъ сего является то, что дочерямъ нашимъ, по выходѣ изъ училища, оказывается предпочтеніе предъ другими при полученіи мѣстъ. Не знаю какъ гдѣ, но въ 5 благочинническомъ округѣ старобѣльскаго уѣзда изъ 17 земскихъ школъ, 10 мѣстъ занято воспитанницами женскаго Епархіального училища, а въ цѣломъ уѣздѣ имѣется болѣе 70 школъ и смѣло можно предположить, что половина мѣстъ занята дочерьми духовенства, получившими воспитаніе въ харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ. И справедливость требуетъ сказать, что они ведутъ дѣло свое прекрасно, по отзывамаъ лицъ завѣдывающихъ народнымъ образованіемъ въ уѣздѣ и оо. законоучителей. Въ экономическомъ отношеніи,—дѣло ведется въ училищѣ такъ хорошо, что привело въ изумленіе депутатовъ послѣдняго Епархіального съѣзда духовенства, въ числѣ коихъ имѣлъ честь быть и я. И дѣйствительно, было чему удивиться: изъ представленныхъ съѣзду отчетовъ по училищу, провѣренныхъ членами назначенной съѣздомъ ревизионной комиссіи, мы увидѣли, что за послѣдніе 4 года, изъ смѣтныхъ остатковъ училищныхъ суммъ, у насъ сдѣлано сбереженій болѣе 40 тысячъ рублей, на которые отремонтировано училищное зданіе, церковь, сдѣлано нѣсколько новыхъ зданій, улучшена пища и одежда воспитанницъ и все это сдѣлано безъ новыхъ взносов со стороны епархіи. Я не хочу, Ваше Высокопреосвященство, набросить этимъ какую-либо тѣнь на прежнихъ дѣятелей училища, но хочу только сказать, что по пословицѣ „всякое дѣло мастера бо-

ится", что настоящимъ дѣателямъ училища интересы онаго также дороги, какъ свои собственные, если только не болѣе. Какъ хорошо поставлено наше училище, и какъ хорошо живетъ въ немъ нашимъ дѣтямъ, доказательствами тому могутъ служить отзывы и письма дѣтей нашихъ, въ которыхъ они съ восторгомъ описываютъ намъ, родителямъ, свою жизнь въ училищѣ, тѣ слезы ихъ, какими сопровождается послѣдній день пребыванія ихъ въ училищѣ и, наконецъ, постоянныя добрыя ихъ воспоминанія о своей дорогой Alma mater. А кому-же и вѣрить намъ, какъ не дѣтямъ? Вѣдь о худомъ не сожальютъ! Всѣми этими улучшеніями нашего дорогого училища мы обязаны, милостивѣйшій архипастырь, Вамъ, Вашей отеческой заботѣ о судьбѣ нашихъ дѣтокъ, Вашему умѣнью избирать и поставлять людей на тѣ служебныя посты, какіе они могутъ занять по своимъ силамъ, способностямъ и энергіи къ дѣлу; мы знаемъ, что много, много приходится Вамъ, любвеобильнѣйшій архипастырь, нести трудовъ, заботъ, непріятностей и огорченій по устройству училища для дѣтей нашихъ; мы цѣнимъ это и всегда молимся за Васъ, чтобы Милосердый Господь подкрѣпилъ силы Ваши и сохранилъ еще на долго пребываніе Ваше на паствѣ харьковской къ утѣшенію духовенства оной, истинно любящаго и почитающаго Васъ; молимся также за начальствующихъ, за учащихъ дѣтокъ нашихъ и всѣхъ благодѣтелей нашего дорогого училища, да продлитъ Милосердый Господь дни жизни ихъ въ мирѣ и благоденствіи.

Позвольте-же, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, предложить тостъ за здоровье Ваше иотъ имени духовенства отдаленнѣйшаго края Епархіи, Вамъ вѣрвнной, а пожелать Вамъ многая и многая лѣта.

Рѣчь заключена была пѣніемъ многолѣтія Харьковскому архипастырю.

Отвѣчая на эту рѣчь, владыка сказалъ, что ему очень пріятно слышать о томъ, что духовенство епархіи такъ цѣнитъ труды стоящихъ во главѣ училища и съ такимъ сочувствіемъ относится къ дѣятельности всѣхъ, завѣдующихъ дѣломъ училищнаго образованія. Упомянувши о цвѣтущемъ состояніи Епархіальнаго училища, Высокопреосвященный присовокупилъ, что и другой разсадникъ просвѣщенія дѣтей духовенства—духовная семинарія—находится въ настоящее время въ отличномъ состояніи во всѣхъ отношеніяхъ. Затѣмъ Его Высокопреосвященство провозгласилъ тостъ за начальствующихъ и учащихся въ училищѣ, на который и было отвѣчено

пѣніемъ многолѣтія. Общее оживленіе, господствовавшее за столомъ, задумчивый тонъ рѣчей и теплыя взаимныя пожеланія сдѣлали то, что этотъ день надолго останется пріятнымъ воспоминаніемъ для всѣхъ присутствовавшихъ на торжествѣ.

— Благосостоянію церковно-приходской школы много мѣшаютъ земства. По справедливому замѣчанію журнала „Правда“, со всѣхъ концовъ Россіи приходятъ жалобы на недружелюбное отношеніе земства къ поддерживаемой правительствомъ церковно-приходской школѣ. Печальное состязаніе, ложно понятаго и совершенно неумѣстнаго самолюбія ведетъ, несомнѣнно, къ чувствительному проигрышу въ важнѣйшемъ дѣлѣ. „Не по нашему, не по нашимъ учебникамъ учать — пусть безъ насъ справляются“ — таковы подлинныя слова одного изъ видныхъ земскихъ дѣятелей въ земскомъ собраніи одной губерніи. Земцы, очевидно, забываютъ, что если у нихъ и есть „свои“ методы преподаванія, то деньги, на которыя они проводились и проводятся, принадлежали и принадлежатъ не имъ, а собраны съ народа, едва-ли вполне раздѣляющаго ихъ педагогическіе взгляды.

Указанный фактъ тѣмъ прискорбнѣе, что наши земства вообще, кажется, не богаты средствами. Последнее видно, между прочимъ, изъ постановленія чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія въ Самарѣ, на дняхъ, по сообщенію телеграфа, рѣшившаго ходатайствовать объ отсрочкѣ еще на три года возврата ссуды, выданной населенію въ неурожайные годы и простирающейся до 1,700,000 р., о выдачѣ губернскому земству на текущія потребности заимообразно 200,000 руб. и о принятіи на счетъ казны части расходовъ, произведенныхъ земствомъ на борьбу съ чумною эпизоотіей. („Церк. Вѣстн.“).

— Корреспондентъ „Сына Отечества“ сообщаетъ о слѣдующемъ, имѣвшемъ мѣсто въ Козельскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, случаѣ оштрафованія одного изъ псаломщиковъ за уклоненіе отъ обученія дѣтей церковному пѣнію въ школѣ и за ослушаніе епархіальнаго начальства. Наблюдатель церковно-приходскихъ школъ донесъ преосвященному, что при обзорѣни одной изъ ввѣренныхъ ему школъ онъ нашелъ, что учитель этой школы діаконъ, за охриплостью голоса, не можетъ обучать дѣтей церковному пѣнію, а занимается пѣніемъ самъ законоучитель, мѣстный священникъ; но имѣя въ виду, что въ церкви мальчики должны пѣть не съ священникомъ, а съ псаломщикомъ, которому, для болѣе стройнаго пѣнія, самому необходимо участвовать въ обученіи дѣтей, наблю-

датель просилъ священника, чтобы онъ приказалъ своему псаломщику ходить въ школу, согласно росписанію недѣльныхъ уроковъ, четыре раза въ недѣлю для обученія дѣтей пѣнію. При послѣднемъ посѣщеніи священникъ и діаконъ заявили наблюдателю, что псаломщикъ ихъ по своему упрямству и грубости, уклоняется отъ обученія дѣтей пѣнію, такъ что почти за три мѣсяца онъ являлся въ школу только два раза. На этомъ донесеніи послѣдовала точная резолюція преосвященнаго: „Псаломщика этого, какъ явнаго ослушника распоряженій начальства, немедленно послать на послушаніе и труды въ Оптину пустынь на одинъ мѣсяць“.

— Предстоитъ восемнадцатая годовщина миссіонерскаго общества. По этому поводу въ одномъ изъ московскихъ журналовъ („Д. Пом.“) былъ возбужденъ вопросъ о необходимости существенныхъ измѣненій въ уставѣ общества. Журналь доказываетъ, что нельзя склонять людей на помощь дальнимъ иноподцамъ, когда предъ нами на каждомъ шагѣ вопіющія нужды родного народа, что въ основу миссіонерскаго дѣла должна быть положена внутренняя миссія, которая будетъ имѣть въ виду религіозныя нужды православныхъ и раскольниковъ, и что слѣдуетъ усилить и расширить православную миссію, по отношенію къ исповѣдующимъ нехристіанскія религіи: вѣдученіемъ въ уставѣ общества обращенія мусульманъ и евреевъ. Журналь при этомъ полагаетъ, что единственнымъ путемъ къ успѣшнѣйшему развитію православной миссіи въ дальнихъ предѣлахъ нашего отечества должно быть предварительное развитіе ея внутри Россіи: примѣнительно къ разнообразнымъ мѣстнымъ нуждамъ, что дѣло миссіи тогда знакомо будетъ народу, по собственному опыту, и донаводя собственнымъ опытомъ благодѣанія православной миссіи, православное общество почувствуетъ живую ревность къ наибольшему ея распространенію. Въ настоящее время пожертвованія на миссіонерское общество собираются съ трудомъ, не безъ напоминаній и побужденій, взносы сокращаются или упилачиваются неохотно, самые комитеты по епархіямъ открываются крайне медленно—до 20 епархій доселѣ еще не открыли мѣстныхъ комитетовъ въ теченіи восемнадцати лѣтъ, а открытые съ трудомъ собираютъ по нѣскольку сотъ рублей. Все дѣло носитъ характеръ вялости, несочувствія, искусственности и принудительности; каждую минуту оно готово пойти на убыль, и безъ напоминаній и предписаній, безъ официальной обязательности и отчетности—идти не можетъ. Необходимо помочь дѣлу преобразованиемъ самаго миссіонерскаго общества.

— Одна изъ указанныхъ частныхъ мыслей выражена и томскимъ енарх. комитетомъ мисс. общества въ появившемся отчетѣ за 1887 г. Комитетъ усмотрѣлъ, что томская епархія, не смотря на то, что въ ней находится значительное число язычниковъ, обращеніе которыхъ ко Христу должно быть дорого для каждаго вѣрнаго сына святой Церкви, и что на ея глазахъ трудятся миссіонеры, десятки лѣтъ дѣлаетъ приношеній на миссію гораздо меньше другихъ епархій, которыя знаютъ о миссіяхъ только по слуху, хотя и въ тѣхъ епархіяхъ приношенія въ сущности очень невелики. Впрочемъ, послѣ того, какъ енарх. духовенство, по просьбѣ комитета, разъяснило народу задачи миссій, дѣла комитета нѣсколько поправились; равнымъ образомъ и число лицъ, представившихъ членскіе взносы въ пользу мисс. общества въ отчетномъ году, значительно увеличилось въ томской епархіи. Оно простиралось до 230 человекъ, тогда какъ въ предыдущемъ году всего было 80 человекъ.

Изъ отчета астраханскаго мисс. комитета за 1887 годъ (17 со времени открытія) видно, что въ отчетномъ году всѣхъ членовъ числилось всего 438, въ томъ числѣ уплатившихъ членскій взносъ только 237. (Правда, между неуплатившими есть не мало выбывшихъ изъ астраханской губ. и умершихъ). Великое дѣло, возложенное на комитетъ—распространять христіанство на громадномъ пространствѣ, среди постоянно передвигающейся съ мѣста на мѣсто массы язычниковъ, при обстановкѣ, нынѣ существующей, не можетъ достигать значительныхъ результатовъ по недостатку лицъ и церквей въ степи. На всю степь только двѣ церкви и обѣ въ близкомъ между собою сосѣдствѣ. Миссіонеровъ, надлежащимъ образомъ подготовленныхъ, можно сказать, вовсе нѣтъ.

Недавно открытый петербургскій комитетъ миссіонерскаго общества также озабоченъ увеличеніемъ своихъ членовъ и денежныхъ средствъ. 27 прошлаго мая было первое собраніе членовъ этого комитета, и въ этомъ собраніи, послѣ приведенія въ извѣстность поступившихъ въ его распоряженіе денежныхъ пожертвованій, всего въ количествѣ нѣсколько болѣе 500 р., обсуждались мѣры, которыя желательно было бы принять для большей огласки новаго общества въ Петербургѣ и увеличенія количества его членовъ и средствъ.

Открытъ, 29 апрѣля, новый комитетъ мисс. общества въ Саратовѣ, при участіи около 60 лицъ, приглашенныхъ въ собраніе епархіяльнымъ епископомъ особыми повѣстками. По приглашенію преосвященнаго, бывшія въ собраніи лица, принявъ на себя зва-

ніе членовъ православнаго мисс. общества и сдѣлавъ соотвѣтственный званію взносъ, изъявили полное согласіе на открытіе въ саратовской епархіи комитета названнаго общества и свою готовность содѣйствовать успѣшной дѣятельности комитета въ предѣлахъ и задачахъ Высочайше утвержденнаго устава общества. Въ кассу вновь организованнаго комитета поступило всего 307 руб. 65 к., въ томъ числѣ отъ епископа 100 р.

— Рѣдко, но все-же бываютъ замѣчательныя пожертвованія на миссіонерское дѣло. Такъ въ извѣстномъ селѣ Павловѣ одинъ изъ ремесленниковъ въ недѣлю Православія вручилъ въ церкви своему духовному отцу 50 рублей „на разъясненіе и распространеніе православной вѣры“, затѣмъ черезъ два дня представилъ въ церкви священнику еще 100 руб. „на проповѣдь и распространеніе православной вѣры“. Въ донесеніи объ этомъ священника замѣчалось, что въ недѣлю Православія, для возбужденія въ прихожанахъ усердія къ дѣлу распространенія православной вѣры между язычниками, было прочитано поученіе въ церкви. („Церк. Вѣст.“)

— Для распространенія религіозно-нравственныхъ знаній чаще и чаще прибѣгаютъ нынѣ къ книгѣ. Такъ, протоіерей Протасовъ составилъ полезную въ этомъ отношеніи книгу, подъ названіемъ: „Нѣчто изъ разговора прихожанина съ приходскимъ священникомъ“. По оффиціальному отзыву объ этой книгѣ, сдѣланному по порученію оренбургскаго епископа, нельзя не назвать удачною мысль автора популяризовать церковныя вопросы въ предлагаемой формѣ. Содержаніемъ бесѣды о Протасова служатъ разсмотрѣніе и рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: можетъ-ли общество нашихъ раскольниковъ называться церковью? Почему и въ какомъ смыслѣ раскольники называютъ православныхъ „никоніанцами?“ Вводилъ-ли Никонъ какія-либо новшества? Были-ли раньше Никона попытки исправленія богослужебныхъ книгъ? Что послужило причиною появленія раскола въ русской Церкви? и др. Составитель отзыва призналъ полезнымъ отпечатать эту бесѣду, для продажи и раздачи церквамъ и частнымъ лицамъ. Совѣтъ оренбургскаго братства опредѣлилъ отпечатать бесѣду въ 1,200 экземплярахъ. („Церк. Вѣст.“)

— Такъ какъ предстоящее юбилейное торжество 15 іюля будетъ исключительно русскимъ православнымъ праздникомъ, то и депутации въ Кіевъ на торжество, по словамъ „Кіевлянина“, пріѣдутъ только русскія: придутъ представители отъ духовенства, городовъ, духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ. Наши единовѣрцы изъ чужихъ земель, которые пожелали-бы посѣ-

тить Кіевъ въ юбилейные дни, будутъ приняты, какъ гости нашего домашняго праздника, но не какъ депутаты или представители. Такимъ образомъ предполагается прибытіе православнаго румынскаго митрополита, вмѣстѣ съ четырьмя епископами, черногорскаго владыки Иллариона и нѣсколькихъ духовныхъ лицъ изъ Болгаріи. Вопросъ о квартирахъ для иногороднихъ гостей, еще не рѣшенъ окончательно, такъ какъ неизвѣстно количество гостей; во всякомъ-же случаѣ онъ значительно упрощается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ іюлѣ будутъ свободны обширныя помѣщенія кіевскихъ учебныхъ заведеній: въ случаѣ надобности, здѣсь могутъ быть приготовлены квартиры, хотя и не вполне комфортабельныя, но достаточно просторныя.

Въ духовной академіи предполагается устроить торжественный актъ въ одинъ изъ дней празднества. Быть можетъ, въ этомъ актѣ приметъ участіе и университетъ св. Владиміра. На актѣ будутъ предложены чтенія, соотвѣтствующія характеру празднества.

Въ одинъ изъ дней торжества представители города, мѣстныхъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, вмѣстѣ съ гостями Кіева, совершатъ прогулку по Днѣпру, во время которой предположено сдѣлать остановки въ Вышгородѣ и Межигорѣ, а затѣмъ спуститься внизъ по рѣкѣ до Триполья, Ржищева и Канева.

Мѣстные ученые журналы: „Труды кіевской духовной академіи“ и „Кіевская Старина“, какъ и другіе журналы—духовные: „Руководство для сельскихъ пастырей“ и „Воскресное чтеніе“, издадутъ ко дню торжества номера, исключительно посвященные празднуемому событію.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

КРАТКІЙ КУРСЪ ЦЕРКОВНАГО ПРАВА

Православной Греко-Россійской Церкви,

съ указаніемъ главнѣйшихъ особенностей католическаго и протестантскаго церковнаго права,

составленный профессоромъ И. С. Бердниковымъ.

КАЗАНЬ. 1888.

Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему, будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакція~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.